

МИНДАЛЬ

Эдуард Захаревич

Леон Вердьё

РОМАН

Часть первая

Глава первая

Такси петляло по вечернему Парижу. Мимо неспешно проплывали яркие вывески, брызгами теплого света обдавали машину фонари. Город жил, подчиняясь своим законам и правилам игры. Кто знает, сколько людей в этот момент любят друг друга, невыносимо страдают, заразительно смеются или тихо плачут. Только я и водитель, казалось, едем из давно позабытого ниоткуда в туманную, не отмеченную на картах мира бесконечность: бессмысленную, безвкусную, лишённую хоть единого проблеска мысли.

На меня навалилось чувство полного оцепенения. Прижавшись лбом к холодному окну, я думал, что минувшая неделя оказалась очень богатой на события. Еще во вторник я сидел на переднем кресле отцовского кабриолета и, прогуливая учебу, мчался на всех парах в

Марсель, где ждала девушка. Сегодня пятница. Пожилой усатый Харон везет меня через марево разноцветных огней в местечко под названием «Нью-йоркский бар Гарри», куда мне приказным тоном велела ехать Лилиан. И все бы ничего, только вот предвкушение хорошего вечера в компании близких друзей должно было вызывать совершенно другие эмоции, а не те, которые я испытывал.

Мне не хотелось их видеть. И, вроде бы, мы не ссорились, не пробегала между нами ни черная кошка, ни что похуже. Просто что-то со мной было не так. Даже собственное общество я бы в этот момент с радостью променял на возможность побыть кем-то другим.

Начался дождь. Капли падали на лобовое стекло и сбегали вниз, дрожа от непонятого азарта. Оцепенение переросло в нечто большее. Мне не хотелось двигаться, не хотелось говорить. Хотелось раствориться в электрическом свете фонарей. Только бы не оставаться собой...

Такси со стоном остановилось. Несколько секунд я старательно вспоминал, что необходимо сделать дальше. А когда вспомнил, поспешно расстегнул молнию куртки и полез во внутренний карман за деньгами. В последнее время поездки на такси вошли у меня в привычку. Когда

живешь в кампусе, своя машина не очень-то нужна. Ездить же на семейном авто в последний раз мне довелось лет пять назад, когда за мной приехал так хорошо знакомый темно-синий Мерседес, чтобы увезти из школы на каникулы.

Мы ехали по безлюдной дороге, точно так же моросил дождь. Я возвращался домой, но мне не было радостно, как другим детям. Я все представлял, что будет дальше: как меня встретят родители, о чем будут спрашивать, что я отвечу и как поднимусь к себе в комнату. Думал: а остались ли у меня друзья, придут ли в гости знакомые или я так и проведу все дни со взрослыми — от начала и до самого конца каникул.

Вдруг машина подскочила, послышалось громкое шуршание пробитой шины. Мерседес свернул на обочину, и шофер принялся звонить по своему сотовому телефону — по обычаю тех лет, огромному, как утюг. Помню, как шофер тогда решил ждать помощи эвакуатора, и я вышел из машины, дышал свежим холодным воздухом и мок под дождем. Он попытался было меня остановить (якобы я тут же простужусь, и ему за это попадет), но я возразил ему, вежливо и одновременно безапелляционно. В тот самый момент, стоя под дождем, от которого любой другой

предпочел бы скрыться в теплом, обитом кожей салоне, я испытал новое, ни с чем не сравнимое чувство самостоятельности и полной свободы.

Все это пронеслось в голове так быстро и ярко, что я на секунду даже ощутил себя тем самым двенадцатилетним ребенком. Как бы я хотел, чтобы и теперь дождь смыл это непонятное, тугое и безмолвное напряжение, спас меня от моих же мыслей.

Я достал пятьдесят лишних евро и, не задумываясь, вручил их водителю. «Какая разница, сколько давать? Пускай человек порадуетя». Водитель удивленно поднял седые брови, но возражать против такой расточительности не стал.

Около входа дежурил Стил. Холод заставлял его приплясывать и нетерпеливо смотреть на часы. Белая рубашка хлопала на ветру, и было видно, что он успел сильно замерзнуть. Видимо, поэтому, завидев меня около машины, друг сорвался навстречу, счастливо улыбаясь.

— Ты как, старина? — он протянул свою огромную ручищу, другой крепко обнимая меня за плечи. — Все уже на месте! Пойдем, на улице сегодня черт знает что!

Стил был немного похож на дружелюбную лохматую собаку. Даже говорил он всегда отрывисто и громко. Впрочем, как раз подобное сходство и наделяло его особой харизмой, и он сразу внушал доверие. Мы познакомились очень давно, когда были еще подростками. Помню, в четырнадцать я решил заняться игрой на гитаре. Отец не возражал. Он, видимо, заранее предвидел, что ничего путного из меня не выйдет. Музыкальное образование дало мне разве что блестящий навык игры на воображаемой гитаре, а вот у Стила кое-что получалось вполне сносно, и он временами подумывал о сцене и «мировом господстве». Я улыбнулся, вспомнив, как он обычно произносит это свое «мировое господство»: чуть рыча, разыгрывая из себя то ли злодея из мультфильма, то ли героя какого-то бездарного фантастического кино.

Бар был забит до отказа. Вокруг царило пятничное оживление, играла бодрая музыка, куда ни глянь — дружелюбные, счастливые лица, а радость будто бы растворилась в этом воздухе, полном ароматов чужих духов и тел, алкоголя, еды и табака. Люди предавались долгожданному веселью, как и бывает каждый раз в конце рабочей недели.

Лилиан и Жан примостились в самом дальнем углу, коротая время за ожесточенным спором. Мои губы невольно сложились в улыбку. Эти двое никогда не прекратят спорить. Они занимаются этим с того самого момента, как познакомились. Причем Жан все равно выиграет, но сделает это изысканно и неожиданно — так, что Лилиан не заметит его победы. Как истинный парижанин, он просто не может обидеть женщину. У Жана вообще много разных достоинств. Находясь рядом с ним, легко почувствовать себя неотесанным варваром. Но это не мешает ему быть хорошим другом. Он умеет вести себя деликатно, почти всегда держит дистанцию, но без труда поднимает настроение, когда это нужно. Пара его улыбок, мягких, полных необъяснимого шарма шуток, — и скуки как не бывало.

Они увидели нас и замолчали на полуслове. Жан деликатно кашлянул и указал Лилиан глазами в нашу сторону. Наверное, он думал, что делает это незаметно.

Мне никогда не были свойственны резкие перепады настроения, но внезапно радость встречи сменилась раздражением: друзья повели себя так, словно я был смертельно больным человеком, в присутствии которого

нужно соблюдать благоговейную тишину и не отвлекать его глупостями. Виной всему автокатастрофа, в которой позавчера погибли мои родители. «Неужели люди теперь всегда будут на меня так смотреть?» — пронеслось у меня в голове. Захотелось сказать что-нибудь резкое. Я даже открыл рот, но слова застряли в горле, когда мы встретились взглядами с Лилиан. Она теребила в руках салфетку и смотрела на меня почти испуганно. Ее выражение лица сейчас было совершенно не похоже на ту слегка надменную кукольную маску, которую она так любила носить. Поэтому высказывать свое недовольство мне расхотелось.

Несмотря на приобретенный образ блондинки-сердцеедки и любительницы роскоши, Лилиан никогда не была поверхностной (по крайней мере, мне так казалось). Стоило узнать ее поближе, и за всем этим маскарадом открывалась милая, чуткая девушка, обладающая добрым сердцем и завидным оптимизмом.

Сняв куртку и положив ее на свободный стул, я сел. Некоторое время все молчали. Лилиан разглядывала маникюр, Стил ерзал на диване, Жан задумчиво смотрел на каждого из нас по очереди, а я делал вид, что усердно изучаю меню. Мне было стыдно: «Сволочь. Какая же ты,

Леон, сволочь! — издевался внутренний голос. — Друзья тебе сочувствуют, по-настоящему, взаправду! А ты на них злишься, да еще и за меня прячешься». Я знал, что они очень хотят помочь. Даже несмотря на их молчание, я мог бы с легкостью сказать, о чем сейчас думает каждый из них.

Черт! Ведь если задуматься, я всегда знал их гораздо лучше, чем родителей. Отец вечно был занят. Его карьера всегда стояла на первом месте, и обсуждению это не подлежало. Пока я не пошел в частную школу, весь его вклад в мое воспитание ограничивался непререкаемым тоном, которым он говорил о «нужных» и «ненужных» вещах. А еще этот взгляд. Особый папин взгляд! У него было столько оттенков: укоряющий, упрекающий, обвиняющий, ожидающий, выжидающий, обличающий, обрекающий и, наконец, его самый любимый — равнодушный. Я помню, как сильно переживал из-за этого взгляда, даже боялся, что я не родной его сын. И когда он вдруг смотрел на меня с теплом и нежностью, я думал, что ошибаюсь или мне это снится. За что он был так жесток со мной?

Чужому человеку эта жестокость была бы совсем неочевидна. Он просто не понял бы, из-за чего все мои

переживания. Отец никогда меня не порол, редко ругал, часто баловал. Протягивал сахарную вату, а взгляд его был равнодушным. И кому это объяснишь? Мама тоже редко появлялась дома. Она увлекалась всем подряд. Правда, ни одно из ее многочисленных хобби так и не принесло долгожданного успеха или хотя бы удовлетворения. Кроме, пожалуй, курсов по дизайну интерьера, которые превратили наш дом в ожившую картинку со страниц каталога антикварной мебели: безупречную, выверенную до мелочей, идеальную и невероятно холодную.

Самым близким человеком в той, то есть я хотел сказать... в «моей» семье для меня была Соня. Гувернантка из России, которую маме порекомендовала хорошая знакомая. Она сумела стать мне другом: интересовалась детскими проблемами, отвечала на вопросы, а когда я был чем-то расстроен или грустил, гладила меня по голове и неодобрительно хмурилась. Если бы у меня тогда спросили, кого я больше люблю — маму или папу, то я бы не задумываясь, ответил: Соню. Самой большой трагедией моего детства стало то, что отец ее выгнал, как только отправил меня на обучение в частную школу с полным пансионом. Я так ему этого и не простил. Хотя, наверное,

стоило бы, потому что именно в частной школе я познакомился с Жаном и Лилиан.

Да, друзья стали для меня настоящей семьей. Они всегда были готовы выслушать и приходили на выручку по первому зову. Как и сейчас, в теоретически сложный момент. Я признателен судьбе за то, что она свела нас вместе. Как ни крути, но такое могло случиться лишь благодаря чуду: мои родители приехали из Италии, родители Стива — из Калифорнии, семья Жана — коренные парижане, а Лилиан для нас загадка... С ней можно говорить о чем угодно, но только не о ее происхождении.

Нужно было как-то начать разговор. Я отложил меню и заставил себя улыбнуться.

— Ну, что ты косишься на меня, будто что-то не так?
— как можно теплее спросил я у подруги.

— Ты у нас такой душка, что на тебя невозможно не коситься! — она комично похлопала ресницами. — Разве что-то не так?

— Да уж, что-то определенно не так, — вздохнул я.

— Извини, я не хотела тебя обидеть! — Лилиан виновато посмотрела на меня. Мне не очень-то понравился ее взгляд. Совсем не хотелось, чтобы передо мной сейчас

извинялись. За что? За то, что в моей жизни так складывается? Я решил поменять тему.

— А что это за место? Почему именно здесь?

— О! Это легендарное место! — восторженно сказал Жан. — Неужели ты здесь раньше не был? Именно здесь Фернан Петье изобрел «Кровавую Мэри»!

— Правда? — невольно улыбнулся я. — Тогда мы будем пить именно ее.

Я заказал для всех лучшую во Франции (по словам Жана) «Кровавую Мэри» и какой-то мелкой чепухи на закуску. Когда друзья поняли, что я не собираюсь плакать, страдать или молча грустить весь вечер, обстановка значительно разрядилась. Только Стил все еще барабанил пальцами по гладкой столешнице, будто в очередной раз вспоминая гитарную партию, и глядел в пространство тяжелым немигающим взглядом. Иногда этот его взгляд пугал окружающих, привыкших видеть парня совсем другим.

— Давайте выпьем за Леона! Чтобы у него все было хорошо! — Лилиан пощелкала длинными, ухоженными пальцами у Стила перед носом.

— За Леона! — прокашлявшись, откликнулся он.

Мы выпили, и Жан спросил, как прошла моя поездка в Марсель. Я со вкусом начал рассказывать, как проехал через всю страну ради одного свидания, затем разговор перешел на новые отношения моей подруги Лилиан и еще куда-то. Вроде бы, все наладилось. Стало так, как я хотел: никаких сочувственных взглядов, унылых разговоров и прочих атрибутов траура. Но когда первый бокал опустел и я задумался, что неплохо было бы заказать еще, Стил аккуратно положил руку мне на плечо. Этот обычный, простой жест обжег точно святая вода демона. Я, наконец, понял, что со мной не так! Друзья считают, что мне должно быть плохо, переживают, стараются утешить, как могут, но сам я абсолютно равнодушен к случившейся трагедии!

«Это неправильно! Катастрофически неправильно! — запаниковал мой внутренний голос. — Даже если я никогда не был особенно близок с родителями». Отчаянный призыв утонул в густой пустоте: я не смог испытать ни печали, ни других эмоций, кроме отвращения к самому себе. Мне стало не по себе от собственного равнодушия.

«Когда я успел стать таким безразличным? Неужели даже самое страшное, что может произойти в человеческой жизни, не способно меня расшевелить? Ведь было же что-

то, помимо кровного родства, что должно было оставить отпечаток, какие-то чувства, воспоминания из детства!»

Я задумался. Из подсознания начали выплывать смутные образы, больше похожие на рождественские открытки, чем на реальные воспоминания: мы с мамой идем в зоопарк, отец дарит мне на праздник красивый радиоуправляемый вертолет... Это все не то. Настоящие эмоции приходят к человеку позже, когда в его жизни происходят личные события. Но у нас в семье было не принято как-то реагировать на эти самые личные события. Было принято равнодушно спрашивать «Как прошел день?», равнодушно читать нотации, равнодушно заниматься своими делами...

Помню, как меня в первый раз поцеловала соседская девчонка. Я побежал к Соне и, пытаясь от недостатка слов, попытался ей рассказать. Как она смеялась! А после пожала мне руку... Соня восприняла это событие серьезно, как и многие другие события моего детства. Я до сих пор вспоминаю о ней. Значит, равнодушным я был не всегда.

— Ты вообще с нами? — потрясла меня за плечо Лилиан. — Ау!

— Да, прости, я задумался... — пытаюсь сосредоточиться, я тряхнул головой.

— Ты, наверное, не заметил, но перед тобой стоит новый бокал! — она саркастически ухмыльнулась. — Чем не повод для тоста?

Я сделал удивленные глаза и возвел руки к потолку — мол, случаются чудеса в жизни. Похоже, только алкоголь меня сегодня и спасет.

— Давайте выпьем за выпивку, чтобы она никогда не кончалась! — рассмеялся Стил.

Мне подумалось, что нужно напиться. Может, алкоголь решит мою маленькую моральную дилемму. Страдать или не страдать — вот в чем вопрос!

За этим тостом последовало еще несколько. Я старательно изображал веселье, шутил и делал вид, что ничего особенного не случилось, утешая себя тем, что вечеринка рано или поздно подойдет к концу. Тогда я смогу поехать домой и предаться той меланхолии, которая поджидала меня за пределами бара. Или же мой план «напиться» возымеет успех, и тогда я буду слишком пьян, чтобы думать.

После того как на столе возник пятый по счету коктейль, стало гораздо лучше. Гнетущее чувство вины отошло на задний план, и мне даже показалось, что надолго. Вероятно, так бы оно и было, если бы я сам не заговорил про учебу. Обсуждение предстоящих экзаменов и промывание косточек преподавателям вызвали новую волну неприятных эмоций, которые подкатили к моему горлу и пришибли приподнявшееся настроение.

Сорбонна была моей личной тюрьмой. Я никогда не понимал той страсти, того восторга, которые наполняли голос Жана в разговорах о ней. Если бы у меня был выбор, я никогда бы не стал там учиться. Но, увы, отец и слушать не желал об иных перспективах для своего единственного сына, кроме факультета коммерческого права в этом солидном университете.

Отец. Мои мысли завертелись, возвращаясь ко вчерашнему дню. Похороны замелькали перед глазами, словно картинки на слайдах. Мрачные люди, пышная обстановка, бесконечные похлопывания по плечу от незнакомых мужчин и заботливые объятия незнакомых женщин...

Заслонка, отделившая меня от собственных мыслей, рухнула. Они хлынули как вода через дыру в плотине. Должна ли моя жизнь измениться после случившегося? Что мне делать со своей жизнью? И с отцовским наследством заодно. До этого дня у меня не было своего имущества. Как распорядиться деньгами? Отец бы настоял, чтобы я открыл свое дело. Или занялся ценными бумагами...

Чтобы как-то очистить голову, я решил умыться. Извинился каким-то дурацким каламбуром и пошел искать уборную. Мне нужно было недолго побыть наедине с самим собой. Поэтому, не обращая внимания на то, что бар заполнен до отказа, я без зазрения совести заперся в единственном туалете, включил холодную воду и с наслаждением подставил под нее гудящую голову. Было приятно чувствовать, как тугая струя ударяется о затылок и стекает по волосам. Прошло, наверное, не меньше двух минут, прежде чем я со вздохом выключил воду и резко потряс головой. Капли разлетелись, обрызгав стены и пол. Я провел рукой по волосам: на меня смотрел привлекательный молодой человек с модной стрижкой. Чуть выступающие скулы, широкие брови, красивые губы. Сколько девушек они успели свести с ума? И этот красавец ничего не

чувствует. Ни-че-го. Неужели он такой же равнодушный, как и его родители? Или это равнодушие и есть его настоящее наследство?

Стил со смехом пересказывал историю про то, как его мать перед важным приемом накурилась марихуаны. Я слышал ее, наверное, в сотый раз, но остальных она неизменно приводила в бурный восторг. Сверкая глазами от азарта, Стил перешел к своему самому любимому моменту:

— И тут она как заржет прямо в лицо министру культуры: «Модильяни? Да какой это в жопу Модильяни?»

Стил вдруг осекся, увидев меня. До этого момента я думал, что мне удалось привести себя в порядок. Видимо, нет.

— Эй, так не пойдет! Чего это тебя перекосило? — смех постепенно стих, все уставились на меня.

— Да не переживай, это не из-за родителей, — смущенно буркнул я.

— Так, может, поделишься с нами? — помолчав, спросила Лилиан. — Подумаем, что можно сделать.

— Боюсь, прозвучит это крайне глупо... но... — я привычным жестом провел рукой по влажным волосам и, не зная, как продолжить, замялся: — Ладно, забудьте.

— Но... — Стил настойчиво пихнул меня локтем в бок. — Брось, выкладывай.

«Выкладывать» ужасно не хотелось, но менять тему было поздно. Оставалось соврать что-нибудь или поделиться хотя бы полуправдой.

— Просто я не знаю, что со мной творится. Никак не пойму, какой-то сумбур... — я горько усмехнулся и откинулся на спинку стула. — Не знаю, кем быть и что чувствовать. Глупость какая-то.

— Стил прав! Перекосило тебя хорошо, и не только внешне! — Лилиан звонко рассмеялась от неожиданности и, приставив ладонь к губам наподобие рупора, перешла на заговорщицкий шепот. — Могу тебе посоветовать быть интересным молодым человеком ста семидесяти семи сантиметров роста, с карими глазами и красивой улыбкой.

— Она имеет в виду, что тебе нужно быть собой, — Жан покрутил в руках бокал и поставил его на место.

— Ты не согласишься, но я это понял.

— Если понял, то в чем вопрос? Что тебе чувствовать? Мне кажется, время покажет, — он испытующе посмотрел на меня.

Я ухмыльнулся. То, что они говорили, было так просто, что не укладывалось в голове. Конечно, я рассказал им далеко не все, что меня тревожило, но этого и не требовалось. Советы «быть собой» и «довериться ходу времени» показались мне в тот момент самым разумным выходом из положения.

Быть может, мне нужно просто расслабиться? Время покажет, что я должен чувствовать, а пока совершенно незачем переживать, что я не могу по кому-то страдать. Все самые близкие люди здесь, рядом со мной.

— Расслабься, Леон, все будет как надо, — подвела итог моим размышлениям Лилиан. — Кстати, у тебя совершенно пустой стакан.

После этого разговора я успокоился. Похоже, ребята, сами того не заметив, нажали какую-то важную кнопку в моей голове. Меня переключило на оптимальный режим, и ничто не мешало спокойно провести вечер. Мрачные мысли и образы стремительно испарились. Все стало легко и понятно.

Я заказал еще выпивки. Играл легкий фортепианный джаз, создавая удивительную атмосферу невесомости. Алкогольные пары постепенно брали контроль над

рассудком и стирали полутона. Мне захотелось действовать: покорить Эверест, отправиться в кругосветное плавание, побывать на охоте, чтобы почувствовать себя, наконец, живым и настоящим. Я понял, что завидую Стилу с его романтической мечтой о большой сцене. Хорошо вставать по утрам и знать, чего можно ожидать от предстоящего дня.

Но вместо восхождения на Эверест я потерял способность запоминать. Может быть, оно и к лучшему. Мысли, как и разговоры, постепенно становились все менее осмысленными и внятными. Потом я в какой-то момент заявил, что хочу приключений... Лилиан горячо поддержала меня, предложив поехать в ночной клуб. Это было одобрено большинством голосов, и я вызвал такси. А вот дальнейшее наше поведение больше подошло бы героям глупого американского ситкома.

Договорившись ехать в «Лидо», мы вышли на улицу, но не успели пройти и пары метров, как Стил задел своим крепким плечом угрожающего вида парня в старых джинсах и остроносых сапогах.

— Смотри, куда прешь! — рыкнула жертва неуклюжести моего друга.

Стил уже было повернулся, чтобы извиниться, но грубые интонации воспламенили его пьяное бешенство.

— Порычи у меня, — выдохнул он. — Ковбой недобитый!

Парень без промедлений кинулся на Стила. Они сцепились, как два медведя, и подняли, наверное, столько же шума. Мы стояли, не в силах определить: то ли бросаться их разнимать, то ли подождать, пока успокоятся сами. Спустя пару минут противник совершил очередной захват и порвал Стилу куртку. Треск материи заставил нас поверить в реальность происходящего и метнуться на помощь. Думаю, втроем мы сумели бы одолеть «ковбоя», но где-то вдалеке послышался звук полицейской сирены. Драка закончилась мгновенно. Не знаю, о чем подумал парень, но мы решили, будто полиция едет непременно за нами. Лилиан пронзительно взвизгнула и закричала: «Бежи-и-им!» Мы тут же развернулись на сто восемьдесят градусов и побежали. Видимо, потому, что пьяное воображение, подстегнутое любимыми голливудскими фильмами, услужливо дорисовало нам картину ареста.

«Побег» закончился довольно быстро: на перекрестке Лилиан запнулась и сломала каблук. Бежать

дальше мы не могли, и Жан начал озираться в поисках убежища, но потом мы сообразили, что сирен больше не слышно.

Когда все отдышались и перевели дух, на меня напала истерика. Я смеялся как сумасшедший, не в силах остановиться. Последнее, что сохранила моя память, — безразличное лицо водителя такси, приехавшего забрать нас.

Глава вторая

С утра было холодно. Солнце, укрытое плотным слоем облаков, совсем не грело. Казалось, что столбик ртути в термометре вот-вот упадет ниже нулевой отметки. Набережная Сены смотрелась пустынно, редкие прохожие торопились поскорее оказаться там, куда направлялись, а я уже полчаса блуждал в поисках нужной улочки, где находился магазин «Букинист», и уже начинал задумываться о покупке карты: найти нужное место по памяти никак не удавалось.

Во мне жили смешанные чувства. Я ощущал непонятное, странное наслаждение от промозглого холода, который пробивался сквозь все слои не очень-то теплой

осенней одежды. Ветер от воды кто-то посчитал бы внезапной влажной пощечиной — мне он казался ласковым касанием женской руки: будто холодная красавица проводит по коже тыльной стороной ладони. Это успокаивало. Я дышал городским ветром, и он мне казался насыщеннее, «вкуснее» сельского. Здесь, в Париже, даже воздух был полон информации: запах бензина и резины, дизельного топлива от проплывающих мимо суденышек (наверное, лет сто назад это был сладковатый запах угля), аромат из закусовых и булочных, парфюм проходящих мимо незнакомок и незнакомцев. Я улыбнулся, подумав, сколько же всего различает какая-нибудь собака. А дома что? Наверное, только собаке и интересно. Влажная, слякотная немота. Может быть, именно поэтому после похорон я ни разу не был дома. Я помнил, как там пахнет в ноябре: влажными ветвями, мокрыми гравийными дорожками, мерзлой землей. Замогильно как-то...

Прошло больше месяца, а я старался не думать о том, что произошло. Но меня не оставляли запахи мокрой земли и глины, холод и равнодушие. Я слышал только молчание, молчание, молчание. И старался забыться в городе. Потеряться в нем. Но клубы надоели так, что одна только

мысль о них вызывала тошноту. Поэтому очень хотелось сменить обстановку, развеяться, повеселиться и, в конце концов, просто побыть с друзьями. В этот момент Жан и пригласил меня к себе на день рождения. Его дом для нас был чем-то вроде сказочного замка, куда можно попасть только за хорошее поведение. Жан не слишком-то часто к себе приглашал, поэтому я очень обрадовался, получив от него красивый конверт со штемпелем — приглашение вполне в духе Жана. И сейчас я ищу улицу, чтобы найти ему подарок. Но такое ощущение, что ищу самого себя.

Промозглая, ветреная погода обнажила мои нервы и застудила воображение. Поправив шарф, я вдруг подумал, что, спрятав подбородок в теплую шерсть, я на самом деле погрузился в себя. Наверное, так делает каждый прохожий. Поэтому они иногда налетают друг на друга. На самом деле по улицам бродит множество совершенно пустых туловищ. Они говорят и даже совершают порой механические действия, но их обладатели очень далеко: греются у горящих каминов и любуются на искорки теплого света в бокалах с вином. Я улыбнулся. Что-то новенькое в моем арсенале сумасшедшего. Мне всегда нравилось

«дорисовывать реальность», это помогало смириться с ее настоящей, порой весьма неприглядной внешностью.

Я остановился у небольшой декоративной скульптуры — такой же зеленой, как ставни на окнах нужного мне магазина, кстати, оказавшегося совсем небольшим, даже похожим на старинную лавку. Я толкнул деревянную дверь и вошел в уютное, хорошо освещенное помещение, напоминающее скорее миниатюрную библиотеку, нежели реальный магазин. Это было настоящее царство книг и пыли. Жан терпеть не может пыли, но любит хорошие книги, а я давно хотел подарить ему редкое коллекционное издание Дориана Грея. И вот недавно сокурсник подсказал, где отыскать такое сокровище.

Конечно же, я договорился о покупке романа заранее, но вопреки всякой логике, задавая строгому мужчине в круглых очках вопросы «о том самом издании», почувствовал себя школьником, только что разбившим окно. Наверное, так подействовала атмосфера тайны, будто разлитая в чуть прохладном и, кажется, невероятно одиноком воздухе магазина. Я казался себе глупым, и свои глупые вопросы хотел поскорее забыть, оставив без ответа. Но продавец-«библиотекарь», чуть недовольно сверкая

толстыми линзами в роговой оправе и стараясь скрыть раздражение вежливой улыбкой, отвечал на вопросы с готовностью. Когда он ушел за моей книгой, я присел на потертый диван, откинулся на спинку и облегченно вздохнул. Дело двигалось к завершению, и мне уже не терпелось оказаться в шумной гостиной, выпить чего-нибудь согревающего и пообщаться. Строгий господин вернулся, бережно, как ребенка на руках, держа мой подарок. Я поспешно встал с дивана и достал из кармана кошелек.

Ехать пришлось за город. Семья моего друга вполне могла бы себе позволить хорошенький особняк в шестнадцатом округе, но, как люди искусства, они не терпят раздражающей городской суеты. Мать Жана — скульптор с мировым именем. Многие готовы заплатить кругленькую сумму за право обладать хотя бы одной из ее работ. Но, как она сама бы добавила, «мастер творит не ради презренного металла». Конечно, некоторые парижане могут себе позволить поставить в садах или особняках нечто потрясающе интересное и в то же время спорное «от Дианы». Но больше всего мама Жана любит сотворить что-

нибудь этакое, созданное исключительно для самого искусства и приговоренное к галерейной жизни. Она никогда не объясняла смысла своих творений, а я понимал, что еще не дорос до них.

Про эту женщину вообще можно было говорить часами. Всю свою жизнь Диана посвятила «служению Аполлону». Она всегда была артистичной, а подчас и весьма эксцентричной особой. Возможно, поэтому Жан вырос без отца. Зато в окружении любящих родственников: бабушки, которая в молодости была довольно известной актрисой, и дедушки-писателя, популярного в узких элитарных кругах. Диана привила Жану чувство прекрасного, всегда следила за тем, как «ее произведение» одевается и держит себя. Жан имел врожденное чувство красоты, но еще больше он впитал его с молоком матери. Для него эстетика никогда не была просто словом, и он старался воплощать ее всем своим существом.

Я шел по изящной подъездной дорожке, петлявшей между кустами роз и маленькими пузатыми купидончиками, застывшими в комичных позах. Мраморная шутка, понятная только Диане. Огромный белоснежный особняк, выполненный в стиле неоклассицизма, горделиво

возвышался над всей округой. Площадка перед домом была заставлена машинами, а дверь отворена настежь. Видимо, вечеринка уже началась, и мне захотелось ускорить шаг.

Жан дежурил в холле. Его шелковый темно-синий жакет, белая блуза с жабо в духе раннего Боуи, узкие черные брюки и высокие сапоги на шнуровке отлично гармонировали с обстановкой. Почти где угодно это выглядело бы чересчур, но только не здесь. Я окликнул его и с удовольствием стянул плащ.

— Привет, именинник! Отлично выглядишь!

— О! Леон! Мы тебя заждались. Уже почти все собрались, только Лилиан где-то задержалась, — он, улыбаясь, подошел ко мне и раскинул руки для объятий.

— Я ездил за твоим подарком. Это нечто особенное. Уверен, ты его оценишь. Поздравляю! — я искренне рассмеялся, увидев, как загорелись его глаза от моих слов.

Мы обнялись. Худенькая, улыбчивая девушка взяла мой плащ и ускользнула, не привлекая внимания.

— Где же ходит Лилиан? Пора бы уже появиться, — он бросил взгляд на распахнутые двери, откуда доносились музыка, шум голосов и смех.

— Я пойду поздороваюсь с остальными, если ты не против.

— Да, конечно. Я позвоню ей.

Жан принялся искать мобильный телефон, а я направился в гостиную, ненадолго задержавшись перед огромным зеркалом. Оглядел себя с головы до пят, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, поправил рукава, пригладил волосы и остался доволен собой. «Время выходить на охоту. Думаю, Жан точно пригласил парочку свободных красавиц».

Большая гостиная была заполнена людьми. Они болтали, смеялись, пили шампанское, коллекционное вино и даже вполне обыкновенное бельгийское пиво. Сразу было видно, что Жан позаботился о том, чтобы удовлетворить пристрастия всех своих гостей: на столах, сервированных в разных стилях, красовались угощения на любой вкус.

Изысканные наряды гостей удивительно сочетались с антикварной мебелью и изящными драпировками, и, окруженный всем этим великолепием, я почувствовал, что мне здесь хорошо. Наверное, дело было в людях. Незнакомых я воспринимал как продолжение почти

театральных декораций, но друзья... один только взгляд на чье-то знакомое лицо заставлял меня улыбнуться и забыть обо всех тревогах, тягостных размышлениях и переживаниях. За свою жизнь я видел немало светских вечеринок, но нигде не было такого явного ощущения чистого, незамутненного света, как у Жана. Даже люди казались элегантным дополнением к хорошо продуманной ожившей картине.

Сделав глубокий счастливый вдох, я взял бокал у неприметного человека с подносом и огляделся. «Где все? Недавно же кто-то мелькал?» — пронеслось в моей голове. От одной из компаний отделилась массивная фигура Стила. Его клетчатая рубашка, футболка и потертые джинсы смотрелись как наряд из другого мира. Наверняка он и сам это понимал, потому что даже говорил тише, чем обычно.

— Привет, дружище! — он подошел ко мне и радостно протянул руку. — Ты не поверишь, но здесь Эдит. И у нее новый парень!

Моя рука на секунду замерла в воздухе. Я не знал, чего ждать от встречи с Эдит. Наша история была главным анекдотом для своих. Когда-то давно, еще в частной школе,

я случайно увидел передачу про талантливых детей. Тогда был очень сложный период в моей жизни. Как и Жан с Лилиан, я сильно отличался от одноклассников: был умнее и независимее, что приводило к стычкам и иногда побоям. Но если они могли сказать, почему не любят, допустим, Жана, то отношение ко мне было вызвано причинами, которые их детский разум не мог объяснить. В итоге я придумал игру. Вообразил себя представителем высшего разума, как Леонардо да Винчи, благо, мы почти тезки... Тогда-то и появилась Эдит. Ее показали по телевизору как победительницу викторины для самых умных подростков. А еще она была очень красива, так что я не мог в нее не влюбиться. Путем сложных махинаций я узнал, где она живет, и начал писать ей письма, на которые Эдит, как ни странно, отвечала. Со временем у нас возникла настоящая дружба. Когда мы наконец-то познакомились вживую, я был потрясен. Она совершенно не была типичной «зубрилкой». В свои пятнадцать она хоть и казалась довольно угловатой, но была полна какой-то непередаваемо сильной притягательности, даже магнетизма, и при этом умудрялась сочетать в себе скромность, даже некоторую мягкость и авантурный характер. Ее вечно тянуло на какие-нибудь

безумства: однажды она переделалась в мальчишескую форму, убрала волосы и пробралась на территорию нашей школы поздним вечером. Правда, с весьма невинными намерениями: мы сидели под лестницей и обсуждали Коперника. А потом вдруг... поцеловались. У нас закрутился роман. Мы мечтали об уединении и близости, но когда это наконец произошло (через год после нашего знакомства), я не знал, куда деваться. Я почему-то подумал, что непременно должен на ней жениться, а свадьба вовсе не входила в мои планы, тем более что мне было всего семнадцать. В итоге я не нашел ничего лучше, чем пропасть. Странно все это получилось, скомканно. Я так и не нашел слов, чтобы все объяснить ей. Да и что объяснять? Сейчас-то я понимаю, что вовсе не обязан был жениться и поступил глупо, боясь, что веду себя как подлец. Хотя так оно и вышло: я оказался подлецом. Но... дело прошлое.

— Я знал, что тебя проймет! — Стил от души рассмеялся. — Не бойся. Она хотела с тобой поговорить. Я же сказал, у нее новый парень. Стой здесь.

Я остался стоять, прокручивая в уме все возможные приветствия и темы для разговора, чтобы только не пришлось остаться наедине. Спустя томительную минуту

Стил вернулся, ведя за руку высокую девушку с голубыми глазами и великолепными русыми волосами, каскадом ниспадающими на обнаженные плечи. Она была одета в простое, элегантное черное платье, но выглядела в нем по-королевски. Эдит сильно изменилась, я едва ее узнал. Вместо немного угловатого подростка передо мной стояла очень красивая женщина, утонченная и сексуальная. «А чего ты хотел?» — эхом прозвучало в моей голове. Сделав над собой усилие, я улыбнулся и заставил себя смотреть ей в глаза.

— Ну, здравствуй, Леон. Сколько лет, сколько зим! — Эдит улыбнулась и как ни в чем не бывало наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку. Терпкий аромат духов на секунду заслони от меня все остальные звуки и запахи. — Знакомься, это Кит.

Только сейчас я увидел довольно заметного рыжего парня, спутника моей бывшей подруги. Мы поздоровались и обменялись несколькими дежурными фразами. Потом Эдит извинилась и, взяв меня под локоть, повела в уединенное место, которое обнаружилось возле столика с закусками.

— Хватит, Леон. Мы уже не маленькие. Что было, то прошло, согласен? Былое не должно нам мешать, так что хватит от меня бегать только потому, что сто лет назад что-то пошло не так, — она говорила спокойно и снисходительно, будто бы и вправду простила, что я внезапно и трусливо перестал с ней общаться практически сразу после...

— Не должно? То есть ты согласна со мной общаться? Ты правда меня простила или есть подвох? — я повертел в руках сырное канапе и положил его обратно.

— Да нет никакого подвоха, — она вздохнула и потрепала меня рукой по волосам. — Просто я счастлива и не вижу повода обижаться. Да, я простила тебя.

Я поднял на нее глаза и не нашелся, что сказать. Просто развел руками и беспомощно улыбнулся.

— Мир? — она звонко рассмеялась и протянула мне руку.

— Мир, — эхом откликнулся я.

После этого она просто развернулась и пошла к своему Киту, игриво пританцовывая по дороге. А я вернулся к Стилу. Хотел спросить, куда же пропал хозяин дома, как

вдруг он показался в дверях вместе с Лилиан. Эта парочка смотрелась более чем колоритно. Длинноволосый блондин Жан в своем пышном одеянии и миниатюрная блондинка Лилиан в вечернем платье цвета красного вина. Даже несмотря на огромные каблуки, она едва ли доставала ему до плеча. Вместе они больше всего напоминали эксцентричного рок-музыканта и фею из детской сказки. Мы со Стиллом пошли им на встречу, на ходу подбирая красочные слова, чтобы описать весь шик их совместного появления, но в этот момент Лилиан опустилась на колени и звенящим от восторга голосом заговорила с двумя диванными собачками, принадлежащими матери Жана. От неожиданности я рассмеялся.

— Да, это наша Лилиан, прошу любить и жаловать!
— Жан снисходительно улынулся.

Мы не успели толком поговорить, все хотели поздравить «короля вечеринки», а Жан был доволен жизнью, купаясь во всеобщем внимании. Поэтому я ретировался и решил подождать, пока страсти не утихнут. Походив по гостиной и поучаствовав в нескольких беседах, я присел на низкий диванчик с изогнутыми ножками. Отсюда открывался хороший обзор на происходящее. У

меня было странное настроение: хотелось наблюдать, а не участвовать. Я откинулся на спинку, устроился поудобнее и пригубил второй бокал вина.

Лириан тискала хозяйских собачек, успев познакомиться с высоким, нескладным, но очень хорошо одетым парнем. Теперь он активно вторил ее восторгам, изображая любителя китайских хохлатых. Я искренне недоумевал, как эти чудища, больше похожие на помесь гремлина и болонки, могут вызывать восторг. Стил проводил время в компании двух щебечущих девиц, нежно обнимая одну из них. Мой взгляд непроизвольно скользнул в другой угол комнаты, где подальше ото всех стояли, обнявшись, Эдит и Кит. Они были так милы и романтичны, так трепетно держались за руки, так нежно смотрели друг на друга, что я успел немного пожалеть о прошлом. Хотел было отвернуться, но вдруг за их спинами распахнулась белая дверь, и в гостиную поспешно вошла Диана. На ней была рабочая футболка, перемазанная глиной, старые джинсы и огромные цветастые кроссовки. Черные, как смоль, волосы небрежно торчали из-под косынки. Казалось, она вообще не понимает, что за люди собрались в гостиной. Нетерпеливо пощелкав пальцами, Диана отыскала глазами

сына и громко позвала его. Во взгляде Жана мелькнуло удивление, но тут же улетучилось. Он подошел к матери и застыл перед ней с каменным лицом. Они шептались довольно долго. Диана улыбалась и говорила, судя по всему, очень приятные вещи, но вряд ли поздравляла сына с днем рождения. В конце концов тонкие брови Жана взметнулись вверх, а по лицу расплылась благодарная улыбка. Я отметил, что эта улыбка совсем не похожа на ту, которой он встречал гостей. Диана порывисто обняла сына и чуть ли не бегом ушла прочь. Лицо Жана снова стало непроницаемым.

Рядом со мной присел Стил, держа в руке большой кусок пиццы.

— Спорим, он сейчас пойдет переодеваться! — было видно, что ему страшно надоела необходимость вести себя «прилично».

Жан осмотрел себя с ног до головы. Вдохнул, безуспешно пытаясь отряхнуть пыльный след от материнских объятий. Вот, еще и пятнышко от сырой глины! Жан полубрезгливо попытался его сбросить, но быстро понял, что это невозможно, и пошел по

направлению к холлу, где располагалась лестница на верхние этажи.

— У тебя на подбородке кусок сыра, — я насмешливо указал пальцем на крошку пармезана.

— Сейчас пойду другой подбородок искать, — проворчал он в ответ, потирая пальцем указанное место.

— Что с твоим настроением? — я взглянул на друга более внимательно.

— Ты и сам знаешь. Я тут как петух в загоне для павлинов, — он хмыкнул, глядя в пространство рассеянным взглядом. — А еще я хотел поговорить с Китом. Он хороший барабанщик, а нам сейчас очень нужен техничный музыкант. Но его, кроме Эдит, ничего больше не интересует. Отвечает односложно и так на нее смотрит, что она того и гляди задымится.

По мере того как Стил говорил, его недовольство утихло. Под конец он даже улыбнулся краешком губ.

— Потом поговоришь, пара дней погоды не сделают. Просто расслабься. Ты пять минут назад так славно общался с девушками — вот и общайся дальше, глядишь,

что-нибудь из этого выйдет, — я криво улыбнулся и отсалютовал ему бокалом.

— Эхе-хе, — Стил покряхтел на манер старика, но встал и направился обратно к недавним собеседницам.

Через пару минут вернулся Жан. Он снова улыбался и был доволен переменной наряда. Серебристо-лунный жакет с высоким воротником и глухой застежкой, широкие брюки, похожие на арабские, — настолько широкие, что и не отличишь от юбки. На этот раз Жан и вел себя по-другому: прошел через всю гостиную и встал около миниатюрного столика, всю поверхность которого занимало блюдо с фруктами. Я покинул свой угол и направился к нему, чтобы перекинуться хоть парой слов.

— Новый образ?

— Да, утром я так долго подбирал одежду под настроение... А мама запачкала меня глиной. Она работает в другом крыле. Но это, наверное, даже к лучшему. Настроение изменилось, — он хищно улыбнулся и взял с блюда виноградину.

— И какое оно теперь? — я не удержался и последовал его примеру, выбрав виноградину покрупнее и отправив ее в рот.

— Загадочное. Да, и немного лирическое, — Жан начертил в воздухе что-то неопределенное, уже держа в руке канapé с сыром.

— А твоя мама всегда появляется... так?

— Так внезапно? — переспросил Жан, отхлебывая из бокала.

— Угу.

— Ну, вроде того. Она же скульптор, творческая женщина, — нараспев принялся объяснять Жан. — А значит, большую часть жизни в плену муз, и это все, все эти картины, — он указал на стену за моей спиной, я обернулся и увидел, кажется, Боннара, — дорогой фарфор, — Жан скривил пренебрежительную мину, — день рождения сына... Все это вторично.

— Подожди, ты расстроен, что она сейчас не здесь? — я подумал, что мой друг огорчился.

— Да нет же, — улыбнулся Жан, — я к этому я привык. Она просто есть — и все. Не обязана быть здесь и

не требует того же от меня. Она практически идеальная мать. Со своими причудами, но... Ты разве не видел, как мы обнялись?

— Мне показалось, тебе это не понравилось. Ты мигом отправился переодеваться.

— Ну, да, да. Так это выглядело, — он немного загадочно улыбнулся. — Но ведь никому не придет в голову, что я был по-настоящему рад тому, что она сказала и как меня обняла. А вот пятнам на костюме — нет, не рад, но мать я в этом не виню.

Я решил сменить тему и восхитился картиной, которая висела за спиной Жана. Почуввав твердую почву под ногами, он с охотой подхватил разговор. В искусстве я понимал не больше комнатной собачки, но слушать Жана мне нравилось. Он говорил словно завзятый искусствовед, и вставить мне было особенно нечего, да и незачем: Жан говорил за нас обоих. Я только кивал и с одобрением улыбался, то и дело прикладываясь к бокалу вина.

Через полчаса Жан оставил меня, чтобы выйти на середину гостиной и попросить внимания. Разговоры постепенно стихли, и гости окружили хозяина со всех

сторон. Артистизма ему было не занимать. Казалось, именно под взглядами толпы Жан чувствует себя наиболее счастливым. Он принял красивую позу, обаятельно улыбнулся, поблагодарил всех присутствующих за оказанное внимание и попросил чувствовать себя как дома. Напомнил про богатый выбор закусок, затем сменил тон с торжественного на более интимный и прозрачно намекнул, что в доме есть гостевые спальни. Все украдкой посмотрели на Эдит и Кита, кто-то засмеялся, кто-то бросил ободряющую фразу. Их, впрочем, это нисколько не смутило: они уже чувствовали себя гораздо увереннее, чем в начале.

«Какого черта я тут стою?» — подумалось мне. Оглядевшись по сторонам, я направился к самой шумной компании, которая оказалась еще и самой девичьей. Восприняв это как знак свыше, я присоединился к их беседе о том, что мужчины «гораздо чувствительней женщин». От вина и звонкого смеха кружилась голова. Мне вспомнились обнаженные плечи Эдит и терпкий запах ее духов. По жилам растеклась приятная дрожь. Тягучее возбуждение рождалось где-то внизу и волнами ходило по всему телу. Выбрав свою «жертву» — стройную темноволосую итальянку, я призвал на помощь весь свой опыт и

постарался рассмешить ее. Это было несложно: девушки и сами были готовы смеяться от чего угодно. Потом сделал пару комплиментов, на которые она благосклонно улыбнулась, и постарался случайно коснуться смуглой кожи. Она не убрала руку, не отстранилась, а лишь бросила на меня лукавый взгляд. Мне давали зеленый свет, и я собирался им воспользоваться.

Постепенно веселье набирало обороты. Как это обычно и бывает, гости разбились на небольшие группы по интересам, и вокруг стоял шум и смех. Лили со своим новым приятелем, парнем в полосатом костюме, его коренастым улыбчивым другом и нашей общей хорошей знакомой расстилали на полу твистер. Любители творческих развлечений устроились на мягком ковре, словно на лужайке, и оживленно играли в настольную игру с картами. Кто-то решил поучаствовать в танцевальном конкурсе, остальные стянулись в одну шумную компанию. Закуски начали кочевать по всему дому, торжественность куда-то ушла, и теперь мне было просто весело и хорошо. Хотелось, чтобы все это никогда не заканчивалось.

Планируя продолжить вечер в объятьях итальянки, я смешил ее, предлагал закуски, вовремя менял опустевшие

бокалы и не отходил ни на шаг. Стил, «его девчонки», Лириан со своими «ухажерами» и еще несколько человек начали играть в крокодила. Мы присоединились к игре. Лили быстро оценила обстановку и начала беззлобно шутить, подбирая такие остроты, которые выставляли бы меня в положительном свете. Я подумал, что должен ей бутылку хорошего вина.

Через какое-то время в гостиную вошла Диана. Теперь она была в изящном коктейльном платье и выглядела в нем до неприличия молодо и привлекательно. Любой на месте Жана возражал бы против ее общества, но это был совершенно другой случай. Напротив, сын смотрел на мать с неприкрытой гордостью и старался во всем ей угодить.

Крокодил нам наскучил, и я уже хотел спросить свою итальянку, чем мы займемся дальше, когда Жан позвал к себе человека из obsługi и что-то проговорил ему на ухо. Заговорщицкий вид и довольный взгляд друга подсказали мне, что намечается нечто интересное, о чем я тут же сообщил Бьянке, как будто лично подготовил для нее сюрприз. Знание мимики Жана меня не подвело: дальние двери распахнулись, и за ними оказался просторный полупустой зал с приглушенным светом и томной

романтической музыкой. Это было то, что нужно соблазнения девушки. Я галантно подал ей руку и пригласил пойти танцевать. Она секунду помедлила, но заметив, что в ту комнату направляется еще несколько пар, сделала шутливый книксен в знак согласия.

Когда мы направлялись в сторону гостеприимно распахнутых дверей, я воспринимал танец как очередной этап флирта, организованный с холодным или почти холодным расчетом. Но тягучая, ласкающая мелодия и хрипловатый женский вокал быстро все изменили. Я понял, что в этой игре являюсь не охотником, а почти жертвой. Ощущение соблазнительного женского тела совсем рядом, пульсирующая жилка на тонкой руке, нежный аромат, исходящий от ее волос, — все это заставляло прилагать определенные усилия, чтобы не перейти в активное наступление.

Мелодия сменилась, и я отстранился, чтобы улыбнуться и сказать какую-нибудь милую глупость.

— Ты отлично танцуешь!

— Такие танцы все хорошо танцуют, — она рассмеялась и убрала за ухо непослушную прядку волос. — Но было неплохо.

— Тогда, может быть, потанцуем еще? — я снова наклонился поближе и положил руку ей на талию.

— Знаешь, — она внезапно сделала шаг назад и убрала мою руку. — Я не против... Не против потанцевать еще, но давай обговорим правила. Я не собираюсь спать с тобой. Сегодня, по крайней мере. Если ты не потеряешь интерес и будешь таким же милым, то, может быть, потом тебе повезет.

Такой поворот событий оказался для меня неожиданным. Она меня ошаршила своей честностью. Бьянка не выглядела недотрогой, и, в общем-то, эта ее реплика вовсе не была скромной... Но вопреки всему ее слова не убили во мне желание. И даже наоборот, распалили его еще больше. Я снова почувствовал себя охотником и был этому несказанно рад. Стараясь не выдать своего удивления, я снова улыбнулся и протянул ей руку.

— Я понял твой прозрачный намек. Потанцуем?

Она рассмеялась, покачала головой, не то удивленно, не то снисходительно, и позволила себя обнять.

Когда мы вернулись в общую гостиную, ко мне подошел Жан и увлек на партию в шахматы. Я с готовностью согласился: было трудно продолжать веселиться, не разобравшись для себя с отказом Бьянки. Мне редко отказывали, но она как-то поспешила. Нельзя вот так, во время танца, даже очень чувственного танца, брать и все... В душе царил сумбур, внутри плескался неприятный осадок, и мне хотелось спокойно подумать. Мы присели на знакомый низенький диванчик и начали расставлять красивые резные фигуры.

— Откуда ты знаешь Бьянку? — я постарался задать вопрос будничным тоном.

— Бьянку? Она из Рима. Приехала сюда учиться. Девушка приятная и непростая, мы познакомились на маминой выставке. А почему она тебя интересует? — Жан бросил на меня лукавый взгляд исподлобья.

— Ничего особенного, просто обратил на нее внимание.

— К ней нужен особый подход, — как бы невзначай обронил Жан.

Партия закончилась быстро. Он всегда у меня выигрывал, а сегодня и не могло быть иначе. Голова моя была занята Бьянкой, и просчитывать ходы оказалось непосильной задачей. Когда мы уже собирали фигуры, к нам эффектной походкой подошла Лилиан, сопровождаемая своим верным спутником.

— Шахматы на вечеринке, серьезно? — и насмешливо покачала головой. — Мы собираемся играть в прятки, и если вы еще окончательно не заплесневели, присоединяйтесь.

Я активно изворачивался, но она все-таки дотянулась и потрепала меня по голове, ребячески показала язык и, обняв счастливого парня, потянула его прочь. К тому моменту эмоции немного улеглись, да и замечание Жана, что Бьянка требует «особого подхода», успокоило мои нервы, поэтому я не имел ничего против прятков. Жан же играть отказался, сказав, что лучше посмотрит, и остался сидеть, попросив девушку из obsługi принести ему блюдо с виноградом.

— Только, ради Бога, ничего не разбейте! — обратился он непонятно к кому.

Все собрались в холле и при помощи детской считалочки выбрали ведущего. Им оказался Стил, который потерял руки и пообещал, что «задаст нам жару». Ему завязали глаза чьим-то шелковым шарфом, со смехом раскрутили и попросили считать как можно громче. С этим у моего друга проблем не возникло.

— Один, два, — раздался его громоподобный голос, — три...

Все с хохотом и визгом бросились врассыпную. Меня накрыло бурлящее чувство восторга и радости, которое можно испытать только в детстве. Я ухватил Бьянку за руку и, прижав палец к губам, потащил вверх по лестнице. Она не сопротивлялась, только зажимала рот ладонью, чтобы не рассмеяться в голос. Миновав второй этаж, где располагались жилые комнаты, мы побежали дальше. Лестница заканчивалась массивной дубовой дверью, ведущей на чердак. Я решительно потянул ее на себя.

— Там пыльно! Мы измажемся! Нет, Леон! — Бьянка строила испуг, но смеялась, поэтому я, недолго думая,

обхватил ее за талию и взвалил на плечо. — Нет! Поставь меня, слышишь?

— Тише, тише! — проговорил я сквозь смех, вбежал внутрь и поставил ее на пол.

Чердак не производил впечатления заброшенного помещения. Здесь хранились какие-то картины, старая мебель, покрытая белыми чехлами, что-то еще — все по мелочи. Мы спрятались за большой коробкой с какой-то одеждой и притихли.

— Интересно, что это? — Бьянка указала на содержимое коробки.

— Похоже на старые вещи.

— Давай посмотрим? — она осторожно, точно под обстрелом, привстала и вытащила верхнюю тряпку. Ей оказалась зеленая юбка с оборками. Я оглядел коробку с другой стороны и нашел в углу надпись черным маркером: «Отдать!»

— Постой, положи на место. Это для благотворительности или что-то в этом роде.

— Мы вовсе не совершили ничего плохого, — игриво заметила Бьянка.

— Ничего плохого мы не совершили, — повторил я, глядя на ее чуть влажные губы.

— И не совершим! — строго заметила она.

— Но это и не плохое! — улыбнулся я, привлекая ее к себе.

Она присела и, выпустив из рук мягкую ткань, крепко сжала мою руку. Мы принялись целоваться, и голова моя закружилась, конечно же, большей частью от алкоголя, но еще и от того, что мы с ней вдвоем на чердаке... Хочет поиграть со мной — пусть играет. Пусть строит из себя недотрогу, но я-то уже чувствую, я-то знаю. Боже, как она целуется!

Вдруг послышался грохот. Бьянка вздрогнула в моих объятиях, дверь открылась, и на пороге появился Стил.

— Я чувствую запах вашего страха, — зловещим шепотом сказал он.

Бьянка прижалась ко мне еще ближе, и я едва преодолел волнение. Я уже понимал, что нас вот-вот обнаружат, но не хотел, чтобы уединение поняли превратно.

— Выходите, выходите, где бы вы ни были. Он подошел совсем близко и остановился рядом с огромной

вазой, украшенной витиеватым орнаментом. Казалось, еще чуть-чуть — и он посмотрит на нас. Время тянулось очень медленно. Его глаза, еще не привыкшие к темноте, раз за разом скользили мимо. А потом все произошло очень быстро. Я решил пошутить и выскочил из-за коробки, чтобы напугать его. Хотел напасть, как в фильме ужасов. Но у Стила оказалась отменная реакция, и он увернулся, а я полетел прямо на вазу и упал на нее всем телом. Раздался зловещий треск, у меня перехватило дыхание и потемнело в глазах.

Когда я пришел в себя, рядом сидела бледная Бьянка. Под собой я почувствовал осколки.

— Черт! Я разбил проклятую вазу!

— Эй, все в порядке? Крови нет? — Стил помог мне подняться.

— Да нет крови. Жан убьет меня! Это наверняка какая-нибудь ценная реликвия. Тут на каждом шагу антиквариат! — я поднял один осколок и со злостью бросил его обратно. — Можно писать завешание.

Стил растеряно молчал. Злость улеглась вместе с болью, а ей на смену пришло чувство вины. Как я расскажу

об этом Жану? Почему не кто-нибудь, а именно я разбил эту несчастную вазу?

— Думаешь, он сильно разозлится? — Стил наконец подал голос.

Я пожал плечами и, потирая ушибленный локоть, пошел к выходу.

Внизу нас встретили криками и аплодисментами. Оказалось, мы были последними, кого не могли отыскать. Общим голосованием было решено сыграть еще раз, но у меня пропало настроение. Хотелось сбежать и больше никогда не показываться Жану на глаза. Я не мог позволить себе такую роскошь, но всеми силами пытался оттянуть момент покаяния, оставшись наблюдать за игрой других. Бьянку выбрали ведущей. Она выждала положенный срок и отправилась в бесконечное путешествие по дому. Периодически раздавались ее громкие возгласы, смех и топот ног резвящейся молодежи. Веселые лица снова начали заполнять холл.

К моему сожалению, игра не могла продолжаться вечно. Когда все опять были найдены, я нашел в себе силы оторвать спину от уютной стены и на ватных ногах пошел в

гостиную. Жан по-прежнему сидел на низеньком диванчике, который я уже начал считать своим. Он общался с матерью, которая пила вино и рассказывала нечто увлекательное. По крайней мере, горящие глаза и веселая улыбка на ее лице говорили именно об этом.

— Надоело играть? — Жан посмотрел на меня и похлопал рукой по свободному месту рядом с собой. — Посиди с нами. Мама рассказывает, как в детстве с помощью ритуала вызывала с подругами дождь.

— О, неужели сработало? — я невольно улыбнулся.

— Еще как сработало! Было очень засушливое лето. Мы взяли у моей мамы большой кувшин, вынесли его на лужайку и принялись танцевать вокруг. Потом каждая набрала в рот воды и выплюнула ее в воздух мелкой пылью. Помню, мы падали перед кувшином на колени и пели какие-то песни. Под конец собрались все соседи, было очень весело! Но самое странное, что на следующий день пошел дождь!

— И часто с вами происходят подобные вещи? — я уже едва сдерживал смех.

— Можешь смеяться, я не обижусь! Они происходят постоянно, — она лукаво подмигнула мне. — И я этим очень горжусь.

Диана рассказала нам еще несколько забавных историй из своего богатого на события детства. Я смеялся не переставая, и Жан тоже, хотя некоторые из них он слышал уже не впервые. Было видно, что он гордится своей матерью и от души наслаждается ее обществом. Потом она ушла, сказав, что с нами хорошо, но ее «ждут незаконченные дела в мастерской».

Откладывая и дальше свое чистосердечное признание и возможное «наказание» не было сил. Я набрал в грудь побольше воздуха и прервал монолог своего друга на тему «губительное влияние опыта на возможности человека».

— Жан, я должен тебе кое в чем признаться.

— А? — он повернулся ко мне и выжидающе замолчал.

— Во время игры мы с Бьянкой спрятались на чердаке. Там стояла большая бело-золотая ваза, я случайно

упал на нее и разбил. Если нужно, я оплачу ущерб! Это произошло случайно и я очень сожалею!

Мне показалось, Жан молчал целую вечность. На самом деле, думаю, совсем недолго. И вдруг улыбнулся:

— Не переживай, Леон, все в порядке. Как говорили древние индусы, мудрый не горюет о потерянном, об умершем и о прошлом. Тем он и отличается от глупца.

Глава третья

После вечеринки я никак не мог перестать думать о Бьянке. Она то и дело появлялась в моих мыслях посреди лекций или когда я болтал с другими девушками; я вел воображаемый диалог с Бьянкой, когда становилось скучно, а перед сном вспоминал наши поцелуи на чердаке... Она была тем пока еще недостижимым трофеем, который разжигал во мне азарт охотника и не давал покоя. Самое странное заключалось в том, что я не испытывал желания избавиться от этого наваждения. Наверное, мне наскучили «простые игры», ведь когда все происходит по заранее известному сценарию, исчезает нечто важное. Бьянка же

предлагала «партию», которая будоражила кровь и разжигала огонь. Поэтому через неделю после нашей встречи я все-таки позвонил Жану и провел «разведку боем». Выяснил, что она учится на архитектора и делает это не просто по воле случая, как я, а по собственному желанию. С радостью встает по утрам и бежит на занятия, посещает все семинары и лекции, проходящие в городе, а для особенно важных может проехать и полмира.

Бьянка была не настолько близка с Жаном, чтобы рассказывать ему о своих сокровенных мечтах, но мой друг знал об одном ее пламенном желании — увидеть Копенгаген. По каким-то причинам это ей пока не удалось. Еще в разговоре с ним она как-то обмолвилась, что всегда хотела побывать на севере, который мнился ей живым и настоящим. Этаким краем мира, где «все имеет четкие грани и где даже городская архитектура походит своей суровой красотой на северную природу». Жан оказался отличным информатором: благодаря феноменальной памяти он мог цитировать целые отрывки из чужой речи, не искажая информацию. В конце разговора он посоветовал мне напречь фантазию и заметил, что блестящей

безделушкой или дорогим ужином на этот раз делу не поможешь.

Как бы то ни было, я и не собирался пасовать. Не реализованные пока желания Бьянки играли мне на руку. Азарт разгорался все ярче, а на задворках моего сознания уже начал созревать план. Вечер этого дня я посвятил его разработке: окопался с ноутбуком за дальним столиком в уютном кафе и принялся думать, как все организовать так осторожно, чтобы она не разгадала моих намерений. «Для Бьянки самое главное — занятие любимым делом. Если совместить поездку в Копенгаген с какой-нибудь конференцией, то она ничего не заподозрит, а я окажусь на месте событий «случайно». Думаю, Жан и Стил не откажутся прокатиться, — я откинулся на спинку деревянного стула и принялся задумчиво зачесывать пальцами волосы. — Мозаика складывается. Главное, чтобы в Копенгагене в ближайшее время проходила какая-нибудь глупая конференция».

Ко мне подошел официант и спросил, готов ли я сделать заказ. Попросив двойной латте с карамелью, я открыл поисковик и набрал «Датская королевская академия

изящных искусств». Дальнейший поиск не составил труда. Что ни говори, но интернет облегчает жизнь.

На мое счастье, подходящее событие намечалось уже через две недели. «Пространство для жизни в контексте изменения потребностей общества» — вот то, что надо! Конференция для молодых дизайнеров и архитекторов, обучающихся в европейских университетах. Срок подачи заявок — до двенадцатого января. Не успели, так-так-так... не успели.... Значит, чтобы Бьянку туда пригласили, мне придется слетать в Копенгаген. Черт, это уже серьезно! В голове закрутился какой-то радостный фейерверк. Стоит ли игра свеч? Что за вопрос! Предвкушение волнами ходило по телу, отдаваясь электрическими разрядами в кончиках пальцев, и думать над возможными последствиями своих поступков совершенно не хотелось.

Официант поставил передо мной большой стеклянный стакан, и я, сделав хороший глоток кофе, ввел в строке поиска краткое «Париж Копенгаген авиабилеты». Через десять минут отступать было уже поздно: дело сделано. Мой рейс вылетал в семь утра из аэропорта Орли, и на сборы оставался целый вечер. Достав телефон, я

набрал номер Стила, чтобы поделиться с ним планами и пригласить в небольшое путешествие.

Аэропорт Копенгагена встретил меня привычной суетой. Люди торопились по своим делам, искали багаж, радовались встречам. Тут и там виднелись ошарашенные лица туристов, которые всегда выглядят так, будто очутились на другой планете. Я не выспался и чувствовал себя разбитым. Хотелось выпить крепкого кофе, но делать это в аэропорту казалось мне верхом пошлости, поэтому, собрав в кулак остатки мужества, я вышел на улицу.

В Копенгагене шел снег. Он медленно кружился и таял, казалось, еще не долетая до асфальта. Я болезненно поморщился и подумал, что более неприятной погоды, наверное, быть уже не может. Только если добавить пронизывающий до костей ветер. Я застегнул на все пуговицы красное клетчатое пальто и пошел искать такси.

Во время поездки я успел проснуться и оглядеться по сторонам. Мне раньше не доводилось бывать в Копенгагене. Он как-то не вызывал у меня интереса, и оказалось — напрасно. Как и все большие приморские города, он был

гордым и величественным, но при этом каким-то уютным и понятным. Хотелось прогуляться по улицам и посидеть в каком-нибудь тихом ресторанчике. Я дал себе слово, что когда покончу с делами, то непременно сделаю это.

Наслаждаться видами пришлось недолго: такси остановилось. Теперь мне предстояло найти преподавателя, с которым я предварительно связывался по электронной почте. Но отыскать человека в большом университете и дожидаться, пока он освободится, – вопрос времени и нервов. Почитав с полчаса предусмотрительно взятую с собой «Игру в бисер», я увлекся и даже вздрогнул, когда дверь распахнулась и в коридор начали выходить люди. Я немного нервничал, удастся ли повернуть мою авантюру, но только подумав о том, что скажут друзья... Ладно, Стил отпустит какую-нибудь шутку — да и все. Но Жан. Этот подденет так, что я долго буду ощущать себя трусом и ничтожеством. Я сделал несколько глубоких вдохов и вошел в опустевшую аудиторию.

За преподавательским столом сидел лысеющий мужчина средних лет, обладатель лучистых голубых глаз и аккуратного носа с горбинкой. Судя по всему, это и есть

Йенс Лаудруп, старший преподаватель кафедры и человек, отвечающий за отбор участников конференции.

— *Hvad vil du?* — он оторвался от заполнения каких-то бумаг и приветливо посмотрел на меня.

— Простите, но я не говорю по-датски, — ответил я на английском.

Мужчина улыбнулся и тут же перешел на понятный мне язык:

— О! Прошу прощения. Вы ко мне по делу?

— Да, добрый день, господин Лаудруп! Мое имя Леон Вердье, я помощник господина Броньяра... — я сделал небольшую паузу, чтобы дать ему возможность вспомнить нашу переписку. Датчанин воспользовался этим мгновением и, будто что-то припомнив, кивнул.

— Да-да, я помню, господин Броньяр связывался со мной и говорил, что приедет его помощник.

— Видите ли, у господина Броньяра очень плотный рабочий график...

— О, да, я могу предположить. Это человек с мировым именем! — Лаудруп посмотрел на меня с

некоторым уважением. — Вам очень повезло работать с ним!

— Николая Броньяр славится тем, что любит работать с молодежью. И, собственно, поэтому я обращаюсь к вам. Господин Броньяр хотел бы, чтобы его молодая, подающая большие надежды ученица имела возможность поучаствовать в конференции, проходящей в вашем университете. Она обучается в Сорбонне, кстати.

— Почему же вы не подали заявку для участия? — Лаудруп чуть приподнял брови и посмотрел мне в глаза. Я смутился.

— По моей ошибке. Сейчас господин Броньяр работает над проектом для оперы в Буэнос-Айресе, у нас очень много дел, и я, если честно, совсем закрутился. Я думал, он мне голову оторвет... С публикацией мы безнадежно опоздали, но, может быть, можно хотя бы послушать докладчиков? — я с надеждой посмотрел на него. Лаудруп находился в небольшом замешательстве.

— Видите ли, молодой человек, конференция открыта для всех желающих. Но для студентов из других стран нужно было вовремя подать заявку, чтобы мы

отправили приглашение, а сделать это сейчас мы никак не успеем. Даже если я впишу имя в списки, расходы по оплате дороги и проживания ложатся на плечи самой студентки.

— О, это не проблема для господина Броньяра!

— В таком случае могу сказать, что никаких ограничений для посещения нашей конференции нет.

— Спасибо вам большое! Я очень рад этой новости! Господин Броньяр велел передать вам необходимые данные о его подчиненной, а также выказал желание оказать скромную спонсорскую помощь для фонда. Господину Броньяру, в свою очередь, было бы любопытно получать информацию о наиболее перспективных проектах и специалистах для дальнейшего сотрудничества с университетом. Если вас или ваше руководство это заинтересует, вся необходимая информация в конверте.

Лаудруп внимательно выслушал мои разъяснения.

— Хорошо, я вас понял, молодой человек. Я ознакомлюсь с предоставленными данными и в ближайшее время вышлю приглашение на электронную почту.

Мы пожали друг другу руки и распрощались. Я вышел из кабинета, чувствуя себя одновременно хитрецом,

преступником-взяточником, взбалмошным миллионером и бедным студентом, вымолившим поставить «зачет».

— Сегодня я еду в Копенгаген! Ты можешь себе представить? Я еду в Копенгаген!

— Да, ты уже тысячу раз это повторила, — Мария рассмеялась и присела на подлокотник дивана. — Еще и занятия пропустишь до конца недели, везунчик ты мой. Смотри, не шали там.

— Было бы с кем шалить. Никого, кроме меня, почему-то не пригласили. Вот почему тебя не пригласили, ты можешь объяснить? — Бьянка сделала еще один круг по комнате и остановилась возле подруги.

— Наверное, не заслужила. Да не переживай. Копенгаген — твоя мечта, и я очень рада, что она исполнится, — девушка привстала и звонко поцеловала Бьянку в щеку. — Будь умничкой. Мне пора, простым смертным еще на занятия идти. Позвони мне, когда прилетишь.

Бьянка помахала подруге на прощание, и дверь в комнату захлопнулась. Она все еще не могла поверить в

свой неожиданный и такой приятный отпуск. Ей хотелось петь и танцевать, чтобы не взорваться от переизбытка бурлящей внутри энергии. Поэтому, сладко потянувшись, девушка подошла к своему старому ноутбуку и, немного подумав, запустила ритмичную музыку. Воздух наполнился энергией. Бьянка пританцовывала и периодически останавливалась у большого настенного зеркала, чтобы исполнить вместе со своим отражением пару строчек из песни. Отражение мило гримасничало и покачивало головой. Насладившись этим зрелищем, довольная Бьянка возвратилась к сборам, которые заняли всего несколько песен. Ехать в аэропорт было еще рано, поэтому она решила, что успеет красиво уложить волосы и немного перекусить. Бездействие было равносильно пытке. Минуты тянулись очень медленно, заставляя придумывать все новые способы занять себя. Через пару часов Бьянка вызвала такси. надела серые джинсы и разноцветный пуловер с оленями, дожидавшийся своего часа на спинке стула, после чего немного подумала и написала записку Марии, чтобы подруга, а по счастливой случайности еще и соседка по комнате не скучала в ее отсутствие.

Оказавшись в Копенгагене, девушка совершенно потеряла голову. Все происходило как во сне, и если бы ей дали выбор, Бьянка ни за что не стала бы просыпаться. Ее не покидало чувство, что она прилетела не в столицу Дании — всего лишь одну из точек на карте мира, а на встречу с мужчиной своей мечты.

Она доехала до отеля, находившегося недалеко от университета, осмотрела небольшой, но чистый и уютный номер, бросила сумку на пол и, внимательно прочитав расписание завтрашних лекций, отправилась на длительную прогулку.

Хаотично кружа по центру, Бьянка чувствовала себя абсолютно счастливой. Не было ничего, кроме сказочного города, хитросплетения его улиц, прерывистого дыхания ветра и невероятного ощущения хрупкости каждого момента. Она любовалась стройными силуэтами домов и ловила ртом снежинки под любопытными взглядами прохожих. В ее голове роились тысячи нежных слов, которые она любовно произносила пасмурному небу. Она старалась впитать каждый звук, каждый запах, и даже мокрый снег не мог испортить ее идиллию. Она бесцельно бродила, слушая незнакомую речь, которая казалась такой

необъяснимо органичной в этом пространстве, полном строгих северных линий и чистых цветов. Яркие, почти игрушечные домики погружались в сумрак, и каждое мгновение наступающей темноты озарялось новыми огоньками, которые как будто бы тоже вышли погулять. Это был особенный, волшебный вечер... И так не хотелось, чтобы он кончался.

Проснувшись за полчаса до лекции «Время новых возможностей», которую после вчерашнего изучения расписания Бьянка решила непременно посетить, она даже не успела позавтракать. Спешно одевшись и приведя себя в порядок, девушка побежала искать место действия, твердя по дороге номер аудитории. На лекции обещал выступить сам Стефан Грегсон, известный шведский архитектор, поэтому в небольшом зале царил аншлаг. Бьянка, чудом подоспевшая за пять минут до начала, довольно долго стояла возле входа, обследуя глазами помещение в поисках свободного стула. и наконец примостилась рядом с компанией датских студентов. Две девушки и три парня что-то активно обсуждали. Тот, что сидел по соседству, справа от Бьянки, оказался несуразным, но довольно забавным

юношей с обаятельной улыбкой. Узнав, что она из Парижа, он принялся вспоминать какие-то дежурные фразы по-французски:

— Je m'appelle Agnus, comment allez-vous? — спросил он, коверкая слова.

— В этом нет нужды, — ответила Бьянка по-английски. — Я вообще-то итальянка!

— О, хвала глобализации! — шумно выдохнул Агнус, переключаясь на английский.

Бьянка улыбнулась. У него была милая манера смотреть немного виновато, как будто он хорошо понимал, как сильно мешает слушать, но ничего не может поделать со своим поведением. Когда он пригласил ее перекусить после лекции, Бьянка согласилась, решив, что новое общество лишним не будет. Агнус угостил ее вкусным кофе и свежей выпечкой. Они сидели за столиком в студенческом кафетерии, обсуждая работы Грегсона, предстоящие лекции и свои планы на будущее. Теперь, когда его болтовня не мешала слушать лекцию, он казался еще более забавным и даже обаятельным. Бьянка позволила себе немного пофлиртовать с ним, отчего парень совершенно расцвел и,

набравшись смелости, пригласил после конференции присоединиться к его друзьям и сходить в зоопарк. Как бы мило ни выглядела отчаянная решимость в глазах парня, это было очень странное предложение. Можно было ожидать чего угодно: что Агнус позовет ее на выставку, в ресторан, на прогулку, но только не в зоопарк. Первым желанием было поскорее закончить ланч и вежливо распрощаться, но Агнус говорил так искренне, что Бьянка решила его не расстраивать и внезапно для самой себя согласилась.

Время пролетело незаметно. Бьянка с удовольствием посещала все лекции, охотно участвовала в обсуждениях. Подруги Агнуса все время оказывались где-то рядом, поэтому к вечеру она с ними немного сблизилась. Во время чтений девушки вели себя спокойно, и было заметно, что они действительно умны, но поверить в это во время перерыва было практически невозможно: они бесились, словно дети. Душили друг друга шарфами, отнимали яблоки, бегали и хохотали — словом, разыгрывали какое-то безумие. Их энергия передавалась окружающим, и невозможно было не улыбаться, глядя на юных бунтарок. Даже Бьянка поддалась их очарованию, осознав, что уже

почти хочет поехать в зоопарк, хотя никогда не любила смотреть на животных в клетках.

Только вечером, оказавшись в своем номере, она неожиданно ощутила, как далеко от дома. Бьянка открыла окно и посмотрела на вечерний город. Набережная мерцала разноцветными огнями, откуда-то доносилась музыка — Копенгаген манил и обещал приключения. Сонное оцепенение спало, и ему на смену пришло волнующее предчувствие чего-то необычного, чего-то хорошего и сказочного.

Утром за ней заехали ребята. Кое-как разместившись вшестером в автомобиле и не переставая шутить, что кого-то можно положить в багажник, они со смехом и криками тронулись во Фредериксберг. Короткая поездка оказалась настоящим испытанием для нервов и ушей Бьянки, а оказавшись в зоопарке, она и вовсе ощутила себя героиней фильма про подростков: новые знакомые перебежали от вольера к вольеру, пародировали животных, гримасничали, прыгали и вообще вели себя свободнее некуда. К возникновению этого странного ощущения располагало и

то, что Агнус ходил за ней хвостом, наверное, уже почти считая своей девушкой. Она улыбалась, но больше не флиртowała, боясь задеть чувства парня, если его симпатия будет расти.

Все это было для Бьянки немного слишком, но для разнообразия ей пока что нравилось смотреть на радостное безумие новых знакомых, которое было так не похоже на «взрослое» веселье в компании Жана, где она в последнее время проводила все больше и больше вечеров.

Через пару часов все они начали замерзать, и возник вопрос, куда ехать дальше. Две неразлучные подружки напомнили о крупной вечеринке в центре города. Там должен был выступать очень популярный ди-джей. Имени Бьянка не запомнила, но поняла, что он чуть ли не король танцевальной музыки. Другие сомневались, но девушки сдаваться не хотели. Они с таким упорством настаивали на посещении клуба, словно были рекламными агентами молодого ди-джея. В конце концов было решено поехать именно туда.

Бьянка была одета совсем не для клуба. Она пыталась отказаться или хотя бы уговорить всех сделать

перерыв, чтобы привести себя в порядок, но никто не слушал. В машину ее затащили чуть ли не силой, что окончательно испортило Бьянке настроение. Теперь отдых в веселой компании не казался ей приятной переменой после «чинного веселья» в доме Жана. Девушки-заводилы превратились в ее глазах в обычных взбалмошных красоток, а смазливый брюнет Оле все больше походил на странную пародию Джуда Лоу, который скучнейшими методами безуспешно пытался ее соблазнить. Несуразный симпатяга Агнус так же стремительно терял обаяние и казался все более и более нелепым. Когда Бьянка допивала второй бокал шампанского, придумывая веский повод, чтобы уйти, произошло настоящее чудо: около стойки бара она увидела знакомый профиль. Вне всяких сомнений, это был он. Тогда, на вечеринке Жана, Леон не произвел на нее особого впечатления, показался легкомысленным и немного самоуверенным, но теперь она была ему так рада, будто встретила лучшего друга. Бьянка решительно покинула шумную компанию и направилась к нему.

— Леон, это ты? Не могу поверить!

— Бьянка? Как ты здесь очутилась? — он подался вперед и поцеловал ее в щеку.

— Я приехала на конференцию. А что делаешь здесь ты? Просто невероятно!

— Я решил немного развеяться и улизнул с занятий. Жан и Стил тоже здесь! — он огляделся в поисках друзей.

— Спаси меня, Леон! — Бьянка рассмеялась от облегчения. — На конференции я познакомилась со странной компанией и теперь никак не могу от них уйти.

— Они взяли тебя в плен? — Леон удивленно покачал головой.

— Почти. Сначала они казались забавными... — Бьянка устало вздохнула.

— Тебе повезло, — сказал Леон и поманил ее за собой.

Все получилось даже лучше, чем я планировал. Нанятые мной ребята так утомили Бьянку, что мне не пришлось прилагать особых усилий, чтобы наладить с ней контакт. Она и без того была очень рада, а присутствие Жана и Стила, согласившихся подыграть в моей шалости, подняло ей настроение еще больше. Мы проводили ее до гостиницы и почти без труда уговорили прокатиться завтра

на пароме до Осло, чтобы в воскресенье вернуться на самолете в Париж. Бьянка считала нашу встречу счастливой случайностью, а обещанные приключения вызвали у нее бурю восторга, тем более что я пообещал уладить все вопросы с билетами.

Утром она выглядела отдохнувшей и посвежевшей. Бьянка восторженно хлопала ресницами, глядя на проплывающие мимо кораблики, пока мы неторопливо гуляли по набережной в поисках уютного места, где бы нам захотелось позавтракать. Я держал дистанцию, изображая настоящего джентльмена, Стил охотно развлекал ее легендами о викингах, которых очень любил, а Жан искал на карте в своем телефоне адрес Национальной галереи, куда хотел попасть перед посадкой на паром. Мы позавтракали горячими блинчиками в кафе с оранжевыми скатертями и трогательными вазочками на столиках. Официант улыбался и сыпал афоризмами, что неожиданно очень понравилось Жану, который назвал его поведение «самобытным» и оставил ему целую кучу чаевых.

Идти в Национальную галерею значило вернуть Бьянке «рабочее» состояние. Я понимал, что она сразу же потеряет нужный настрой и предложил альтернативу —

музей шуток и розыгрышей, объяснив свой выбор тем, что я устал от классических сюжетов. Бьянка поддержала мое решение. Стил не стал бы возражать, даже если бы ему заплатили, а вот Жан на этот раз заупрямился, сказав, что не знает, когда еще удастся выбраться в Национальную галерею Копенгагена. Поэтому мы договорились встретиться уже на борту парома и на время разошлись.

С выбором я не прогадал: мы вместе смеялись над разными глупостями и фотографировались на фоне необычных вещиц, что помогло нам еще немного сблизиться. Она не возражала, когда моя рука случайно оказывалась на ее плече или когда я сокращал ее имя до Би. В три часа мы уже были на пароме. Я забронировал три каюты: одну для себя и Стила, так как мы оба одиночеству предпочитали хорошую компанию, одну — для Жана, который особенно пекся о своем личном пространстве и уединении, и одну — для Бьянки. Ей очень приглянулся иллюминатор, через который открывался вид на море: из-за холода длительное нахождение на палубе грозило как минимум простудой, а девушке очень хотелось открыть для себя величие севера. Ее глаза горели восторгом от всего происходящего, и я поймал себя на мысли, что мне нравится

ее удивлять. Я был тем, кто подарил ей личную сказку, — кем-то вроде джинна. Это было чертовски приятно!

Все же зимой на пароме легко заскучать. На палубе слишком холодно, чтобы расслабиться и наслаждаться видом. Ветер пронизывает почти до костей, даже если одежда самая теплая. Пришлось осмотреть все сувенирные магазинчики, непонятно зачем разглядывая стеклянные шары и пластиковых пингвинов. Наконец Бьянка устала, уселась у большого иллюминатора и принялась мечтательно разглядывать мелкие волны, которые едва плескались в самом низу.

— Ты позируешь специально для меня? — спросил я.

— Нет, — она чуть подернула плечиком. — А что, я красиво сажу?

— Красиво! — я выдохнул, глядя на нее, и присел рядом.

Я чувствовал, как ее плечо касается моего. На Бьянке был трогательный свитер с оленями. Здесь, на пароме, многие ходили почти в таких же, но для Бьянки он, видимо, был особенным. Вы когда-нибудь видели глаза человека, у

которого совсем недавно сбылась мечта? Я украдкой посмотрел на нее и понял: без всяких сомнений, она была абсолютно счастлива. Я не удержался и поцеловал ее в смуглую щеку. Она улыбнулась и...

Наше уединение прервал Стил:

— Эге-гей, голубки, у меня уже в животе урчит, — он состроил смешную рожицу. Подошедший Жан строго посмотрел на него, сдвинул брови и кашлянул. Стил спохватился:

— Не соблаговолите ли разделить с нами ужин?

Было понятно, что Жан сердит по другой причине, но их потуги что-то сделать все равно напоминали метания детей на утреннике. Бьянка снова совершенно обворожительно улыбнулась, выражая свое согласие.

— Я в абсолютном восторге от Копенгагена! — заметил Жан, отрезая за обедом небольшой кусочек филе-миньона.

— Как и я! — обрадовалась Бьянка. — Ты не представляешь, как мне повезло!

— Почему же, вполне представляю, — сдержанно заметил Жан, накалывая брокколи на вилку.

— Господи, нет, ты не представляешь! — Бьянка активно жестикулировала. — Ты не можешь представить, мраморное ты изваяние! Ты даже о Копенгагене говоришь так, будто бы это «неплохое место, чтобы провести субботний вечер в кругу друзей». Боже, Жан, ты хоть когда-нибудь расслабляешься? Даже по-английски говоришь, как будто делаешь доклад королеве-матери.

— Здесь что-то происходит! — рассмеялся Стил, отхлебывая пиво. — Между вами было что-то, о чем мы не знаем?

— Да что у меня может быть с ним? — шутливо удивилась Бьянка, подняв брови.

— Действительно, *со мной* у тебя быть совершенно ничего не может, — все так же сдержанно отвечал Жан.

Я наклонился к его уху:

— Ты специально ее бесишь?

Он самодовольно кивнул.

— Да-да, и не перешептывайтесь. Я уверена, он раздражает меня нарочно. Ты, Леон, совершенно ничего не знаешь о своем близком друге, — Бьянка напустила деловой

вид, орудуя ножом и вилкой над запеченным лососем. — Он жестокий сердцеед.

В этот момент я ощутил довольно явный укол ревности, а Бьянка аккуратно отправила в рот небольшой кусочек филе, явно не торопясь продолжать свою мысль. Она его тщательно пережевывала, а я следил за ее губами. Это ее смутило, и она отвела взгляд.

— Как насчет Сюзанны? — непринужденным отстраненным тоном напомнила она Жану, пристально глядя ему в глаза. Я тоже впился взглядом в друга, пытаюсь понять, что же произошло такого, чего я не знаю. При звуке ее имени Жан едва заметно подернул бровью. Лицо его на секунду обрело выражение растерянности. Теперь настала его очередь слишком долго пережевывать нежный кусок телятины. Наконец, стараясь поддерживать равнодушие, он выдал, наверное, самую распространенную мужскую фразу:

— Я сразу ее предупредил, что между нами не может быть ничего серьезного.

— Вот-вот, посмотрите на него! — возмутилась Бьянка. — Я воздержусь от комментариев. Хватит с меня.

Месье Жан, позвольте попросить прощения за провокацию, но я знаю, что вы влюблены.

Жан, все так же сохраняя сдержанное выражение лица, вдруг опрокинул бокал вина, окрасив скатерть в красный цвет.

— Первая кровь! — азартно воскликнул Стил.

Я посмотрел на Жана. В его облике снова все было безупречно, но он то и дело поглядывал то в иллюминатор, то на дверь и вдруг стал говорить что-то невыносимо общее и скучное об особенностях архитектуры, пытаясь, видимо, собственной эрудицией заткнуть за пояс Бьянку. Конечно же, он понимал, что уйти сейчас — признать ее правоту, и почему-то отчаянно не хотел этого делать. Я не смог сдержать хитрую улыбку. Все же он что-то натворил, и, судя по всему, сам тому не очень-то рад. Мы со Стилом переглянулись. Я приподнял брови и вопросительно посмотрел на него и в ответ получил пожатие плечами. Ну вот, все как всегда: Стил тоже не знал, что за таинственная Сюзанна.

К нам подошел официант, предложив пересесть за другой столик. Мы согласились. Жан порывисто встал с места и тут же задел собственную тарелку.

— Хитрый ты лис! — воскликнул я громким шепотом, когда тот начал отряхиваться и наигранно ругаться.

Когда Жан торопливо отправился в свою каюту, Бьянка привлекла меня к себе и прошептала на ухо «Ему не удалось нас провести», от тепла ее дыхания у меня по шее побежали мурашки.

— Кто эта Сюзанна? — спросил я.

— Это не важно, — отказалась отвечать Бьянка. — Это их личное дело. Если захочет, он тебе расскажет.

— Мне тоже любопытно, — заметил Стил. — Может, я вылечил бы ее от разбитого сердца! — Стил снова хохотнул.

— Едва ли, — вежливо улыбнулась Бьянка.

— Хватит сплетничать! — я отхлебнул вина. — Какие планы на вечер?

Стил заметно оживился:

— Не знаю, как вы, а я хочу встряхнуться и подцепить себе кого-нибудь!

— А я думал, после еды и прогулки тебя потянет спать, — поддел я друга.

— Ну, — он лукаво посмотрел на меня, — возможно, ты прав. Надо же набраться сил перед ответственным мероприятием. Так что, быть может, я завалюсь на часок.

— Ты нас оставляешь? — наигранно печально спросила Бьянка.

— Да, — подчеркнуто цинично ответил Стил. — Встретимся на танцполе!

— Может быть, — уклончиво ответил я. — Удачного тебе вечера!

— И вам! — отвечал Стил, комично раскланиваясь.

— Чем займемся дальше? — спросил я Бьянку.

— Даже не знаю... Ознакомьте меня с выбором, — изображая церемонность, ответила она и звонко рассмеялась.

— Ну, здесь есть бассейн, — я принялся загибать пальцы. — Но ты вряд ли взяла купальник. Кроме того, на полный желудок не очень хорошо плавать...

— Все верно, продолжай, — Бьянка деловито покачала головой.

— Есть танцевальный клуб, но мне почему-то кажется, если бы ты хотела его посетить, то предложила бы Стиллу присоединиться раньше.

— Угадал, — она снова кивнула.

— Еще есть кинотеатр, где можно посмотреть хороший фильм. Итак, приглашаю тебя в кино, — я встал на одно колено и театрально протянул ей руку. Бьянка снова звонко рассмеялась и с удовольствием подыграла мне, взяв себя за подбородок и изобразив на своем прекрасном личике глубокую задумчивость.

— Так уж и быть, в кино я с тобой пойду, — ответила она, и мы отправились смотреть какую-то комедию.

Все было так мило и невинно, будто мы были школьниками на первом свидании. Я по-прежнему старательно держал дистанцию, пытаюсь заработать как можно больше «очков». Она иногда касалась меня бедром, будто бы случайно. Тогда я отодвигал свою ногу чуть в сторону, чтобы проверить, так ли это. Ее бедро рано или

поздно вновь касалось моего. Это хороший знак. Я довольно улыбался в темноте.

— Может быть, посидим в баре? Не хочу, чтобы этот вечер кончился! — предложила Бьянка, и я согласился.— Только я хочу переодеться! — сказала она, игриво глядя на меня. Мне стало любопытно, что она задумала. Я проводил ее до каюты.

— Я за тобой зайду, — сказал я, не отпуская ее руку.

— Лучше поцелуй меня, — сказала она. И я поцеловал ее — легко и мимолетно. Пусть это ее раззадорит.

Когда я вернулся к себе, Стила уже не было. Он, видимо, нашел приятную женскую компанию и хорошо проводил время. Я порадовался за друга и пошел в душ, чтобы немного освежиться. Когда, мокрый и взъерошенный, я натягивал джинсы, в дверь постучались. Крикнув «подождите!» и наспех одевшись, я пошел открывать, ругая друга: неужто забыл, что у него есть ключ! Мне предстояло сильно удивиться: за дверью был вовсе не Стил.

Бьянка была в темно-синем, как северное море, коктейльном платье, призывно облегающем фигуру. Волосы

шелковистой волной струились по обнаженным плечам. Легкий аромат духов наплывал на меня облаком и дурманил не хуже алкоголя.

— Решила зайти к тебе, — она виновато улыбнулась, застыв на пороге.

— Вот и хорошо, я уже почти готов, — я открыл дверь шире и жестом пригласил ее войти. Минуту она просто стояла, а потом, словно решившись, сделала первый шаг и медленно направилась к иллюминатору.

— Я хотела показать тебе лунную дорожку на воде. Никогда не видела такой красоты, — после небольшой паузы произнесла она.

Я осторожно подошел и встал рядом. Мы немного помолчали, любуясь далекими бликами света на поверхности моря.

— Ты все равно красивее, — я протянул руку, чтобы погладить ее по волосам. Бьянка придвинулась ближе, и между нами почти не осталось свободного пространства. Мои пальцы коснулись тонкой шеи, я чувствовал, как под ними отчаянно бьется жилка. Трудно передать, чего мне стоило в тот момент не бросить свою игру и ограничиться

только нежными, почти невесомыми поцелуями на фоне лунной дорожки. Это продолжалось пару минут, но потом Бьянка запустила чуткие пальчики мне под рубашку. Сдерживаться становилось все труднее, и я отстранился.

— Послушай, мне кажется, ты немного торопишься,
— я взял ее руки в свои.

— О чем ты говоришь? — она почти обиженно отстранилась.

— Сюда в любую минуту может зайти Стил.

— Если дело в этом, предлагаю пойти в мою каюту,
— она вопросительно изогнула бровь и положила руки мне на грудь.

— Подожди до завтра, у тебя будет время подумать,
— я поцеловал ее в лоб и обнял.

— Вот как? — Бьянка постепенно расслабилась и нежно улыбнулась. — Хорошо.

Мы немного постояли, глядя на воду и пытаюсь удержаться от искушения. Мы оба наслаждались этим удивительным ощущением.

— Пойдем немного опьянеем, — предложила она.

— Переход на новый уровень?

— Да, так тебе будет сложнее, что бы ты ни задумал.

С завтраком мы не стали мудрить и воспользовались шведским столом. Горячий кофе просто спас жизнь Стилу, который ночью так и не появился в нашей каюте. Теперь он медленно, как старик, переставлял ноги, зевал и отчаянно пытался взбодриться. Жан сказал, что не может смотреть на его мучения без слез и пожертвует прогулкой, чтобы доставить брэнное тело Стила домой — в Париж. Когда паром прибыл в Осло, мы с ними расстались.

Из порта до старого города мы с Бьянкой дошли пешком. На улице крупными хлопьями шел снег, создавая чудесное рождественское настроение. Солнце робко выглядывало в просветах между облаками, высекая искры из пушистых сугробов. Хотелось бежать по дорожкам, по-детски дурачиться и кататься на санках.

Весь день мы гуляли, дышали морозным воздухом, в маленьких магазинчиках покупали на память всякую ерунду, пили вкусный грог в полупустых кафе, чтобы согреться, а потом снова гуляли... У Бьянки горели глаза, и иногда мне казалось, что она чувствует нечто такое, чего не

могу почувствовать я: какую-то мистическую сопричастность, доступную только ей и заснеженному городу.

Мы постоянно болтали о чем-то, хотя запомнился мне лишь один разговор. Когда мы стояли на мосту, Бьянка сказала, что до этого дня самой северной точкой для нее был Лондон, где она побывала с родителями в детстве. В ответ я щелкнул ее по носу и повалил в сугроб. Бьянка рассмеялась, но для вида, как это часто делают девчонки, долго потом возмущалась и дулась, хотя я видел: ей со мной весело.

Иногда мы осторожно брались за руки и почти украдкой целовались. Мы оба знали, что вечером будет нечто особенное, и от этого робкие поцелуи становились еще желаннее, а по телу разбегались крошечные электрические разряды.

— Ты выглядишь так, будто что-то задумал... — осторожно предположила Бьянка.

— Очень даже возможно, — уклончиво ответил я. — Не хочешь горячего шоколада?

— Смеешься? Предлагаешь девушке шоколад, да еще и горячий! И не надейся: не откажусь!

— Пойдем, — улыбнулся я.

Мы шли по городу, и я хотел, чтобы она еще немного устала и еще чуть-чуть замерзла. Так было нужно. Я не понимал, зачем, но точно знал это. Когда мы подходили к пункту назначения, я завязал ей глаза. и она засмеялась, соглашаясь на мою игру.

— Что это за место?

— Какое-то очень хорошее, — я не спешил раскрывать все карты.

Зал, где мы оказались, мог сойти за что угодно, но я не хотел, чтобы она слишком рано догадалась, что это не публичное место.

— Тут мило, — сказала она, снимая повязку и устраиваясь на кожаном диванчике недалеко от камина. — Мне нравится пол: дерево такое старое, интересное...

— Я слышал, он из дерева, которое море выносит на берег. Представляешь, сколько оно качается по волнам? — я посмотрел на Бьянку. Глаза ее загорелись.

— Два горячих шоколада, пожалуйста, — попросил я официанта. Меню на столе не было, но Бьянку это не смутило. Ох, только бы не догадалась, куда я ее заманил!

Мы пили шоколад, и за окнами хлопьями валил снег, так густо, что нельзя было разглядеть ничего, что творилось на улице. Да и что там могло твориться? Окна выходили на кромку леса. Мы были здесь в самом деле одни, почти одни. Тихо играла музыка, чуть потрескивали поленья.

— Хорошо, что здесь нет никого, кроме нас нет, — заметила Бьянка.

— И не будет. Эта большая комната — наша, — признался я.

— Значит, я могу сделать так! — обрадовалась Бьянка, слезая с дивана и устраиваясь на полу, на мягком ковре рядом с камином.

— Пол не дает тебе покоя! — улыбнулся я.

— Так я ближе к приключениям! — рассмеялась она.

— У тебя шоколад... — заметил я, осторожно коснувшись пальцем ее губы.

После возвращения в Париж я витал в облаках: наша с Бьянкой история поглотила меня целиком. Мне хотелось еще. Хотелось продолжения того, что было в Осло. Она так восторженно смотрела на меня, когда я удивлял ее, так нежно целовала в губы, так искренне выражала свою любовь к миру и радовалась пустякам, что я невольно заражался ее эмоциями, чувствовал, как все сильнее растет моя влюбленность. Мне казалось, что я полюбил и снег. Я часто вспоминал те пушистые хлопья, что кружили над нами на севере, думал о сугробах и представлял, как чувства мои нарастают, словно снежный ком. Я был этому рад, словно ребенок: слепив маленький снежок, он катал его в липком снегу, и снежок становился все больше и больше. Что из этого получится? Не растает ли снег раньше времени? Или, быть может, ком станет таким огромным, что его невозможно будет катить? Нет, я не хотел об этом думать: каждой клеткой своего тела я наслаждался жизнью и отказывался думать о будущем и прошлом.

Из-за поездки Бьянка пропустила почти неделю учебы и хотела все наверстать. Поэтому она пропала на несколько дней, и мы совсем не виделись, только

перезванивались каждые пять минут, чтобы сказать пару слов и повесить трубку.

— Ты посмотри на него, — манерно указал на меня изящной вывернутой ладонью Жан.

— А что с ним такого? — деланно удивилась Лилиан, закрыв зеркальце.

— Наш друг — влюбленный идиот! — беззлобно навесил на меня ярлык Жан.

Лилиан чуть наклонила голову и посмотрела на меня изучающе.

— И давно он звонит Ей, — она произнесла последнее слово с придыханием, будто бы Бьянка была какой-то богиней, — чтобы доложить, что помыл руки перед едой?

Я невольно рассмеялся.

— Боже, Леон, ты даже смеешься, как влюбленный идиот! — и все в голос засмеялись надо мной. Повод был ничтожным, но их смех настолько заразительным, что я сам чуть не захлебнулся от хохота. Когда я, наконец, смог говорить, то спросил:

— И все же поясни, как согласно «Декрету о влюбленных идиотах» я смеюсь?

— О, это до нелепого просто: ты чуть смущаешься, бросаешь беглый взгляд на телефон, потом глупо улыбаешься, вытягиваешь губы трубочкой, чтобы не засмеяться и не выдать себя, и в следующую секунду начинаешь биться в конвульсиях.

— Никогда не думал, что привлекаю настолько пристальное внимание, — сдержанно заметил я, невольно бросая взгляд на телефон с загоревшейся подсветкой.

— Из Жана получится отличный режиссер: всегда подскажет, какую нужно соорудить мину, — добавила Лилиан. — Мне, наверное, понадобится твой мастер-класс, дорогой. Мне до ужаса срочно надо свести с ума одного мужчину.

— Ты знаешь, милая Королева Мэб, я не настолько силен в психиатрии, — Жан развел руками.

— Я не имела в виду настоящее сумасшествие, Звездный Мальчик.

— И что же у тебя? — тоном доктора спросил Жан.

— Случай прескверный. Не уверена, обращаюсь ли я по адресу, настолько.. гм.. неоднозначен мой избранник.

— Заинтриговала, детка! — подмигнул Лилиан Стил, до этого слушавший молча.

— И что в нем неоднозначного? — спросил Жан, приподняв бровь.

— Я никак не возьму в толк, зачем он мне нужен. Но едва его вижу, знаю, что нужен. Мне он нравится, но не пойму: как мужчина, то есть как сексуальный объект, или как кто? Я даже не знаю, от чего у меня больше перехватывает дыхание: от его дорогого костюма, от того, как он дирижирует, или от его тошнотворной лысины! — тараторила Лилиан.

— Бедняжка! — деланно посочувствовал Стил. — Может, тебе разобраться в себе?

— Может, и в себе, — слегка огрызнулась Лилиан. — Но с чего же начать?!

— Смешанные чувства, — бросил я.

— Я вот тоже не могу понять. Давайте я поделюсь. Нет, вы представляете, мне она снится каждую ночь, а

потом я однажды касаюсь ее и теряю дар речи... — передразнивая подругу, затараторил Стил.

— Мы все уже знаем о твоей новой гитаре... — почти хором сказали мы с Жаном.

— А этой красавице пора разобраться, что ее привлекает: мужчина или... — Стил чуть было не выругался, — или кошелек. — Лилиан, объясни мне, зачем тебе все это?! Ты же такая чудесная! — воззвал он, будто бы с горя отхлебывая пива.

— Резко, но правдиво. Я бы так не смог, — Жан похлопал Стила по плечу.

— Ты недостаточно выпил! — Лилиан обиделась на обоих. — Я просто еще не встретила того, кто сочетал бы в себе качества, которые мне необходимы. Как воздух необходимы! — чуть ли не отчаянно заявила она.

— Поэтому все мы знаем о твоей замечательной коллекции, — добавил Стил.

— В коллекции нет ничего предосудительного, — вступился за Лилиан Жан. — Никто не запретит прекрасной даме иметь легион поклонников. Ты и сам наверняка

мечтаешь о толпе восторженных дев, рвущих на себе футболки с принтом твоей группы.

— Уел, принято, — признал поражение Стил.

— А теперь совет для Королевы, — вздохнул Жан. — Ты же знаешь, я верю, что ничего не должно быть зря. Все должно быть оправданно и во всем должна быть красота.

— Знаю, Жан. Вот я и хочу, чтобы он не только красиво дирижировал, но и красиво ухаживал, но он такой... странный. Нелюдимый. Я даже не знаю, что с ним делать. А когда посмотрю на его... лысину, покрывающуюся испариной, мне просто не по себе, — вздохнула Лилиан.

— Так тебя вдохновляет то, как он отдается делу? — спросил ее Жан.

— Можно сказать и так. И вдохновляет его успех, — кивнула Лили.

— Мне кажется, в некоторых случаях недостатки могут перестать казаться такими уж значимыми.

— Это миф, — пробурчал Стил. — Рано или поздно любая начинала мне напоминать про мой «комоч нервов».

— Значит, тебе пора брать пример с меня! — улыбнулся Жан, взглядом указывая Стилу на его жирные пивные закуски и свою тарелку с салатом.

— Такое едят только бабы! — почти оскорбился Стил.

— Да-да, ты до сих пор уверен, что салат с морским гребешком и апельсиновым соусом едят только женщины, гомосексуалисты и прочие травоядные животные вроде твоего друга Жана. А настоящим мужикам даже на завтрак положено побольше белка, жира и соли, — тараторил Жан, ковыряя вилкой в тарелке друга.

— Но ты же не...

— Вот именно, и поэтому я подпадаю под классификацию «травоядное животное».

— А мне кажется, он просто не встретил свою любовь! — кокетливо заметила Лилиан и уставилась, будто бы вдруг решила проверить свои чары на мне.

Я хмыкнул и продолжал слушать болтовню друзей. Хорошо, что они отвлеклись от меня. Снова пришло сообщение.

Утром следующего дня идти на занятия было до того лень, что я провалялся в постели до полудня. Вялая истома наливала тело свинцом. Не хотелось подниматься, даже чтобы позавтракать, хотя желудок уже давно и настойчиво сжимался от голода. Во рту все пересохло от последствий вчерашнего вечера. Голова продолжала тупо гудеть. Не болеть, как это бывает после какой-нибудь попойки, а просто гудеть. Мысли чуть слышно булькали, словно густое варево. Нужно как-то освежиться, но как? Я приподнялся с постели, глянул в окно и не поверил своим глазам.

Снег? Снег в Париже? Такого не было уже давно! Настроение мгновенно переменилось. Такое ощущение, что снег прилетел сюда из Осло... Бьянка! Я принял решение. Теперь самое главное — дождаться вечера.

Когда по моим подсчетам ее занятия закончились, я подъехал к зданию кампуса и набрал знакомый номер телефона.

— Ты давно смотрела в окно? — спросил я хитро.

— А что там? — недоуменно отозвалась Бьянка.

— Нет, ты правда, честно, действительно за целый день так ни разу и не посмотрела в окно? Я не уйду, пока не вытащу тебя из заточения.

В трубке послышалось шуршание: кажется, Бьянка подошла к окну. Мне показалось, она улыбается в трубку.

— Как красиво, — в восхищении выдохнула она и тут же осеклась: — Но мне еще эссе по философии писать...

— Как хочешь, я буду ночевать здесь! — решительно высказался я.

— Хорошо, подожди минут десять. Сейчас спущусь!

Мы ехали на каток рядом с мэрией. Перед тем как сесть в такси, я вручил Бьянке блестящую коробку с новенькими коньками. Оберточная бумага сияла золотистыми прожилками на темно-зеленом фоне. Несколько минут Бьянка возилась, открывая подарок, а потом ее глаза засветились восторгом и радостью. В этот миг она была похожа на маленькую девочку, получившую именно то, что заказывала у Санты, хотя Рождество уже давно прошло. Тем приятнее такой сюрприз! Бьянка несколько раз подпрыгнула на месте, схватила меня за руки

и закружила в импровизированном танце. Я подумал, что ученым непременно стоит придумать специальный фотоаппарат, чтобы можно было сделать снимок реальности со всеми, даже самыми крошечными, оттенками ощущений, звуков, запахов в такой вот момент времени, а потом показывать его угрюмым скептикам, которые твердят, что счастье — лишь миф. Именно тогда, когда Бьянка кружила меня на укрытой белым пухом улице, я чувствовал острое, колючее, как воздух, счастье. Оно переполняло меня и вырывалось наружу победоносным криком.

Пока мы ехали, я улыбался, глядя, как она любовно прижимает к груди обновку, проводит пальцами по белой коже и блестящему металлу. Иногда она бросала на меня ответный взгляд и, смеясь, отводила глаза. Я был благодарен сам себе за идею с коньками: не каждый день можно получить столько удовольствия от чужой радости.

В тот вечер нам повезло, и народу на катке было совсем немного: лишь одна порхающая стайка беззаботных ребятишек. Они иногда показывали на нас пальцами и хихикали: мальчишки с любопытством, а девчонки — с надеждой. Мне показалось, что я могу прочесть их мысли о том, как здорово быть взрослыми.

Каток был другим измерением. Здесь не имело значения все то, что осталось за оградой. Мы просто кружили по сверкающему льду, отражавшему свет вечерних огней, и растворялись в пространстве, заполненном нежным голосом, поющим рождественскую песню, скрипом коньков, смехом детей... Глядя на малышню, я раззадорился и предложил Бьянке круг наперегонки. Она крикнула «догони!» и стремительно унеслась вперед. Я сделал рывок следом за ней, но споткнулся и растянулся на животе. Было больно и смешно одновременно. Бьянка оглянулась, чтобы узнать, где я, и встревоженно поспешила на помощь. Когда она убедилась, что со мной все в порядке, то протянула руку в пушистой варежке и принялась по-девичоночьи хихикать. Я решил так просто не сдаваться, извернулся и схватил ее за подол пальто, а она взвизгнула и, не удержав равновесия, упала на меня сверху. На какой-то момент у меня перехватило дыхание: отчасти от ощутимой тяжести хрупкой с виду девушки, отчасти — от чарующей магии момента. Сладковатый аромат ее духов, запах льда, мокрой шерсти ее рукавичек, смех, который Бьянка никак не могла унять, горящие глаза, снег, запорошивший мне лицо, — все смешалось, замелькало и остановилось одновременно. Я

напряг последние силы и, подавшись вперед, порывисто поцеловал ее в очаровательный итальянский носик, которого она непонятно почему стеснялась.

Поднявшись наконец на ноги, мы поняли, что нуждаемся в передышке: ноги ныли, прося пощады, а холод забирался под одежду. Пришлось покинуть каток и отправиться на поиски ближайшего кафе. По дороге я шутливо жаловался на ушибленное колено, но даже сам себе не верил: слишком уж мне понравилась наша маленькая авария.

Я держал ее за руку, шагая по вечернему Парижу в поисках уютного местечка для двоих; к вечеру стало теплеть, снег на улицах начинал таять, и мы оба немного расстроились, что скоро от него не останется и следа. Острое, опьяняющее, граничащее с восторгом счастье улеглось, уступив место чему-то более мягкому и нежному, но оттого не менее значимому.

В пятницу меня разбудил телефонный звонок Стила: он с издевкой спросил, не забыл ли я, что учусь в университете. А когда я ответил, что у меня еще утро и что

пока я совсем не рад его слышать, заявил, что ему скучно и что он хочет «нормальных мужских развлечений». А следовательно, я просто обязан поехать с ним на пейнтбол. Возражений у меня не нашлось, тем более что «нормальных мужских развлечений» мне и самому в последнее время не хватало. Стил объяснил, что его приятели по колледжу забронировали площадку в паре километров от города и предложили поехать играть с ними. Почему-то я не удивился, когда узнал, что там будет Кит.

Выезжали в воскресенье рано утром. Стил подобрал по дороге еще двоих игроков, которые принялись горячо обсуждать тактику предстоящей битвы. Внедорожник Стила с аппетитом пожирал дорогу, а я расслабленно любовался проплывающими картинками и думал, что неплохо было бы купить свою машину. Все стоящие в отцовском гараже теперь больше подойдут для музея, и если уж покупать автомобиль, то обязательно такой, который будет обладать твоим характером и станет продолжением тебя самого.

К сожалению, доехали мы быстро. Мне понравилось молча сидеть и смотреть в окно. Казалось, еще чуть-чуть и начнешь понимать что-то важное, что откроет тебе основополагающий закон жизни.

Пока все постепенно собирались на месте событий, Стил знакомил меня с теми, кого я еще не знал, и задумчиво делился последними новостями. Оказалось, Кит неплохо вписался в их группу, но возникла непредвиденная проблема.

— Мать решила контролировать мои расходы. Очень не вовремя. Нашу песню крутят по радио, и мы решили снять клип, — он поморщился и махнул рукой. — Сказала, что на музыку я должен зарабатывать сам.

— И как вы будете выкручиваться? — я присвистнул. Ситуация была довольно унижительной.

— Тут выход только один: постараемся ужать бюджет... — Кит равнодушно пожал плечами.

— Я думаю, как все решить по-другому, только пока ничего в голову не приходит, — Стил печально посмотрел сквозь меня. — Нужно выпить, так мне всегда лучшие идеи приходят.

— Ага, и пострелять во все, что движется, — поможет снять стресс, — Кит похлопал Стила по плечу. Мой друг криво улыбнулся ему в ответ. — Не думай сейчас об этом. Многие группы живут вообще без клипов.

— Нам просто необходимо красивое видео... Тебя вовсе не заботит, что из-за дешевого клипа группа, в которой ты играешь, может стать посмешищем?

— Заботит, но ты заиклился на этом. Никто ведь не умрет, если ты не снимешь клип, — Кит говорил очень убедительно, но я знал, что Стила уже не пронять. В таких ситуациях, как эта, он становится очень упрямым. Если не предупредить тот момент, когда Стил упрется лбом в стену, он обязательно попытается пробить ее головой.

Приближающийся конфликт предотвратил сутулый парень в костюме защитного цвета. Он громко попросил всех подойти, объяснил принцип действия оружия, рассказал о технике безопасности и отправил нас переодеваться.

В раздевалке пахло потом. Все находились на взводе, и я сам начал ощущать, как волны азарта растекаются по моему телу. Когда много мужчин собираются в одном помещении в предвкушении битвы, их настроение становится видимым, почти осязаемым, оно пропитывает тебя и вызывает первобытное желание уничтожить противника.

Когда я надел темно-зеленый защитный костюм и глянул на себя в зеркало, захотелось, как в каком-то старом боевике, нарисовать себе на лице черные полосы. Все тело налилось уверенностью, я чувствовал себя просто нереально крутым: сильным и ловким. Казалось, я сейчас разгромлю всех и вся.

Игра началась неожиданно. Уверенной походкой, даже слегка вразвалку, я вышел на «поле боя» и тут же получил первое нещадно-розовое пятно.

— Эй, кто это сде... — оранжевое пятно на щиколотке.

Я быстро откатился за дерево. У меня захватило дух. Маска запотела от дыхания. Я осторожно высунулся из-за влажного ствола, чтобы оценить обстановку: угроза на три часа. Я вскинул винтовку. Пуля вылетела со свистом. Попал. Ранил.

— Твою мать! — выругался Кит, получивший пулю в бок.

Выстрел был достаточно болезненный, но так ему и надо. Я тут же спрятался за дерево. Сердце колотилось ужасно быстро. Кровь начинала приятно закипать от

сознания, что я его «сделал», выстрелив более метко, чем он (а в меня стрелял именно он, в этом не было сомнений).

Что дальше? Я снова высунулся из-за ствола, пытаюсь прикинуть, смогу выбраться из укрытия без ранений или нет. Я снова представил себя героем боевика, подумал, как здорово было бы, словно в замедленной съемке, медленно уклоняться от летящих контейнеров с краской.

— К чертям! — выругался я вслух и двинул вперед.

Я выбежал на полусогнутых, оглядываясь по сторонам. Пули засвистели совсем близко, и я стал передвигаться, петляя, на «авось», и отстреливаться тоже стал наугад. Маска к этому моменту запотела так сильно, что едва можно было различать, куда идти. Нужно было найти укрытие, снять маску, протереть — и снова в бой. Резкая боль обожгла кисть: кто-то попал по незащищенной руке. Ух, больно! Будто бы с размаху ушибся костяшкой обо что-то твердое, со всей дури. Я стиснул зубы и в этот момент заметил впереди то, что было так нужно: заграждение из досок. Продолжая отстреливаться, я побежал туда, но следующая пуля (зеленая) попала прямо в

бедро. Пришлось упасть и перекатываться в сторону заграждения. Только бы там никого не было...

— Леон! — услышал я голос Стила. — Тут занято, друг! Вали, пока я перезаряжаюсь...

Мне стало не по себе.

— Мне только протереть маску, я ничего не вижу, — сказал я, надеясь, что друг смилуется надо мной и не пристрелит.

— Это игра, брат, — почти цинично заявил Стил, заканчивая перезарядку.

Я озверел. Ну, если здесь нет дружбы, если все — игра, то о'кей. Я молниеносно (и откуда я так наловчился?) сделал захват, чтобы чуть придушить Стила прикладом.

— Уу, зверюга! — рассмеялся он. — Были каждый сам за себя, но ты настолько крут, что я предлагаю тебе быть в моей... — он выкручивался, — команде.

— Договорились! — я сделал вид, что согласен. Протер маску и перезарядил винтовку, потому что пули тоже подходили к концу.

— Пойдем к бункеру! — скомандовал я. Он потащился за мной. Я был ранен, и пришлось волочить ногу, но друг и не думал прикрывать меня.

— Знаешь, я передумал! Ты заботишься только о себе! — он даже не обратил на меня внимания. Я выстрелил ему в бедро: пусть попробует, как это, с раненым бедром.

— Жулик! — выкрикнул Стил.

— Каждый сам за себя — это единственное правило! — выкрикнул я, быстрее скрываясь из его поля зрения, пока Стил пытался свыкнуться с ноющей болью в бедре.

И тут меня ранили в плечо. Я выругался. Еще немного, и я не смогу играть. Мы договорились, что прекращает игру только тот, у кого смертельные ранения: в живот, в грудь, в спину, в голову. В остальных случаях надо было вести себя так, будто ты ранен. Я волочил за собой ногу, и вот сейчас у меня была «выключена» рука. Три попадания в левую. Еще немного, и меня выведут из игры. Это будет легко. Но хотелось выиграть!

Я стал искать убежище. Оно было близко. Вопрос только в том, смогу ли я быстро там оказаться. Смогу ли отстреляться. Я высунулся из-за дерева: угроза на

двенадцать часов. Выстрел. Ругань. Да я снайпер! Угроза на пять часов. Ха-ха, старый знакомый... Нет, отсюда не попаду, надо выждать. Я стал следить за ним. Черт! Кажется, он заметил меня! И все же я решил попробовать.

— Мазила! — хрипло выкрикнул Кит.

О, да, он видел меня. Знал, чего я хочу. Его пуля просвистела над моей головой. И когда я увидел пятно на древесном стволе, то понял, как близок был к поражению.

— Сам такой! — ответил я и почти наугад выстрелил в его сторону.

— Промазал! — выкрикнул Кит, и тут я разглядел еще одного игрока.

Я прицелился, но убрать его не удалось. Теперь о моем местоположении знали трое: Стил, Кит, и, вроде, Рори его зовут... Я прицелился в Кита. Тот пробирается к бункеру, уже близко. Великолепный обзор. Отбивается от Стила и двух парней, чьих имен я не запомнил. Тут я его и снял. Шлепнул прямо по маске. Кит вскрикнул, выругался, зло скинул с лица маску, но быстро понял, что это ошибка: вне укрытия маску лучше не снимать. Он снова надел ее, но успел обиженно посмотреть на меня.

Он, кажется, думает, что я его ненавижу. Нет, не то чтобы я его ненавижу...

Хватит размышлять! Надо двигаться! Я тоже направился к бункеру, рядом с которым виднелась искусственная стена. В бункер смысла идти нет: там кругом бомбы из краски, и на них можно сразу «убиться», а я и так уже почти «мертвый». Надо отсидеться.

Я перекатился в сторону стенки и, едва очутившись за ней, попытался отдышаться. Капельки пота стекали по спине. Противное ощущение. Я посмотрел вверх: ясное небо над головой., плывут облака... Такая поэзия, а тут самая настоящая бойня.

И тут совсем рядом кто-то выстрелил. Неба больше было не видно. По пластику растекалось фиолетовое пятно.

Игра для меня закончилась так же неожиданно, как и началась.

Стил был доволен игрой. Переодеваясь в обычную одежду и потирая ушибленные места, мы делились впечатлениями. Я подумал, что это не будет лишним, и протянул руку Киту.

— На войне как на войне, — сказал я, улыбнувшись.

— Кто бы мог подумать, что ты такой снайпер! — Кит с уважением пожал мою руку.

Мне было лестно, хотя я понимал: возможно, именно потому, что мне приятно, мы не станем друзьями.

— Кто меня убрал? — спросил я.

— Ты так и не понял? — прищурившись, спросил Стил.

— Старая собака! — рассмеялся я. — Месть за бедро?

— Угу! — отвечал Стил, сложив губы трубочкой. — «Обидчивая» собака!

— А я как раз думал, что неплохо было бы выпить пивка... — мечтательно заявил я, заговорщицки глядя на друга.

— Запрещенный прием! — Стил наклонил голову и направил на меня указательный палец-пистолет.

Стил предпочитал жить отдельно от родителей в съемной квартире, что вполне объяснимо. Внутри его «берлоги» всегда царил творческий беспорядок. Сколько я

помню это место, идеальным порядком мог похвастаться только большой стеллаж с дисками в гостиной. Хендрикс, Айомми, Пейдж, Ван Хален — здесь «жили» лучшие, как говаривал сам владелец коллекции. В центре комнаты, вокруг низкого, заполненного чем только можно журнального столика, были небрежно брошены на пол несколько кожаных кресел-мешков. Я огляделся, с удовольствием погрузился в одно из них и мгновенно расслабился. То, что надо, особенно после такой беготни. Стил удалился на кухню за пивом. Пока он ходил, мой взгляд привлекли гитары, расставленные на подставках вдоль стены. У каждого инструмента была своя история и даже имя.

— Будешь? — Стил вернулся с упаковкой алюминиевых банок. — Чтобы пять раз не ходить, — пояснил он и бросил свою добычу на диван.

— Что за вопрос! — фыркнул я. — Ну, где там твоя ненаглядная?

— Вот моя красавица, — и с гордостью кивнул на самое почетное место для «вновь прибывших».

Стил небрежно поставил пиво на стол, уронив при этом несколько журналов, встал, бережно взял в руки инструмент и, подключив к усилителю, провел рукой по струнам. Словно примериваясь, он выдал хаотичный набор звуков и начал импровизировать. Мелодия м то резкая и звенящая, то неожиданно плавная и ласкающая слух — стала заполнять собой комнату. Он сам тонул в этой мелодии, и выражение его лица менялось, становясь то вызывающе-дерзким, то нежно-печальным. Я усмехнулся, подумав, что Стил наверняка и не подозревает, как меняется во время игры. Наконец последний аккорд растаял в воздухе, и Стил отложил гитару в сторону.

— Как-то так, — сказал он, делая хороший глоток пива.

— И многих девок ты уже затащил в постель? — спросил я.

— Ты каждый раз так говоришь, — он сально улыбнулся. — Пока я сфокусировался только на ней, — Стил с любовью провел по деке.

— На самом деле я хотел сказать, что ты талант, — сказал я, отхлебнув пива.

— Спасибо, дружище. Зря ты сам бросил играть.

— Да, ты тоже это каждый раз говоришь, — я замялся, подбирая слова. — Послушай, я не прошу дать ее мне, даже не хочу пытаться что-то вспомнить... Дружище, давай я помогу вам с клипом.

— Я не хочу, чтобы ты превращался из друга в спонсора, — Стил поморщился, словно от зубной боли. — Но чтобы ты ее трогал, я тоже не хочу!

Мы оба громко рассмеялись, когда поняли, что Стил чисто автоматически передал мне гитару, потому что видел, как я хотел на ней сыграть, тем самым все же принимая мое предложение безоговорочно и без долгих раздумий.

— Я отдам. Сразу, когда «отобьем», — сказал он, качая головой.

Я улыбался. Дешевое баночное пиво начинало действовать: ноги и руки будто одервенели. Однако пальцы вспомнили что-то из старого. Это такое забавное чувство, когда руки помнят лучше, чем голова... И все же я бездарно исковеркал ту тему, что вспомнил, а потом «облажался», выражаясь музыкантским сленгом, на импровизации. Конечно, банку пива выдул — вполне достаточно, чтобы все

испортить. Но даже моих жалких потуг хватило, чтобы понять звучание новой гитары. Я наслаждался, но чувства мои были смешанными: я был и рад, что на что-то еще способен, и жалел, что забросил. У Стила всегда была потрясающая техника, а я никогда не понимал, зачем заставлять себя заниматься чем-то нудным, если можно просто играть что-нибудь красивое. Сейчас я понимал: чтобы сыграть что-то действительно красивое, и вправду, нужно вначале озаботиться постановкой правильной техники исполнения.

— Может, погоняем? — Стил, видимо, приревновал меня к гитаре и решил отвлечься компьютерной игрой.

— Да, мне важны тренировки!

— Это зачем? — вскинул бровь Стил.

— Хочу себе обалденную машину. Вот чтобы она была моя! Не папина, а моя собственная, понимаешь?

— Конечно, на Роллс-Ройсе или Бентли ты смотрелся бы как идиот, поэтому ты абсолютно прав, оставляя их в гараже.

— Хочу суперкар! — почти капризным тоном заявил я.

— Друг, все, что тебе нужно для этого, — просто немерянная куча бабла! — Стил заговорил с придыханием, руками обрисовывая контуры этой самой воображаемой «кучи». Я мечтательно вздохнул, а он цокнул языком:— Но знаешь что прекрасно?

— Что у меня есть эта куча? — спросил я, широко улыбаясь.

— Что... Послушай, я ведь твой друг?

— Да, — отвечал я, уже понимая, к чему он клонит.

Зима пролетела незаметно. Моя жизнь была похожа на ароматный крюшон: я терял голову от Бьянки, прогуливал учебу, не мучился угрызениями совести (разве что совсем чуточку), вместе с друзьями ездил наблюдать за съемками клипа, где мы вместе дурачились на площадке, а потом ехали в клуб. Все это превращалось в разноцветную череду родных, любимых лиц, которые проносились мимо меня, будто я катался на карусели. Иногда в фильмах показывают то же самое, только чтобы показать, как герой устал от бесконечных попок, гулянок и случайных связей. А я не устал. Я наслаждался. Я чувствовал себя таким...

свободным, взрослым. Ощущал, что именно сейчас моя жизнь полна событий и красок. Это было прекрасно. Мне не хотелось ничего менять.

И вдруг Бьянка пишет мне на салфетке загадочное «Милан», и я совершенно не в силах ей отказать. Карусель останавливается, время замедляется, но я не разочарован. Я схожу с аттракциона, у меня кружится голова, у меня ватные ноги, я улыбаюсь, как идиот. А как говорили мои друзья еще в феврале, так улыбаются только те, кто безудержно и дико влюблен.

Милан! Вот она просто пишет на салфетке: «Милан», как другие пишут свое имя, чтобы с кем-то по-быстрому переспать, или телефон, чтобы познакомиться (и все для того же). А ведь она пишет не для того. Она хочет домой. С ее губ слетает, глухо и пьяно звеня:

— *Milano*.

Я никогда в жизни не слышал ничего красивее, и я прошу ее повторить. И она повторяет своим нежным, грудным голосом с хрипотцой от недавней простуды.

— *Milano, Milano, Milano* — покорно шепчет она, склоняясь надо мной.

И я не могу с ней спорить. Милан становится для меня так же притягателен, как и ее губы.

Глава четвертая

Милан теплее Парижа. Нет, я говорю не об очевидных вещах вроде климата. Наверное, в полной мере понять это может только парижанин. Милан, как и Париж, — город моды, они в некотором смысле побратимы. Но парижская мода отличается от миланской так же сильно, как французская кухня отличается от итальянской. Париж сдержаннее, даже выдержаннее. Милан же эмоционален. Не как Рим, в Милане многое иначе: здесь красота проявляется не в безусловной строгости форм, а еще в чем-то еще, и в этом «чем-то» так много жизни! Может, я чувствовал, что влюбляюсь в Милан, потому что Бьянка была родом оттуда, потому что в ней было так много этого... необъяснимого чудесного тепла!

Квартира Бьянки находилась недалеко от центра. Утомленный перелетом, дорогой до ее дома, первой прогулкой по Милану и ее *Milano-Milano-Milano*, я засыпал

и слушал рокот проезжающих мимо машин. Почему-то здесь и моторы звучали иначе. Быть может, все объясняется итальянским автопромом? Я улыбнулся, представив себя за рулем Дукати.

— Сладких снов, *Milano*-милый, — промурлыкала Бьянка. Тогда я, конечно, и не догадывался, что ей взбредет в голову.

Я проснулся от того, что хлопнула дверь. Оказывается, Бьянка встала раньше меня и уже успела вернуться с подозрительно шуршащим пакетом. Мой желудок заурчал быстрее, чем я успел сказать «Доброе утро!».

— Где ты была так рано? — спросил я, наблюдая, как она выкладывает на барную стойку продукты.

— Решила сделать из тебя настоящего итальянца и пошла в магазин.

— И что же потребуется, чтобы превратить меня в итальянца? — я завернулся в одеяло и, зевая, подошел поближе.

— Для начала надеть что-нибудь, кроме одеяла, — она рассмеялась и поцеловала меня в нос.

Мой живот снова издал какой-то приветственный звук, похожий на крик умирающего ламантина. Бьянка рассмеялась и включила кофеварку. Я с любопытством смотрел, как она извлекает из бумажного пакета бисквитное печенье и маскарпоне. Все это, по-моему, было для еды пока непригодно. Вдруг запахло свежей выпечкой, базиликом и сыром. Восхитительно запахло! Чтобы желудок замолчал и не мешал делать из меня итальянца, Бьянка скорее подала мне ароматную, свежую брускетту с хрустящей сырной корочкой. Именно подала! Не сказала: «Ешь», а положила на красивую тарелку, поставила рядом чашку с кофе и положила два кусочка тростникового сахара на блюде. Блаженно улыбаясь, я дрессировал своего внутреннего ламантина, отправляя по пищеводу это простое, но совершенно восхитительное произведение итальянской кулинарии.

— А теперь я покажу тебе, что такое настоящий тирамису... — Бьянка мечтательно закатила глаза.

Она смешивала ингредиенты, рассказывая что-то о рецептах своей матери и бабушки и о том, что там надо что-то «хорошенько» и «обязательно свежие». Она тараторила, сбиваясь на итальянский, но я больше смотрел на нее саму,

чем на то, что она делала. На ее лицо — то спокойное и немного мечтательное, озаренное легкой полуулыбкой, когда она раскладывала бисквитное печенье, то задорное и азартное, когда она начинала взбивать в пену белки. Я смотрел на ее непослушную прядку, которая то и дело выбивалась из густой копны убранных в хвост волос. На изящную руку, которая усердно перемешивала длинной ложечкой маскарпоне с яичными желтками. От этого перехватывало дыхание. И я бы сказал, что она напомнила мне дом, и детство, и маму, но это далеко не так. В детстве у меня такого не было. Я покачивался на волнах нежности где-то глубоко внутри, иногда касаясь ее обнаженной кожи, чтобы убедить себя в реальности происходящего. Звук чуть простуженного голоса, какая-то мелодия, доносившаяся от соседей через распахнутое окно, запах горького шоколада и крепкого кофе, запах ее тела, запах невероятной сладости, свежий утренний воздух — такое искушение невозможно терпеть бесконечно.

— Мама всегда говорила, что тирамису должен быть похож на первую любовь: возносить над землей и оставлять после себя немного горечи, но главное, чтобы его вкус невозможно было забыть, — рассмеялась румяная и чуть

растрепанная Бьянка. — Мы его так и не успели попробовать! Зато он как раз охладился! — сказала она и встала с кровати.

Несколько следующих опьяняюще прекрасных дней мы просто гуляли по Милану, любуясь, как весна преображает город. Нас околдовало пронзительно-голубое весеннее небо, смешанное с цветами магнолии в парках, танцующее между разноцветными солнечными домами, дурманящее своей бесконечностью и ясностью после зимнего парижского неба. Мы самозабвенно блуждали по маленьким улочкам и широким проспектам. Иногда Бьянка останавливалась возле какого-нибудь старинного дома и начинала рассказывать его историю, стараясь не вдаваться в скучные подробности, поэтому ее рассказ неизменно получался похожим на фрагмент книги или отрывок из фильма. Обедали мы в разнообразных ресторанчиках и кафе, которые выбирали, называя цифру, обозначающую номер, под которым нам должно было встретиться заведение. Мы получали особенное удовольствие от этого нами же установленного правила не перечить судьбе, которое заставило нас посетить даже закусочную, где среди

местных пьяниц, домохозяек и черт знает откуда взявшихся перуанцев мы наслаждались совершенно потрясающими кальцоне, стараясь не думать о том, что творилось на кухне, пока их готовили. Правда, чаще нам все-таки везло. Почти все время мы проводили вместе, и Бьянка уходила лишь пару раз, чтобы встретиться с родными.

В субботу, когда она вернулась с очередной такой отлучки, я попросил ее в следующий раз взять меня с собой.

— Ты вправду этого хочешь? — спросила она, посмотрев на меня очень странным, немного тяжелым взглядом.

— Почему нет? — ответил я, подумав, что мне действительно интересно посмотреть на этих людей.

Бьянка ласково потерлась щекой о мое плечо. Тогда мне, пожалуй, впервые пришло в голову, что мы, должно быть, воспринимаем происходящее немного по-разному. Я почувствовал легкую тревогу, но она быстро сменилась другими эмоциями, более уместными в такой момент.

— Ты помнишь, что завтра мы идем в цирк? — спросил я после долгого неспешного поцелуя.

— Нет. Ты, видимо, забыл об этом сказать! — она шутливо укусила меня за ухо.

— Ай, больно! У тебя зубы как у кошки, — я потер пострадавшую мочку.

— Прости, — Бьянка нежно поцеловала меня и спросила: — Так что там с цирком?

— Я купил билеты на шоу чуть ли не последнего в мире передвижного цирка. Подумал, ты не откажешься сходить.

— О, я попала на их представление пару лет назад. Они делают невероятные вещи!

— Значит, я буду один такой восхищенный, — раскрывать свои карты я не собирался.

— Бедный Леон, — Бьянка выглядела довольной. — Хотел меня снова удивить?

— Это ты меня снова удивляешь, — сказал я тоном опытного соблазнителя.

Мы оба рассмеялись, оно обозвала меня Челентано, и я в отместку повалил ее на кровать.

— Ты сделала из меня итальянца! Я старый лысый извращенец! — сказал я, копируя интонации актера, и мы снова захохотали.

Мне невероятно повезло. По крайней мере, я так думал, сидя под куполом передвижного цирка-шапито. Раньше я предпочитал брать билеты на самые дорогие шоу, где в сопровождении живой музыки выступали лучшие гимнасты в умопомрачительных костюмах, пользуясь лучшей техникой. Но весь этот свет и суперэффекты делали актеров нереальными, фантастическими существами, от трюков которых совсем не захватывало дух. Ведь картинка перед глазами переставала казаться живой и становилась кадром из фильма, где возможно и большее. Здесь же все было по-другому.

Сейчас я сидел в пятом ряду: достаточно далеко, чтобы нас не задрал дрессированный медведь, и недостаточно для того, чтобы скрыться от весьма специфического, но атмосферного запаха животных.

Забавно было наблюдать за Бьянкой. Я приготовил для нее очередной сюрприз, а она, видимо, решила, что это

поход в старый цирк. Но этот выгоревший на солнце шатер — всего лишь декорация для моей задумки. Она, наверное, готовилась к чему-то потрясающему, ведь я порядком ее избаловал, а теперь сидит на скрипящем сидении в изумительном атласном платье изумрудного цвета и не знает, куда себя деть. Она и не подозревает, как забавно смотреть на игру контрастов! И я разглядывал все вокруг: старые тряпичные чехлы для бортов арены, которые кое-где наспех решили «освежить» более яркими лоскутами блестящей ткани; выдавший лучшие времена бархатный занавес, все еще обладающий глубоким винным цветом; пара гимнастов в старомодных костюмах, делавших совершенно обыкновенные трюки, которыми уже никого не удивишь. Наверное, кроме меня. Я каждый раз нервно подскакивал на месте, когда они, играя со зрителями, делали вид, что вот-вот упадут. Я никак не мог взять в толк, как можно шутить со смертью, если на тебе нет страховки. Я чуть успокоился, когда вышли клоуны в помятых и местами свалывшихся париках. Грим на их лицах был нанесен неровно и наспех. Я смеялся, глядя на дрессированных пуделей в нелепых нарядах: белый был одет будто дама эпохи барокко, а второй, персикового цвета, чем-то

напоминал Пьера Ришара. Они забавно прыгали со стула на стул, перекидывались мячами и считали до десяти. Я говорю «забавно», потому что этими трюками тоже никого не удивишь, но они выглядели донельзя кстати: старомодные трюки в старомодном цирке. Судя по программке, приближалось заветное для меня выступление фокусника. Я достал из кармана розовую атласную ленточку, которую должен был по просьбе дрессировщика повязать на запястье «жертвы».

— Что это? — спросила Бьянка, глядя на свою руку.

— Узелок на память, — уклонился я от ответа.

— Но он совершенно не подходит к моему зеленому платью! — возмутилась было Бьянка.

— Зато теперь ты не так идеальна и не так сильно режешь глаз, — отшутился я.

Бьянка улыбнулась и забыла про странную повязку.

Тем временем фокусник накрывал стол золотой скатертью. Я вдруг начал волноваться. Кончики моих пальцев похолодели. Сперва я не мог понять, отчего встревожился, но пока наблюдал за отточенными движениями циркового артиста с лоснящимися усами и

набриолиненной шевелюрой (хотелось думать, что он использовал именно бриолин), дыхание мое перестало следовать обычному ритму. Я сбивался. Забывал вдохнуть или выдохнуть. Боялся, что он вот-вот достанет шляпу. Я даже начал сомневаться, не перегнул ли палку. Да нет, я ведь сделал все просто идеально. Но идеально ли? А если что-то пойдет не так? Вторая волна чуть не вызвала у меня приступ тошноты. Наверное, этому поспособствовало предшествующее выступление дрессированных слонов. Раньше, чем я успел подумать о чем-то еще, вокруг фокусника залетали три голубя, громко хлопая крыльями. Они появились буквально из ниоткуда, а вовсе не из шляпы, как я ожидал. Фокусник что-то сказал одному из них, и вот уже над нашими с Бьянкой головами раздалось громкое хлопанье крыльев: голубь сел ей на руку, довольно курлыча.

Бьянка смотрела на меня ошалевшими глазами.

— Что это? — спросила она, неловко смеясь.

— У него для тебя послание, — сказал я, указывая взглядом на привязанный к лапке конверт.

— Что мне теперь делать? — растерялась девушка.

— Давай я тебе помогу! — я бережно взял птицу в руки, развязал ленту на лапке и передал конверт Бьянке.

Весь зал замер в ожидании, послышались охи и ахи. Этого я как-то не предусмотрел. Бьянка зашуршала бумагой, руки ее дрожали. Она достала из конверта тот самый кулон, что ей приглянулся еще две недели назад в Париже: феникс из белого золота, сжимающий в когтях каплю горного хрусталя. Я вспомнил ее рассказы о прошлых неудачных отношениях и подумал, что Бьянка должна возрождаться, словно фантастическая птица из пепла.

Она посмотрела на кулон и вдруг побледнела, а потом, наоборот, разругянилась. Зал замер, будто мы с ней должны были исполнить головокружительный, смертельно опасный трюк, а я поскорее поцеловал ее под всеобщее ликование. Тут, к нашему с Бьянкой облегчению, объявили антракт.

Мы прогуливались рядом с шатром, вдыхая свежий воздух. Я посмотрел на нее украдкой и тут же понял, что что-то не так.

— Эй, все в порядке? — спросил я, коснувшись ее плеча рукой и заглядывая в глаза. Бьянка кивнула головой и улыбнулась, но в глазах проскользнула какая-то тень.

— Смотрите, смотрите, это ей сделали предложение! — прокричала проходящая мимо нас девчушка-американка, указывая на Бьянку.

— Тысячу лет не ела сладкую вату! — сказала вдруг Бьянка и отпустила мою руку. Пойдем!

Весь оставшийся вечер я чувствовал какое-то напряжение, и оно начинало меня тяготить. Мне казалось, что Бьянка все еще ждет от меня чего-то. Но что же я мог ей дать, если уже и так сделал столько всего?

Я сидел в похмельном бреду на своей кровати. Мысли сонно ворочались в голове, будто морские свинки в пыльной коробке. Ничего внятного, ничего ясного, и непонятно, где конец и где начало. Сплошные беспорядочные пятна.

Перелет. Быстрый, судя по времени. Несравнимо долгий, если руководствоваться моими ощущениями. Бьянка пребывала в смешанном настроении. Было видно,

что я чем-то ее обидел, но она не хотела говорить и все льнула ко мне, будто, сойдя с самолета, мы больше никогда не увидим друг друга.

— Леон, — прошептала она мне на ухо.

— Что, малыш?

— Нет, ничего... ничего... — проговорила она. И снова я услышал в ее голосе что-то, но что — понять не мог.

Расставание. Легкое, потому что я проводил ее до двери и знал, что увижу в ближайшие несколько дней. Тяжелое, потому что между нами снова присутствовало это непонятное «нечто».

Встреча. Долгожданная и одновременно со стойким ощущением, будто бы прошло совсем немного времени. Встреча с моими друзьями.

Свобода. Никогда не хотел быть обязанным, должным, связанным.

Алкоголь. Сначала засветились разноцветные огни танцпола, а затем я вспомнил совершенно неземные длинные ноги какой-то незнакомки и недовольного Жана.

Стоп! Чем недоволен Жан? Я постарался отмотать память назад, будто видео на кассете. Алкоголь.

Разноцветные огни танцпола, длинные ноги, тонкая талия, вот она уже у меня на коленях, поцелуй... Теперь все ясно! Ох, и дурак же я! Головная боль стукнула глухо и пыльно. Прямо в висок. Зазвонил телефон. Я даже не посмотрел, кто вызывает. Перевернул и сунул под подушку.

Голод сжал желудок. Я нехотя встал и вышел на общую кухню к холодильнику. Чья-то подружка, одетая в мужскую футболку и мужские трусы, пробежала мимо меня. Украдкой взглянула на меня, хихикнула, смутилась и тут же отвела взгляд. Все равно. Я открыл чью-то бутылку молока, жадно сделал несколько глотков. Холодное. Вдруг из желудка, будто белая змея, начала подниматься тошнота. Отвратительное чувство.

Когда я, казалось, пришел в себя и глянул на телефон, там было тридцать шесть неприятых вызовов от Бьянки. Я решил перезвонить, но она не отвечала. И я перезванивал и перезванивал. Чертовых тридцать шесть раз, пока она не ответила и дрожащим голосом не послала меня куда подальше. Здесь что-то не так: то ли со мной, то ли с ней.

Следующим утром я проснулся в комнате Стила. Здесь все спали вповалку. Я уже привычным движением растворил шипучую таблетку в воде. Посмотрел на себя в зеркало — само очарование: глаза красные, волосы всклокоченные, лицо бледное, будто я совершенно убит горем. Но ведь я не убит... В начале недели напился, потому что хотелось отметить свое возвращение с друзьями. В середине недели выпил по инерции. В конце недели — потому что не было других вариантов. «Куда подальше», пусть будет так!

Через двое суток, буквально выползая из гостиничного душа и придерживаясь за стенку, Жан буркнул:

— Может быть, она имела в виду не Чехию?

Еще через трое суток Бьянка, захлебываясь в рыданиях, говорила мне:

— Ты совершенно ничего не понимаешь!

И я действительно ничего не понимал. На моих глазах она медленно обрывала лепестки белых роз и кидала их на пол.

— Все эти твои красивые, широкие жесты, белые розы, бесконечные «сюрпризы», от которых сначала радостно колотится сердце, а потом кошки скребут на душе, — все это решительно ничего не значит! Ты ничего не понимаешь! Тебе кажется, можно вот так все купить? Полный пакет самых лучших услуг? Ты думаешь, достаточно просто вести себя как чертов миллионер, чтобы очаровать любую девушку? Ты считаешь меня неблагодарной? Возможно, обоснованно! Мне поперек горла стоят твои корзины орхидей, горы воздушных шаров, признания в любви с фанфарами. Господи, и надо же было влюбиться в тебя! Ты даже не понимаешь, что играешь мной! Моим сердцем! Говоришь, наслаждался моментом, говоришь, надо ловить лучшие секунды жизни, но ведь это моя жизнь! И в ней вдруг оказался ты — весь такой совершенный, такой прекрасный! Конечно же, я наслаждалась... И я полюбила тебя. А для тебя все игра! Ответь, ты любишь меня? Ну? Ну же!

Я только стоял, как туполобый баран, и не знал, как возразить, понимая, что во многом она была права.

— Прости, что не смог тебе дать то, что тебе было нужно... — только и вымолвил я, вспоминая, с каким

теплым чувством делал «вставшие поперек горла» широкие жесты.

Остаток той ночи я почти не помню. Снова было много алкоголя, много темноты, много разноцветных огней, много громкой музыки.... Иногда сквозь всю эту звенящую кашу пробиралось резкое жжение в груди и образ обнаженной Бьянки, которая склонилась над будущим тирамису и взбивала тонкой ложечкой сливочный крем.

Глава пятая

Утро снова встретило меня мучительной головной болью и желанием забыть все как страшный сон. Вчерашние события вяло плавали в памяти и медленно складывались в более-менее отчетливую мозаику. Я ничего не чувствовал и ничего не хотел, покорно отдавшись во власть апатии, сковавшей все мое существо. А самое главное, я не понимал, почему все еще нахожусь здесь, в общежитии Сорбонны. Было бы уместнее находиться где угодно, только не в этих стенах.

Может быть, Бьянка была права: во мне нет ничего настоящего. Даже настоящих целей у меня нет. Так — одни пустяковые планы. Отец хотел, чтобы я стал кем-то важным: наверное, знаменитым адвокатом. Я защищал бы клиентов в суде и зарабатывал бешеные деньги, которые мне с роду не нужны, ведь он об этом давно позаботился. Но я никогда не смогу стать похожим на него. У меня в голове нет «пункта назначения».

Ближе к полудню я вспомнил о своем обещании дворецкому навестить родительский особняк. Это было лучше, чем просто лежать, поэтому я усилием воли заставил себя подняться с кровати, наскоро умылся холодной водой и вызвал такси.

Короткая поездка по весеннему городу немного изменила ход мыслей. Прохладный ветер, покрытые робкой зеленью деревья, очнувшиеся от зимней спячки люди — все это под пристальным взглядом из окна автомобиля складывалось в маленькие зарисовки о новой жизни, подчиняющейся незыблемым законам природы. Я невольно подумал, что зря «похоронил» себя. Может быть, все немного проще. Может быть, эта жизнь не требует от нас ничего и у нее просто нет никакой «конечной точки». Жизнь

начинается, когда об этом не просят, а заканчивается — непонятно когда. Возможно, стоит подумать, как прожить ее с удовольствием.

Мы остановились возле ворот. Медленно покинув машину, я сделал несколько шагов и осторожно нажал кнопку звонка.

— Дом Леона Вердые, чем я могу вам помочь? — послышался из динамика густой баритон дворцового Филиппа.

— Это я.

— Господин Леон? — недоверчиво переспросил старик.

— Да, я же обещал, что заеду.

Меня позабавило его удивление. Он говорил так, будто хозяин пропал на пару лет и никто уже не надеялся его (то есть меня) здесь увидеть.

Передо мной возникли знакомые очертания родительского особняка. Классицизмом от него веяло еще издалека: вдоль дорожки, по которой я шел, раскинулись разбитые старательным Оливье цветочные клумбы, но я знал, что это только «цветочки»: за домом начинается

настоящий тенистый английский парк. Сейчас перед глазами вырисовывался основной портик и белоснежные дорические капители, вынырывающие из зелени.

Картинка, знакомая с детства, на этот раз вызвала во мне острое чувство вины. Как я мог забыть, что у меня есть дом? Неужели просто выкинул его из своей памяти? И что такое — этот дом? В голове закружились невнятные образы. Воспоминания: слишком ранние, чтобы иметь четкие очертания; слишком короткие, чтобы сложиться в какой-то сюжет. Мама срезала свежие гортензии и ставит их в стеклянную вазу, холодная вода искрится на солнце, а стенки вазы покрываются испариной. Соня зовет поиграть. Отец сидит в своем кресле и неизменно читает газету. Газета шуршит, словно испорченный телевизор, перед глазами начинают мелькать черно-белые полосы, «шшшшшшшш» продолжает шуметь в голове. Трансляция воспоминаний прервана. Доступа к памяти нет.

Филипп? Филипп. Черт, даже он едва заметно изменился. Нет, наряд его оставался все таким же подчеркнуто лакейским: черный костюм-тройка, открахмаленный белый воротничок, услужливая улыбка, которая мне тоже всегда казалась накрахмаленной. И тем не

менее что-то в ней было отдаленно человеческое, хотя лицо больше походило на маску услужливого биоробота с мастерски выполненными стеклянными стариковскими глазами мутного, болотного цвета и париком, седым и пожелтевшим от старости.

Филипп жестом пригласил меня в особняк и вошел следом. В просторном холле, плавно переходящем в гостиную, было тихо и пусто. Так я и знал: что-то не так с этим домом. Здесь и раньше никогда не чувствовалось ни тепла, ни уюта, но при родителях это место выглядело гордым и величественным, а теперь поникло, словно засыхающий, брошенный цветок. Меня передернуло от непонятных ощущений. Преувеличено бодро улыбнувшись дворецкому, я попросил передать Кристофу, чтобы он готовил обед на две персоны.

Когда Филипп степенно удалился, я решился на небольшую прогулку по своим владениям. Заскучавшие окна, миниатюрная антикварная мебель, многочисленные вазы и статуэтки, стеклянная дверь на террасу, скрип знакомой половицы. Я вдруг обрадовался этому звуку, будто бы половица сказала мне «привет!». Я наступил на нее еще

раз. Теперь она, кажется, сказала «тоска». Я улыбнулся и сделал еще один шаг. Ничего.

— Господин Леон считает нужным отдать приказание, чтобы пол незамедлительно починили? — спросил меня Филипп в своей заученной старомодной манере, от которой раньше у моих друзей был смех до икоты.

— Ни в коем разе, милый Филипп! — отвечал я. — Ни при каких обстоятельствах не трогайте эту половицу! Она, наверное, единственное живое существо в этом доме! — я рассмеялся и поспешил скрыться на втором этаже. Оглянувшись с лестницы, я видел, как Филипп пожал плечами и отправился в людскую.

Жан приехал через час, как и обещал. Сочувственно похлопал меня по плечу и с интересом огляделся по сторонам.

— Здесь все по-старому. Даже этот милый ангел все еще сидит на бордюре. Я очень его любил, когда мы были маленькими, и всегда старался погладить по голове, проходя мимо.

— Зачем? — удивился я, принимая его пальто. Звать прислугу мне почему-то совершенно не хотелось.

— Не знаю, это было что-то вроде ритуала, — Жан аккуратно погладил ангела по голове, улыбнулся и отправился в гостиную.

— Спасибо, что приехал, мне было здесь как-то не по себе, — я последовал за другом.

— Брось, не за что. Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, но избегать этого дома и дальше — самый плохой выход из всех, которые можно найти, — Жан остановился около окна, выходящего в сад, и присел на узкий подоконник.

— Я и не собирался его избегать, просто так вышло. К тому же я знал, что за домом присматривает Филипп, — я почувствовал, что оправдываюсь, и замолчал.

— Филипп — твой дворецкий, а не друг или член семьи. Не забывай об этом. Он не станет защищать твои интересы, — Жан посмотрел на меня снисходительно и немного печально. — Если ты не готов жить в этом доме или хотя бы следить за ним, продай его и купи новый.

В этот момент из боковой двери появился Филипп.

— Желают ли гости и господин Леон, чтобы мы подавали на стол? — тихим голосом спросил он, ожидая только лишь моего кивка. Губы Жана непроизвольно дрогнули: было видно, что он вот-вот разорвется от смеха. Мне стало жалко Филиппа, ведь мы уже давно не мальчишки. Хотя он, наверное, так не думает. Я поскорее кивнул, и дворецкий тихо удалился.

— Надо его отучить от этого безобразия! — сквозь смех проговорил говорить Жан. — Зачем, зачем же его научили говорить именно так? Это же такие пережитки прошлого, что скоро будет тошно!

— Согласен с вами, друг мой, — передразнивая Филиппа, отвечал я. — Совершенно невозможно воспринимать прислугу серьезно. Я начинаю переживать, не стирают ли мое белье вручную несчастные африканские дети.

— Твоя удача, что мы здесь одни. Тебя бы уже давно засудили за такие слова!

— Не то чтобы одни, но я же здесь, вроде, Король-Солнце! — я чуть поморщился от собственной наглой иронии.

— Тогда в гостях у тебя Звездный Мальчик, — кокетливо улыбнулся Жан. Теперь уже он иронизировал сам над собой. — Итак, — Жан принял одну из своих выгодных поз и с усмешкой посмотрел на меня: — Ты собираешься сюда вернуться?

— Еще утром я был уверен, что да... А сейчас не знаю, — я чувствовал нервозность, которая не давала расслабиться и заставляла сидеть как на иголках, попеременно глядя то на разгорающееся пламя в камине, то на отточенные движения Коринн, накрывающей на стол. — Я решил бросить учебу, так что мне придется где-то жить.

— Бросить учебу? — Жан чуть заметно подался вперед от удивления. — Я не ослышался?

— Да. Не думаю, что она принесет мне много пользы. Я никогда не хотел быть адвокатом. Деньги у меня есть, и пока что мне хочется просто наслаждаться жизнью, — я посмотрел на друга, ожидая какой-нибудь реакции, но он уже справился с эмоциями и отвернулся к огню. — Я понимаю, что словосочетание «бросить Сорбонну» плохо укладывается у тебя в голове, но думаю, так будет лучше.

— Это твой выбор, — Жан спокойно пожал плечами.
— Что бы я ни сказал, ты поступишь так, как считаешь нужным.

— И то верно, — я улыбнулся и бросил взгляд на Коринн, которая закончила работу и направилась к нам, чтобы пригласить к столу. — Пойдем пообедаем?

Жан кивнул, и мы переместились за стол.

Кристоф считал приготовление еды настоящим искусством. И все, кому доводилось пробовать его *bisque*, *cuissees de grenouilles* или какое-либо другое блюдо из великого множества тех, что он умел и любил готовить, соглашались. Для меня оставалось загадкой, где отец отыскал нашего повара, но чего у того было не отнять, так это умения находить нужных людей.

При воспоминании об отце я почувствовал, как падает настроение. Я вдруг понял, что за все время, что прошло с момента похорон родителей, я не вспомнил о них ни разу. Просто сказал себе, что нужно быть собой, и даже не испытывал потребности оплакивать их. Теперь, в этом доме, воспоминания настигли меня и не желали больше отпускать. Наверное, зря я отгонял все это время мысли о

родителях. Я взглянул на большой семейный портрет, висящий на стене. Мать сидит на стуле, обнимая меня. Чуть холодно, отстраненно. Отец стоит за спиной и держит ее за плечи. У матери светлые, еще не седые волосы. Здесь, на холсте, глаза кажутся ярче, чем были на самом деле. Кажутся почти голубыми. Отец с почти полностью поседевшими висками, но еще совсем молодой. Не такой, каким я его запомнил. А каким я его запомнил?

Прерванное «вещание» восстановилось. Воспоминания, долгое время сдерживаемые моим подсознанием, накатили, будто океанская волна. Мне стало трудно дышать. В голове вдруг раздался звук визжащих тормозов и грохот металла, я живо представил обезображенные лица родителей. Представил, потому что в последний раз я видел их живыми. Тела хоронили в закрытых гробах. Меня кинуло в дрожь.

— Что-то с тобой не так, — цокнул языком Жан.

— Не знаю, сегодня я сам не свой, — я отложил приборы и потянулся к графину с домашним лимонадом.

— Дело в Бьянке?

— Вспомнил родителей, — голос мой прозвучал глухо.

— Прости, — извинился Жан. — Если хочешь погово...

— Нет. Наверное, еще нет... Что ты думаешь о переезде? — я решил резко поменять тему.

— Честно? Думаю, ты еще к этому не готов, — отвечал Жан. Я иногда удивлялся, сколько глубины в этом совершенно поверхностном на первый взгляд юноше.

— И что тогда делать?

— Поехали лучше ко мне, чтобы на тебя ничего не давило. А завтра с утра... Есть одна мыслишка...

— Заинтриговал!

— Только если ты не поднимешь меня на смех, — Жан выдержал паузу. — Как насчет модного показа?

— Нет, ты же знаешь, что я не такой... — отшутился я.

— Там будет куча шикарных цыпочек, говоря языком Стила, — поправился Жан. — Но Стила туда брать нельзя, он все решительно испортит. Это все равно что есть фуа-гра руками.

Только оказавшись на улице, я понял, какую колоссальную услугу оказал мне Жан. Да, дело было вовсе не во внезапном (и ожидаемом?) разрыве с Бьянкой. Со всеми чувствами, которые касались наших отношений, я разобрался еще по дороге сюда. Меня сводил с ума дом. Словно какое-то потустороннее существо, обладающее своей волей, он диктовал мне, что чувствовать, будил мрачные мысли и воспоминания. Хотя, может быть, дом тоже ни в чем не виноват. Просто я еще не готов в него вернуться. Наверное. Или все же готов? Я сам толком не мог понять. Значит, нужно подумать об этом позже.

По дороге Жан развлекал меня рассказами о жизни модельера, который будет представлять свою коллекцию на завтрашнем показе. Это был совершенно незнакомый мне мир, и перспектива окунуться в него теперь показалась очень заманчивой. Просто ради того, чтобы кардинально переключить внимание на что-то новое и совершенно для меня не характерное.

Вечер прошел именно так, как и описывал его мой друг. Мы пили вино, дурачились и с легкой руки Лили перемывали косточки знакомым. Потом Жан выделил мне гостевую спальню с видом на восхитительный сад Дианы, и

я заснул еще до того, как лег в кровать. Жан разбудил меня на рассвете, даже почти в середине ночи, если принимать во внимание, когда я лег спать. Он снисходительно порекомендовал привести себя в порядок и сообщил, что ждет меня к завтраку.

В кругу его семьи было принято принимать пищу на кухне. Но кухней в обычном понимании слова это помещение было назвать нельзя. Резной деревянный стол стоял у большого окна, выходящего на восток, благодаря чему небольшая зала была наполнена светом. Вся мебель, необходимая для приготовления еды, располагалась на «втором этаже», куда можно было добраться по специальной лесенке с изящными резными перилами. Когда я спустился, Диана стояла, облокотившись на них, с кружкой кофе в одной руке и с круассаном в другой. Она смотрела на букет свежесрезанных нарциссов на столе, видимо, удивляясь игре света. Цветы смотрелись изумительно. За столом оживленно спорили бабушка с дедушкой. Я прислушался. Это был великолепный спор! О чем еще спорить, когда тебе семьдесят пять или сколько им там... как не о том, с какой стороны стоит разбивать яйцо! Я улыбнулся и покачал головой. Наверное, это и есть счастье:

сидеть, вдыхать аромат нарциссов в залитой солнцем кухне и вот так спорить.

Сам Жан задумчиво листал за столом какой-то журнал. Увидев меня, он оживился и отложил глянцевый бестселлер в сторону.

— С добрым утром! Я уже думал, что ты впал в спячку, — друг лучезарно улыбнулся. — Хочешь кофе?

— Боюсь, без кофе я просто не выживу, — я со стоном упал на стул.

— Может, проверим? — Диана звонко рассмеялась со своего наблюдательного пункта.

— Нет, он мне еще пригодится, — ответил Жан, наливая мне ароматный напиток из большого стеклянного кофейника. — Леон, сегодня нам придется пройтись по магазинам. Я не хочу, чтобы вечером ты был одет как попало.

— Ах, да, показ! Совсем про него забыл, — я тяжело вздохнул.

Поход по магазинам с Жаном — это нечто. Во-первых, с тех пор как мы выросли, нас перестали воспринимать как приятелей. Любой, кто завидит нас

вдвоем, отчего-то воображает, что мы — пара. Рядом с ним просто невозможно закадрить девушку, особенно если в этот момент он находит для меня «ту самую» рубашку или «тот самый ремень». Людям бесполезно объяснять, что не только я, но и Жан вовсе не те, за кого нас принимают. Хотя, возможно, в нем до конца уверенным быть и нельзя. В любом случае это все предрассудки. Во-вторых, Жан странный, причем странный до ужаса: он заставляет свою жертву примерять сотни почти одинаковых рубашек, потом выхватывает из груды аксессуаров один самый неприметный и безапелляционно заявляет, что нужно посетить еще несколько бутиков. И все повторяется снова и снова. Зато, если удастся выжить, человек, над которым поработал Жан, выглядит просто необъяснимо привлекательно. Необъяснимо, потому что в итоге на мне оказались простые джинсы и совершенно обыкновенная на первый взгляд свободная футболка с длинным рукавом цвета мокрого асфальта. Жан был доволен. Впрочем, я тоже.

В большом, роскошно украшенном зале было трудно дышать от парфюма. Одетые в струящиеся платья и элегантные костюмы гости широко улыбались,

знаменитости позировали перед камерами. Тех, кто напрямую относился к моде, было просто отличить по «униформе»: почти все они были одеты в черное. Или во что-нибудь подчеркнуто небрежное, как бы говорящее: «Мода? Какое мне до нее дело? Я ее создаю!» У меня возникло ощущение, что я попал в какую-то искусственную гляцевую страну, обитатели которой не подвержены ничему земному: они не болеют, не стареют и совершенно изолированы от окружающего мира, хотя теоретически я понимал, что это не так.

Жан представил меня солидной пожилой паре, с которой, наверное, был хорошо знаком. Некоторое время они учтиво разговаривали, а я вежливо улыбался, разглядывая большой стеклянный купол над головой и белый подиум в форме круга. Потом они попрощались, и мы продолжили искать свои места, на каждом шагу останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов то с одним, то с другим знакомым моего друга.

Когда мы сели, откуда-то раздался звук виолончели, потом к ней присоединилась скрипка, и Жан указал мне на ряд выстроенных полукругом стилизованных античных колонн за подиумом, где разместился живой оркестр.

Торжественная лаконичность обстановки привела меня в восторг. Музыка заиграла громче, и из темноты за колоннами стали появляться девушки, облаченные в яркие наряды. Среди них были модели, чьи платья вполне укладывались в мои представления о красивой одежде, и те, которых упаковали во что-то, что, вероятно, было создано как произведение искусства и годилось только для самореализации автора. Я совершенно не представлял, какой художественный смысл несут эти удивительные нагромождения из папье-маше, павлиньих перьев и даже досок. Этого я говорить Жану не стал, помня о его дружбе с модельером, лишь многозначительно покивал и улыбнулся.

Если честно, разглядывать моделей мне нравилось больше, чем то, во что они были одеты. Холодные, бесстрастные, словно мраморные изваяния, они вышагивали, умело подчеркивая красоту или нелепицу созданных модельером вещей. Я, конечно же, понимал, что этот показ необычен: не *prêt-à-porter*, а *haute couture*. Но все же, в моде я не понимал практически ничего. Именно поэтому мой взгляд чаще всего останавливался не на творении рук человеческих, а на высокой блондинке со странной, немного угловатой фигурой. У нее были большие

глаза и худое лицо с острыми чертами, в которых таилась какая-то аристократичная красота. Модель улыбалась самым краешком чувственных губ и немного резко выкидывала ноги вперед, делая каждый шаг. Я почему-то мысленно пожелал ей споткнуться, но она все так же шла, глядя, конечно же, не на меня. Сделав полный круг, она равнодушно развернулась и направилась к выходу. Интересно, она и в жизни так ходит? Бред, бред, бред, бред. И вот — снова она. Ее инопланетная отстраненность почти завела меня.

— Скажи, твой друг может меня познакомить с одной моделью? — прошептал я на ухо Жану.

— Не думаю, что это этично. Но ты можешь сам ей представиться на фуршете после дефиле. А кто тебе понравился? — он с любопытством проследил за моей рукой, указывающей на девушку, вернувшуюся на подиум в новом наряде. — О! Я одобряю твой выбор, в ней есть что-то необычное.

— Ух ты, в кои-то веки ты не против, — удивился я.

— По крайней мере в этом выборе есть что-то действительно прекрасное, — с видом знатока заявил Жан.

Ох уж эти сыновья прославленных скульпторов...

В качестве зала для фуршета организаторами был выбран ресторан отеля, где проходил показ. Он располагался в непосредственной близости от зоны дефиле, поэтому гостям было достаточно просто перейти из одного помещения в другое, что мы и сделали.

Жан лавировал в разноцветной толпе, очаровательно улыбаясь и раздавая нейтральные комплименты направо и налево, а я покорно следовал за ним, потому что ни с кем не был знаком и хотел быть поближе к другу, который сегодня открылся мне с абсолютно новой стороны и казался здесь почти всемогущим. Нет, я всегда знал, что Жан любит моду и отлично в ней разбирается, но даже не подозревал, что эта любовь взаимна, что он лично знаком со многими знаменитыми и влиятельными людьми и даже подумывает создать свою первую коллекцию. От свалившейся на меня информации я почувствовал себя невнимательным идиотом, который совсем не интересуется жизнью даже ближайших друзей.

Наконец мы пробились к невысокому улыбающемуся блондину в серых джинсах и белой рубашке с узким черным галстуком. Увидев Жана, он заулыбался еще сильнее и раскинул руки для приветственного объятия.

— Это ты, мой друг? Я рад, что ты пришел сегодня! Как тебе коллекция, не слишком отвратительно? — блондин коснулся щеки Жана своей щекой и отстранился, чтобы осмотреть его с ног до головы.

— Как я мог не прийти? Это событие войдет в историю, — друг театрально закатил глаза и рассмеялся.

— А кто это с тобой? — блондин заинтересованно посмотрел в мою сторону.

— Мой хороший друг, Леон. Леон, это Генри Рилден, единственный и неповторимый.

Я постарался сделать благоговейное лицо, чтобы подыграть их полушутливому диалогу.

— Он мне нравится. Я его у тебя забираю, — Генри положил руку мне на плечо и сделал вид, будто тянет к себе.

— Не спеши, он влюблен и жаждет встречи с прекрасной незнакомкой.

— И кто же она? Смею надеяться, одна из моих моделей?

— Ты просто ясновидящий, — Жан снова рассмеялся.

В это время нашего собеседника окружили новые люди, он поднял палец, чтобы мы подождали минуту, но так и не смог вернуться к прерванному диалогу.

— Иди поищи ее. Я буду здесь, — Жан смахнул невидимую пылинку с воротника моего пиджака и подмигнул мне. — Удачи.

Я подумал, что неплохо бы взять шампанского, чтобы как-то начать знакомство. А что еще делать, если перед тобой это неземное существо? Но, конечно, среди гостей я ее не нашел. Осмелев, я направился в гримерку. Там всюду суетился персонал, девушек приводили в порядок, снимая с них причудливый макияж и шиньоны, и в какой-то момент я подумал, что, быть может, здесь меня быстро постигнет разочарование.

Я бродил в поисках «инопланетянки», а моделям, похоже, не было до меня никакого дела. Я мысленно поблагодарил Жана за удачный выбор образа: я сливался с

окружающей обстановкой и мог быть помощником фотографа или мастером по свету, журналистом или даже модным критиком. Ну, нет, для модного критика я слишком молод, но, в общем, это не так уж и важно — мне не мешали.

Я искал ее. Искал и не находил. Модели переодевались, куда-то спешили, многие вновь наводили марафет, чтобы выйти к гостям и завести пару-тройку полезных знакомств, некоторые праздновали удачный выход прямо в гримерках. Они щебетали, смеялись, о чем-то говорили, две девушки громким шепотом ссорились между собой. Я улыбнулся: конкурентки. «Кошечки дерутся», — пронеслось в моей голове.

Почти отчаявшись, я предпринял предпоследнюю, как мне казалось, попытку и вышел к двери черного хода. Спуститься по лестничному пролету. Нашел.

Она закрывала за собой дверь. Я поспешил за ней. Она быстрым шагом удалялась. На ней были обыкновенные кеды с яркой шнуровкой, джинсы, какое-то свободное, почти мужское пальто и терракотовый шарф. Она вскинула руку, подзывая такси. До нее оставалось не больше

пятнадцати метров, но я не решился подбежать. Какая-то неведомая сила остановила меня, я развернулся на пятках, и, как последний неудачник, поплелся обратно.

После фуршета я снова поехал к Жану. Мне нельзя было оставаться одному: голова начинала тут же разрываться от мыслей. Они тянули меня в диаметрально противоположные стороны: смерть родителей и покинутый мною родительский дом, недавние, еще свежие воспоминания о Бьянке, еще живая нежность к ней, еще чувствительная горечь во рту от ее слов и новая интрига. Начало и завершение. Начало и завершение. Мне не хотелось думать ни о том, ни о другом. Слишком болезненные переходы. У Жана я мог отвлечься, переключиться. Когда Диана проявляла ко мне заботу или говорила со мной так же, как со своим сыном, я ощущал горячее желание соответствовать тому, каким она хочет меня видеть. Ведь мне казалось, что тогда я смогу почувствовать себя членом их семьи. Это было ужасно глупое желание, с которым я ничего не мог поделать.

В доме Жана всегда дышалось свободно. Может быть, потому, что там мне ничего не пытались навязать. Раньше я думал, что моему другу здесь неуютно: мать

довольно часто, как мне казалось, навязывала ему свое видение. Она говорила: «Нет, только я буду решать, как красиво, а как нет!». Но в то же время самому Жану мнение родительницы было не поперек горла, как мне — мнение моего отца. К тому же в этом доме строго относились только к красоте. А красота — понятие одновременно и универсальное, и чисто субъективное. Проще говоря, здесь был огромный простор для фантазии и творчества не только самой Дианы, но и всех остальных обитателей дома. Здесь никто не осуждал причуды бабушки — в прошлом довольно известной актрисы, никто не высмеивал старческое бурчание деда — отставного генерала какого-то там полка, бесконечно долго писавшего и переписывавшего мемуары и любившего их зачитать во время ужина. Здесь даже спалось иначе. И мне снились свободные сны. В них не было мучительного выбора, строгих вопросов, не было ничего, кроме немного странной, резкой, угловатой походки и улыбки. Новой улыбки.

Утром для меня все стало ясно.

Я поехал в свой дом. Да-да, именно в свой. Новое — так новое. Все решено. Я все же бросаю учебу и переезжаю сюда, а чтобы на душе не скребли кошки, пожалуй, лучше

всего убрать семейный портрет подальше. До тех пор, пока я не начну оправдывать их ожидания или пока моя совесть окончательно не замолчит.

Моего появления в доме никто не ждал. Коринн снимала со стены какой-то блеклый пейзаж.

— А это куда понесли? — спросил я внезапно. Наверное, слишком резко, потому что Коринн вдруг дернулась и чуть не упала. — Простите, не хотел вас напугать!

— Не ожидала вас так скоро снова увидеть, — смущенно отвечала Коринн. — А это... на реставрацию!

К нам подошел Филипп.

— Краски совсем в плохом состоянии, — он указал на полотно. — Господин Жюльбер, друг вашего отца, давно рекомендовал обратиться к Оливье Дюкану. Он прекрасный реставратор. Вот мы и собираем те картины, которые, согласно его мнению, нуждаются в помощи.

Я понимающе кивнул. Собственно, я бы и не заметил. Не понимаю, какая разница будет от того, что

краски на этом пейзаже чуть-чуть посвежеют. Он так и останется блеклым, невнятным. Ни о чем.

— Это хорошо, это очень хорошо, — ответил я деловито. — Еще мне хотелось бы произвести здесь некоторые изменения, — я дал понять Филиппу, что действительно возвращаюсь.

Я прогуливался по особняку, выделяя яркими наклейками те вещи, которые хотел бы убрать. Я устранял все, что вспоминать было неприятно: отцовское кресло, в котором он проводил больше времени, чем со мной или мамой; мамины любимые вазы и статуэтки, которым она в последнее время радовалась сильнее, чем моему появлению; невыносимо старомодные кушетки и тумбы. Отправить все это на чердак до непонятно каких времен!

Картины я большей частью решил оставить и убрал только те, на которых были изображены родители или я. Остальные висели на стенах и лично для меня не несли ничего, но если бы я решился снять и их, меня окружали бы голые стены, а это выглядело бы совсем тоскливо. Может быть, стоит нанять дизайнера, чтобы все к чертям переделать? Устроить здесь минимализм или... Даже не

знаю, что тут поможет. Я по-хозяйски разглядывал дом, пытаюсь представить, что же в нем нужно изменить, чтобы мне стало наконец хорошо. Что ж, посмотрим, что произойдет, когда из интерьера удалят все болезненные воспоминания.

В груди шевелилось какое-то предчувствие — непонятное, необъяснимое. Мне снова захотелось уехать, чтобы погулять по Парижу.

Я бесцельно бродил по улицам, слушая свои собственные мысли. Я ни о чем не размышлял, а просто шел, думал о *той самой* девушке, смотрел на витрины магазинов и окна кафешек. Я дышал шумным городским воздухом, и он прорастал во мне, как липкая молодая листва проклеивалась из весенних древесных почек. Память включила перемотку. Ссора с Бьянкой вдруг смешалась с алкогольным безумством предшествующих дней и похмельным бредом. Ее слова, призванные, по-видимому, что-то пробудить во мне, перемешались с виски, колой и льдом. Перемешались с тошнотой. Исчезли. Все это, и

правда, было фарсом. Просто игра. И она, черт возьми, права и не права одновременно!

Проходя мимо одной из кофеен, я уловил едва заметный аромат кофе и тут же вспомнил наши итальянские каникулы. Сладкий тирамису, ее восхитительное тело на десерт... Я отогнал от себя эти мысли. Нет, она была не права: наша игра — или только моя, но это неважно — стоила этих восхитительных воспоминаний! Я улыбнулся, вдохнул и выдохнул. Зеленые листочки радости щекотали меня изнутри. Восхитительно. Восхитительно. Восхитительно жить!

Я посмотрел на свое счастливое отражение в одном из окон и тут же остолбенел: передо мной была *она*, та модель. Не замечала меня. Рядом с ней сидел, по-видимому, ее агент, а напротив — какой-то полный мужчина, наверное, афроамериканец. Он говорил, судя по всему, что-то невыносимо скучное. Может быть, предлагал новый контракт на невыгодных условиях. Она сидела, ковыряя чизкейк ложкой, и равнодушно слушала. Он в чем-то старался ее убедить, она кивала, но что-то было не так. Агент вежливо улыбался, что-то вежливо отвечал, и все продолжалось снова. Я буквально слышал глухой голос

толстосума, который едва перебирал огромными губами, перечисляя бонусы, преимущества и прочую дребедень.

Я смотрел на нее. Она была прекрасна. И ей было невыносимо скучно. Я просто обязан был ей помочь! В голове уже начинал зреть план.

Я зашел в ресторан под видом обычного посетителя, занял столик подальше от них, чтобы не вызывать подозрений, и заказал чашку кофе для отвода глаз. Теперь я должен был ждать. И ждать мне пришлось недолго. Она, как я и рассчитывал, извинилась, чтобы удалиться в дамскую комнату. Рано или поздно всем дамам надо «припудрить носик». Дождавшись, когда она выйдет, я пошел в наступление.

— Пс-с-т, — я схватил ее за руку. Не сильно, чтобы не причинить боль, но и не слабо, чтобы она поняла, что я серьезен, и не смогла так просто высвободиться. Я ошалел от собственной наглости, но держал ее крепче некуда.

— Ты что, сумасшедший? — громким шепотом спросила она с акцентом. Я переключился на английский.

— Просто пошли отсюда, — сказал я и повел ее за собой, ободрительно улыбаясь.

— Но я... — я ожидал, что она будет колебаться.

— Без возражений, — уверенно перебил я. — Тебе скучно, мне тоже. Бежим!

— Ты псих, — отвечала она, высвобождая руку, но потом посмотрела на столик, за которым ее уже ждали, и решилась.

Мы вышли на улицу и со всех ног понеслись прочь. Сердце бешено колотилось, будто мы только что прыгнули с большой высоты. Невероятно: я на вершине блаженства, хотя всего лишь держу ее за руку. Точнее — ничего подобного! Никаких «всего лишь»! Я просто украл ее оттуда! Боже! Боже!

Мы бежали, бежали, бежали и смеялись. Наверное, я никогда не забуду этого...

— Подожди, мне надо отдышаться, — сказала она, падая на скамейку у набережной.

— О'кей, — ответил я, следуя ее примеру.

— Что дальше? — спросила она, игриво наклоняя голову. Дышать ей было все еще трудно.

А я вдруг понял, что терять момент бессмысленно и бесполезно. И поцеловал ее.

— На самом деле мой план заканчивался на пункте «увести ее из этого ада», — решил объяснить я, отстраняясь, а она вдруг поцеловала меня в ответ.

— Ты знаешь, что только что сорвал очень важную встречу? — спросила она, внимательно глядя мне прямо в глаза.

— Я думаю, твой агент справится.

— Ты прав, он привык. Но за побег он меня по головке не погладит.

Она вздохнула. Мы некоторое время молчали. Она смотрела, как мне казалось, на Сену и улыбалась.

— О чем думаешь? — спросил я.

— О Нотр-Даме, — она кивнула на здание вверх по реке. — Если отвлечься от современного города и внимательно на него посмотреть, особенно сейчас, вечером, собор становится удивительно похож на того самого «двухголового сфинкса».

— Ты любишь Гюго? — я непроизвольно бросил взгляд на крыши в лучах вечернего солнца.

— Да, я люблю Гюго. И, кажется, теперь люблю и Париж, — она неожиданно рассмеялась и повернулась ко мне.

— Что ж, как парижанину, мне приятно это слышать.

— Не обольщайся, я люблю многие города. Если я не буду их любить, то жизнь в дороге станет мне в тягость...

— Да, в этом есть смысл.

— Спасибо тебе за поток свободы! — сказала она мне, вдруг став серьезной. — Но мне пора, — она спрыгнула на мостовую. — Кстати, мы так и не познакомились.

— Леон, — представился я.

— Таня, — ответила она.

Домой я возвращался абсолютно счастливым. Опьяняющие мысли о том, как легко и хорошо мне рядом с Таней, смешивались с обрывками смелых фантазий. Я слышал ее смех, чувствовал аромат духов, и мир вокруг растворился в новой реальности, сияющей и прекрасной. Каждой клеточкой кожи я смутно чувствовал приближение какого-то чуда. Даже под гипнозом я не смог бы объяснить, какого именно, но оно заставляло меня верить, что ничто

уже не будет прежним. И эта мысль буквально наполняла меня бурлящей, свежей радостью.

Даже особняк родителей больше меня не пугал. Не казался чем-то особенным. От затопившего меня счастья он превратился в обычный дом. В таких происходят самые простые вещи: люди ужинают, принимают душ и ложатся спать. Но сам я таким в этот вечер не был: так и не поел, потеряв аппетит, заслушался музыкой и поздно заснул.

Проснулся я от холода: кто-то из прислуги оставил окно приоткрытым, проветривая комнату. Но вставать меня не тянуло. Плотнее укутавшись в одеяло и даже не открыв глаза, я принялся вспоминать вчерашнее наваждение. Оно все еще было здесь, пусть и притупилось немного, прерванное долгим сном. Я наслаждался, лениво потягиваясь и блаженствуя от искорок, которые пробегали по телу от малейшего движения, а потом вспомнил слова Жана: его модельер Генри после Парижа поедет в Берлин. Значит, Таня сегодня тоже отправится в Берлин! Утренняя нега и сонливость мгновенно отяжелели и камнем рухнули в желудок, вызвав приступ тошноты. Я подскочил на кровати, отбросив одеяло, и, шлепая босыми ногами по паркету, метнулся к двери в гардеробную. Несколько минут глупо

смотрел невидящим взглядом на стройные ряды полок, потом наконец очнулся, схватил первые попавшиеся джинсы и синюю рубашку и принялся судорожно одеваться.

К тому моменту, когда я вылетел в холл, вращая глазами, как безумный глухонемой, приступ паники достиг апогея. Но я все же заставил себя остановиться и немного подумать. Кто может знать о показах Генри Рилдена? Конечно, Жан. Нужно просто позвонить Жану. Всего-то!

В накотившем смятении я никак не мог отыскать телефон и потому позвал Филиппа. Дворецкий указал на телефон, мирно стоявший на угловом столике позади, и я прекратил метаться по холлу, поблагодарив невозмутимого слугу.

Нужный номер я набрал только с третьего раза, а Жан, терпеливо выслушав мои сбивчивые объяснения, со свойственной ему иронией сказал, что «моя нервозность пугает птиц на его подоконнике».

— Потерпишь пару минут, пока я все разужнаю? Имей в виду: если сойдешь с ума, будешь разбираться сам — навещать тебя в дурдоме по выходным меня не тянет.

— Несколько минут, пожалуй, смогу. Но ты поторопись на всякий случай, — привычно отшутился я и почувствовал, что тревога моя улечивается.

— Сделаю, что смогу, мой бедный друг.

Жан повесил трубку, посмеиваясь над моей очередной влюбленностью.

В ожидании безумно важного, как мне тогда казалось, звонка я отправился на кухню, чтобы сделать себе кофе. Но там уже готовил завтрак Кристоф, который тут же прогнал меня в гостиную, пообещав, что напиток туда принесет Коринн. Мне ничего не оставалось, кроме как стоять возле большого окна, выходящего в сад, и гадать, что обрадует меня первым: обещанный кофе или телефонный звонок. Коринн опередила Жана. Я делал последний глоток из фарфоровой чашечки с золотой окантовкой, когда пронзительная трель заставила меня вздрогнуть и судорожно ухватиться за трубку.

— Прости, что так долго. Ты еще жив? — издевательски поинтересовался друг. — Ладно, ладно. Генри болтлив до ужаса: с ним быстро не поговоришь. Я узнал, в каком отеле они останутся и где будет проходить

показ. Если хочешь, могу даже слезно попросить, чтобы для тебя забронировали свободный номер. Тебя возьмут как члена команды. А «спасибо» скажешь потом, когда придешь в себя.

— Дружище, я даже не знаю, как тебя благодарить!
— воскликнул я. — Кстати, мне стало легче после твоей предыдущей колкости.

— Ты мне льстишь! — голос Жана задрожал от смеха. — Только не забудь забронировать билет на самолет и позвонить мне, когда прилетишь.

— Да уж, забыть о билете было бы верхом эксцентричности. Я позвоню.

Повесив трубку, я окончательно расслабился и, попросив еще одну чашку кофе, отправился наверх за ноутбуком.

Я без труда разобрался с перелетом и даже успел не торопясь собрать вещи. Кинул в спортивную сумку плеер, несколько рубашек и запасные джинсы, логично рассудив, что куплю все необходимое, если потребуется. После недавнего приступа паники я все еще чувствовал уколы

адреналина и не смог бы перестать по-идиотски улыбаться, даже если бы на меня сейчас обрушилась бы крыша. Даже осознание, что любая (и уж тем более моя) влюбленность здорово смахивает на интоксикацию и вряд ли продлится долго, не отравляло мне мысли.

Уже сидя с закрытыми глазами в самолетном кресле, я слушал песню и думал о том, как хорошо было бы записать для Тани диск с этой музыкой. Я отбивал рукой неслышный другим такт и думал об одном: я к ней лечу. В тот момент не самолет, а я сам разрезал облака, воздух, само небо.

Когда я приземлился, день уже подходил к концу. Лучи еще пронизывали облака и играли на изумрудной листве, ветерок доносил запах свежей травы и недавнего дождя, а вечер опускался на город мягко и неторопливо, словно не хотел прогонять солнце. По дороге из аэропорта я зачарованно смотрел, как в окнах пролетающих мимо домов мелькают огоньки-отражения закатных пятен, словно загораются в приветствии специально для меня.

Через час я с замиранием сердца набрал ее номер.

— Да, — послышался чуть усталый голос.

— Привет, Таня. Это Леон. Помнишь меня? — я старался говорить как можно более легкомысленно, словно не испытал с утра чудовищный приступ паники и не проделал весь этот путь ради того, чтобы пройтись с ней по берлинскому парку.

— Леон? Рада тебя слышать, — мне почудилась улыбка на ее губах. — Я в Берлине, отдыхаю после перелета. Завтра трудный день.

— Хочешь прогуляться со мной перед сном?

— Я бы с радостью, но ты далековато для таких прогулок... — в ее словах звучало едва заметное сожаление, и от предвкушения мое сердце екнуло.

— Выходи в холл, и посмотрим, — я улыбнулся.

— Не может быть! — голос Тани зазвенел от восторга и изумления одновременно. — Ты прилетел вслед за мной в Берлин? Сумасшедший!

— Не я один такой, — ухмыльнулся я в трубку.

Она спустилась минут через двадцать в простых черных джинсах и кедах. Как она объяснила позже, ее ноги всегда безумно уставали от каблуков, и в «обычной» жизни носить их совсем не хотелось.

И мы отправились бродить по пустынным улицам пестрого, сказочно прекрасного города, будто бы и не было никакой разницы, Берлин это или Париж. Шли медленно, куда глаза глядят, и любовались ночной подсветкой, которая превращала все вокруг в таинственное, зыбкое и чуть нереальное действо. Массивные силуэты старинных домов, будто бы вылепленные из света и тени, вырастали перед нами и таяли, уступая место грозным монстрам из стекла и бетона. Остроконечные башенки из прошлого пронзали черные ночные облака, а рядом вытягивались прямо в небеса могучие современные башни. А мы неспешно болтали, словно самые настоящие друзья, и дурачились, как будто знали друг друга тысячу лет.

Когда мы проходили мимо Берлинского кафедрального собора, Таня неожиданно взяла меня за руку своей хрупкой холодной ладонью и начала раскачивать ее туда-обратно, как будто нам было по десять лет. Я взглянул на нее с легким удивлением, а она ответила мне озорной улыбкой. Мне и без того было с ней удивительно просто и хорошо, но теперь словно последние ниточки невидимых пут оборвались, и мы оба были совершенно свободны — вдвоем.

На прощание она подарила почти настоящий поцелуй — потянулась ко мне украдкой и быстро прикоснулась губами к щеке, когда мы прощались у двери ее номера.

Потом я еще долго не мог заснуть, слушал музыку и пил виски из мини-бара.

Весь следующий день Таня работала, а я вспомнил, что обещал позвонить другу. Когда я заявил Жану, что собираюсь утром лететь вместе с Таней в Токио, он сказал, что я окончательно сошел с ума, однако по тону мне показалось, что друг одобряет эту разновидность сумасшествия.

Таня совсем не удивилась решению следовать за ней почти на край света, и, по правде сказать, ее реакция меня немного расстроила. С самого утра я представлял, как сообщу ей об этом и как она восторженно округлит красивые большие глаза. Разговор состоялся во время короткого свидания поздно вечером. Несмотря на уговоры, выходить из гостиницы она наотрез отказалась, сказав, что почти не чувствует ног от усталости и все, на что ее хватит, — это посиделки в номере.

Одним словом, эти сутки не способствовали поднятию моего настроения, равно как и следующие, целиком проведенные в самолете. Зато когда мы прилетели в Токио, удача наконец мне улыбнулась. Генри дал моделям передохнуть, и в нашем распоряжении оказался целый свободный день. Таня не переставала улыбаться и смотрела на меня совсем как в Париже.

— Так куда мы сегодня пойдем? — с любопытством спросила она, как будто продолжая уже начатый разговор, когда мы завтракали рано утром в ресторане отеля.

— Куда захочешь. Можем устроить небольшую прогулку, подняться на телебашню или сходить на бой сумо, — я подмигнул ей и с сожалением добавил: — Как жаль, что у меня не было времени организовать все по-настоящему. Тебе бы очень понравилось.

— Я люблю импровизации, — отозвалась Таня. — К тому же теперь сюрприз — для нас обоих, а не только для меня.

— А чего бы ваше высочество желало? — поинтересовался я.

— Мое высочество, пожалуй, хочет посмотреть город, — она немного подумала и чинно кивнула: — Да, именно этого оно и хочет.

Аппетита у нас обоих не было никакого, и потому мы не доели завтрак, заказали машину и поехали гулять. День прошел суетливо. Может быть, из-за того ужасающего количества людей, которые повсюду встречались на пути, а может, из-за странной, вселяющей беспокойство чужеродности Токио. Мне совершенно не хотелось фотографировать: как будто, сделав кадр, я мог забрать с собой чуждость этого мира и отравить собственный. И только на смотровой площадке телебашни, в нескольких сотнях метров над землей, когда мы взглянули на гигантские небоскребы и сияющие яркими огнями магистрали, я оттаял. Здесь дул крепкий ветер, и словно бы из-за него и этого фантастического вида у меня снова счастливо закружилась голова.

— Как тебе Токио? — поинтересовался я.

— Он какой-то непонятный, — призналась Таня. — Я бы точно не стала здесь жить.

Она прильнула ко мне, и ее волосы, пахнувшие полынью и еще чем-то терпким, коснулись моей щеки.

— Значит, наши вкусы уже в чем-то сходятся, — я улыбнулся и обнял ее крепче.

— Давай поедem в какое-нибудь уютное местечко? Я так устала, — проговорила Таня.

Она погладила мою руку, и я почувствовал, что стал к ней еще немного ближе. Теплая волна нежности растеклась по всему телу. Мне захотелось подхватить ее на руки и прижать к груди, чтобы защитить от всего на свете.

— Хорошо, только постоим еще пару минут. Я наконец тебя обнимаю, — я поцеловал ее в макушку и почувствовал, как тонкая ладонь сжала мою.

По правде говоря, мне совсем не хотелось уходить со смотровой площадки. Мы стояли, обнявшись, на фоне мерцающего города, и я думал, что мне есть за что благодарить Токио.

Все модели — красавицы, но Таня была особенной. Я не переставал удивляться ее удивительно большим, чуть не кукольным, глазам, которые она «в обычной жизни»

совсем не красила. На показах — по-другому: там старались гримеры. Но ни для прогулок со мной, ни для репетиций, ни для походов по магазинам к косметике она не прикасалась. И даже так она не казалась бледной, ресницы не выглядели выжженными, и взгляд оставался ярким. У Тани была очень белая, снежно-прозрачная кожа, и возле груди, едва скрытой одеждой с глубоким вырезом, были заметны тонкие синие вены. Но эта деталь ничуть ее не портила: так она казалась чуточку инопланетной, таинственно-нечеловеческой и оттого невозможно привлекательной. И еще этой чуждости придавал Тане акцент. Совсем как у Сони: резкая «р», немного нечеткие гласные, жестковатая утвердительная интонация даже в вопросах. Эта «неправильность» привлекала меня безумно: то ли из-за экзотичности, то ли из-за нежных воспоминаний о детстве. И еще мне нравилось ее почти болезненная худоба. Со мной за компанию она почти ничего не ела: заказывала салаты и всегда оставляла половину нетронутой. А вот фрукты любила всегда: яблоки, грейпфруты, апельсины... Именно апельсины и подали мне новую идею.

Я не совсем понимал, как Таня относится к моему «соседству»: снисходительно умиляется моим знакам

внимания, серьезно их ценит или по-настоящему влюблена. Она была непредсказуема: не брала меня за руку, отстранялась, когда я пытался ее обнять, а через мгновение сама льнула ко мне ласковой кошкой, целуя в нос и шепча нежные слова. Она была как ветер в открытом море: сейчас штиль, а через минуту — семибалльный шторм. И я путался, с трудом осознавая, что делать: то ли блаженствовать, то ли бежать за помощью. Чего мне действительно хотелось — так это ее покорить. Получить твердую уверенность, что я ей хотя бы любопытен, и как не случайный знакомый. Любопытен двадцать четыре часа в сутки, а не только когда у нее особенно хорошее настроение — как в тот раз, когда мы впервые поцеловались.

Я должен был ее очаровать, решительно и бесповоротно. И если южную красавицу Бьянку я покорил в заснеженном Копенгагене, то эта северная блондинка обязательно растает в теплых краях. Однажды, наблюдая, с каким вкусом она ест апельсиновый десерт в одном из кафе родной Москвы, где проходил последний показ, я понял, куда нужно отправиться.

Несколько недель перед следующим шоу в Нью-Йорке Таня была свободна, и теперь это я брал ее с собой, а

не наоборот. От этой свободы я совсем обезумел: продумывал каждую мелочь, и планировал все вплоть выбора блюд в ресторанах, которые я отыскивал на Сицилии. Да, я хотел поехать в Италию, даже несмотря на то, что воспоминания о Бьянке были все еще живы. Хотя, сказать по правде, теперь я вспоминал о ней лишь с теплой улыбкой. Никаких сожалений или печали — перед глазами была только Таня.

Я снял в аренду старинный дом с апельсиновой рощей у подножия холма, заказал роскошный ужин, который должны были накрыть к нашему приезду, даже нашел скрипача из соседней деревни, который любезно согласился исполнить пару песен для моей русской красавицы. Со своим ноутбуком я чувствовал себя режиссером спектакля: здесь добавить красок, тут — страсти, а там — еще блеска.

И все должно быть внезапно.

Поэтому я даже не сказал Тане, куда именно мы едем. Зато придумал для нее загадку. Я забрал ее прямо у Генри; закончился последний показ, она не смыла еще яркий макияж, и я схватил ее за руку и увлек за собой.

— Это похищение? — хихикнула она. — Опять?

— Это далеко не первая наша встреча, и в этот раз тебе придется уделить мне куда больше часа, — предупредил я.

— А как же мои вещи?

— Уже упакованы, — я подвел ее к такси. — А если горничная что-то и забыла, мы купим все на месте.

— И куда же мы едем?

— Пока что в аэропорт. А потом — туда, куда скажешь ты.

Мы сели в такси, и я протянул ей корзинку, укрытую красно-белой клетчатой салфеткой, где она обнаружила три апельсина.

— Фрукты? Ты предлагаешь мне по пути перекусить? — будто бы обиделась она.

— Можешь и перекусить, — улыбнулся я. — Тогда ты меня точно поцелуешь.

— Не понимаю...

Она взяла в руку один и тут же расплылась в улыбке: на дне корзинки лежала бархатная коробочка. Из нее Таня с восхищением вынула жемчужное ожерелье.

— Какая красота! — воскликнула она.

— Ты наденешь их с тем вечерним платьем, что ждет тебя там, куда ты предложишь мне поехать.

Она все еще любовалась подарком, не в силах оторвать от него взгляда.

— Так поцелуешь? — хитро поинтересовался я.

— Я не говорила, что принимаю твои условия обмена, — она подхватила мой тон.

— Тогда чем будешь платить?

Таня притворно насупилась:

— Вымогатель! — и поцеловала меня с таким чувством, что я почти задохнулся.

— Так куда мы едем? — спросил я, отстраняясь.

Она покрутила в руках корзинку, протянула мне апельсин.

— Очистишь мне дольку?

Я только кивнул.

— Красный, — констатировала Таня, взглянув на мякоть. — Кровавый апельсин. Сицилия.

— Ты хочешь поехать туда? — продолжил я игру.

— Что-то мне подсказывает, что чудесное вечернее платье для моего нового ожерелья оставлено именно там, — сощурилась она.

— Не слышу в твоём голосе уверенности. Так это Сицилия? — продолжал я допытываться.

— Да, Сицилия! — Таня чуть подпрыгнула на сиденье, словно ребенок в предвкушении сладостей.

— Ну, смотри, — подмигнул я, — ты сама выбрала. Не обессудь, если платье тебя ждет на другом конце планеты.

— Прекрати дразнить! — Таня шутливо стукнула меня по плечу. — Оно там? Там?

Сейчас она выглядела такой счастливой, такой влюбленной. Её глаза блестели, волосы слегка растрепались, и она даже не тянулась их поправлять.

— На море, — прошептала она с придыханием. — Ты не представляешь, как я устала от этих показов. А теперь — целых две недели на море. И я *действительно* его увижу, а не как в прошлый раз в Испании, когда Генри мучил нас каждый день до полуночи!

— Теперь не будет никакого Генри, — сказал я. — Только мы вдвоем.

Она вдруг посерьезнела, и улыбка исчезла — но лишь на мгновение. Я погладил ее по щеке, уже собираясь спросить, все ли хорошо, но она меня опередила:

— Я так рада.

И снова прильнула ко мне, чтобы поцеловать.

Глава шестая

В старом доме пахло розмарином, сухим деревом и немного — пылью. Старик, который сдал Леону дом, жил в пристройке на другом конце рощи. Он обещал, что его присутствия и не заметят, но Тане почему-то было ужасно интересно, как он живет. Леон все говорил, что приехали они не для того, чтобы напрашиваться в гости к пожилому человеку, но она его не слушала.

— Это дом для огромной семьи, — заметила она, когда мы вышли с утра прогуляться. — Наверное, он потерял родных, и оставаться здесь стало невмоготу.

Представляешь, столько комнат – для него одного? И везде — воспоминания.

— Только не говори, что пойдешь его расспрашивать, — улыбнулся я, наблюдая, как Таня пытается разглядеть за деревьями пристройку старика. — Может, не было никакой семьи. Нажил всю эту красоту для себя одного, а теперь сдает таким туристам, как мы. Прибыльный же бизнес!

— Да нет, — Таня стояла на своем. — Тут обязательно есть история! Плевать ему на деньги.

— Он едва знает английский, — напомнил я. — Боюсь, на рассказы о жизни его не хватит. Видела бы ты его ответы на мои электронные письма!

— Что, даже хуже, чем у меня? — рассмеялась Таня.

— У тебя прекрасный английский, — я потянулся ее поцеловать.

— Лестью меня не возьмешь, — весело отозвалась она.

Все утро мы гуляли по роще. Сначала бесцельно бродили, а после взялись дурачиться.

— Неповоротливый ты какой-то, — заметила Таня.

— Ночью ты мне и глаз сомкнуть не дала, — напомнил я. — Вот выплусь...

— Отговорки! Тяжелый, сонный медведь, — поддразнила она.

— Покажу я тебе медведя!

Таня, взвизгнув, метнулась прочь, а я кинулся за ней. Она смеялась, оборачиваясь, а я замедлял бег, чтобы не поймать ее слишком быстро. Бегала она не очень хорошо, а может, тоже пыталась мне подыграть. К тому же одета она была в платье, а такая одежда вряд ли предназначена для утренних спринтов.

Мы быстро запыхались и остановились: не выиграл никто. Таня улыбалась, пытаясь отдышаться, и посматривала на меня хитрыми блестящими глазами. Я прислонился к тонкому стволу апельсинового дерева и не сводил глаз со своей подруги.

Мы долго стояли почти без движения. Слушали, ждали чего-то. В горячем воздухе витал аромат созревших апельсинов, то тут, то там раздавался тонкий щебет птиц, и вся земля была в пятнах солнечного света, который пробивался между острых листочков. Потом Таня встала на

цыпочки, потянувшись за апельсином, и от игры светотени ее платье оплело кружевом. Солнечное пятно пробежало по ее ресницам, скользнуло по губам и шее, остановилось меж ключиц, словно это был живой кулон на невидимой цепочке.

Таня прикрыла глаза, вдыхая аромат, а я не мог оторвать от нее взгляда. Короткое белое платье, ни украшений, ни причудливых пуговиц, небрежно распущенные волосы —такая простая, невинная, словно бы не было никогда гремющей музыки подиумов, бесконечной череды голодных до блеска городов, сверкающих невообразимых нарядов, а демонически-черные глаза на последнем показе принадлежали совсем не ей.

И тут внутри меня все будто вывернулось наизнанку. Я задохнулся, пытаюсь унять бешено стучащее сердце, но колючий клубок горько-сладкого осознания только рос, неумолимо увеличивался в размерах.

Было больно и невыразимо прекрасно.

Я понял, что влюбился в нее окончательно.

Мы просыпались далеко за полдень, торопливо окунались в море, обедали в одном из полупустых ресторанчиков совсем нетуристического побережья и шли гулять по острову. Иногда садились в арендованную машину, откидывали верх и отправлялись вдоль моря по шоссе, прижатому к зелено-бурым скалистым холмам. Но чаще просто бродили пешком: по проселочной желтой дороге мимо увитых сиреневыми цветами изгородей, по лабиринту переулков, где под ногами мельтешили собаки и дети. Здесь было душно, в облупившихся стенах отдавало эхо, с подоконников на нас шурились костлявые кошки, раздавались окрики матерей, которые зазывали мальчишек на обед... Такие прогулки Тане нравились куда больше, чем дальние поездки на автомобиле. Можно было внезапно наткнуться на совершенно чудесное кафе, где подавали невообразимое варенье из кабачков и ароматнейший пирог с рикоттой и шпинатом. Иногда попадались крошечные семейные пиццерии, где и зала толком не было — барная стойка, стол и пара пластиковых стульев на улице. За одним из таких столиков играла в карты компания стариков; они так яростно спорили, что слышно было даже на соседней улице. А еще были кафе без вывесок, и только по

восхитительному аромату креветок можно было определить, что за запахнутыми окнами в красных цветах находится место, где можно преотлично утолить голод.

Тане нравились такие ресторанчики: знакомые только местным, не избалованные огромной выручкой, которой могли похвастаться заведения в Палермо, Мессине или Таормине. Здесь и кормили гораздо лучше: на совесть, для «своих», которых обмануть — себе дороже. Открывались они только во время обеда или ужина и лениво работали по три-четыре часа в день, но прогулки у нас были такие длинные, что удавалось поймать и обед, и ужин. Днем мы ели рыбу с ароматным хлебом, поджаренном в масле со специями, а вечером пробовали странную пасту с крошками, невозможно сытные пироги с бараньим фаршем или сливочную пиццу с белыми грибами. Порции были огромными, глаза разбегались от обилия названий, а есть на самом деле почти и не хотелось. Мы заказывали три блюда, а потом, проглотив по половине первой порции, смеялись, когда официант приносил следующие. Брали по кусочку и отодвигали тарелки, безбожно переводя продукты. Голод был таким обманчиво сильным, а названия —

соблазнительными, что устоять мы не могли, и заказывали целую гору, оставляя почти столько же.

Иногда мы заходили далеко за пределы деревни и поднимались по тропам в холмы. Дорожки были узкие, царапали колючими ветвями низкорослых кустарников голые щиколотки, а на высоте от ходьбы в гору казалось еще жарче. Мы подолгу отдыхали на открытых площадках, которые выходили к морю, болтали, лежа в траве, оглушенные стрекотом цикад, прятались от солнца под ветвями олив, мазались солнцезащитным кремом.

Таня вообще не выпускала его из рук: кожа у нее была такой белоснежной, что сгорала в два счета. Нос у Тани покраснел и шелушился, как она ни старалась. Она открывала крошечную пудреницу и в ужасе рассматривала ожог, все повторяя:

— Не смотри на меня, пожалуйста.

Мне ее облупившийся носик казался только прекраснее обыкновенного.

— У меня не получается, — признавался я.

— Мой агент меня убьет, — жаловалась она.

Было в этом что-то такое искренне-беззащитное, отчего мне тут же хотелось сорвать все цветы на этом склоне, только чтобы Таня не переживала.

Я любовался ей, замечая в ее облике все новые и новые черточки. Все-таки изумительное у нее было лицо: ни на что не похожее. Немного несуразная, непонятная красота, от неопределенности, а потому прелести которой захватывает дух.

Но самым главным был Танин взгляд. Никакое пение птиц в апельсиновых кронах, никакой ночной приборой в колышущихся занавесях, никакие ароматы свежеевыпеченной рикотты, сушеного фенхеля или шафрана не могли сравниться с ее тихим улыбающимся взглядом. Она поглядывала иногда на меня украдкой, а я ловил ее взор, перехватывая невысказанную взаимность.

Да, эта картина перед глазами, сформированная ирреальным сочетанием южного и северного, мне нравилась куда больше. Ее белая кожа, почти прозрачные, ледяные глаза, голос с хрипотцой и в противовес ее северному великолепию — бархатная Сицилия, напоенная удивительными терпкими, чуть сладковатыми и пряными

ароматами. С Таней было так легко, а остров, плавающий в сладкой цветочно-морской истоме, казался таким раем, что я совсем потерял голову. А ее было от чего потерять...

Мы нежились в тени апельсиновых деревьев, и я смотрел в ее глаза. Они так быстро меняли свой цвет в зависимости от освещения: листья шуршали над нашими головами, поддаваясь легкому ветру, а ее глаза от ярко-голубых переходили к зеленым оттенкам. Тени играли на ее фарфоровом лице и плечах, иногда она вдыхала, и ее грудь чуть поднималась одновременно с движением кружевной тени на коже. Она держала меня за руку, подносила ее к самому своему лицу, пытаясь что-то разглядеть, потом улыбалась одним лишь уголком губ, будто бы ей так и не удалось найти чего-то, но это уже было для нее не так уж важно. Я слышал ее дыхание. Мне хотелось услышать что-то еще, но она любила молчать. И я принимал это молчание. Значит, так и вправду лучше. И я лежал, ловил ритм ее дыхания, чтобы неосознанно следовать ему, слушал шорох листвы над нами, слушал пение птиц — слушал весь остров. Я мог различить далекие звуки проплывающих моторных лодок, скрип старой двери, тихие удаляющиеся шаги, чью-то речь. Почему-то мне вдруг вспоминались

полотна Ботичелли, и сам не знаю, отчего, ведь его Венере было так далеко до моей.

— Послушай, тебе ведь ни капли не страшно любить меня?

— Но я... — слова застряли у меня в горле. Она рассмеялась.

— Ты хотел сказать, что ты вовсе не признавался мне в любви?

— Вроде того, — во рту у меня пересохло.

— Ну, это же очевидно, можно совсем ничего не говорить! — я так и не смог найти слов. Я не мог ей возразить, но не мог и признаться, ведь она и так все поняла. — Продолжай, мне это нравится! — отвечала она, смеясь. А я, не спрашивая никакого позволения, целовал ее губы.

Мы целовались и целовались, а у меня кружилась голова. И вдруг она резко встала, поманила меня за собой, и мы пошли в дом.

Я проснулся перед самым рассветом. Ее не было рядом. Я скорее пощупал ее сторону кровати: простыня

успела остыть. Интересно, где она пропадает? Я тихонько встал с постели. Прошел по патио — там ее не было. Заглянул на кухню — на столе стоял наполовину полный стакан воды. Я услышал едва различимый всплеск. На несколько секунд мысли в моей голове перестали шевелиться: замерли в ожидании нового звука. Или, быть может, я еще не проснулся? А потом я вдруг понял, где она. Мне стало любопытно. Я подкрался к огромной ванной комнате. Странно, но дверь не была заперта. Я боялся, что старые петли вот-вот выдадут меня. Попытался открыть тяжелую деревянную дверь. Нет, беззвучно это сделать не удастся. Я было подумал, что пора отступать, как вдруг заметил медный язычок, прикрывавший замочную скважину. Уж не знаю, зачем итальянцам такие огромные замочные скважины, но оказывается, они идеальны для подглядывания.

Никогда бы не подумал, что буду этим заниматься. Несмотря на то что я уже знал каждый сантиметр ее тела, волнение подступило к самой груди, дыхание перехватило, сердце забилося, будто я двенадцатилетний мальчишка: она лежала в ванной у открытого окна. Утренний ветерок чуть колыхал старинные, слегка пожелтевшие занавеси, а первые

лучи солнца уже падали на потрескавшуюся черно-белую плитку в стиле модерн. Ее кожа покрылась мурашками, от воды поднимался пар. Я задержал дыхание от восторга. В эти минуты она была прекрасна... Она ни перед кем не играла ролей, не кокетничала и не позировала. Я впился в нее взглядом, надеясь что-то разглядеть. Что? И сам не знаю. Мне казалось, в ней есть что-то, чего я не знаю. Но что это? Где это скрывается? Она чуть опирается руками на края ванной, согнув ноги в коленях — еще бы! С ее ростом в итальянской ванной не так-то просто поместиться! Она смотрит в окно. Касается тонким указательным пальцем верхней губы, чуть покусывает его зубами, смотрит как-то потерянно и осознанно одновременно. Сначала я думал, что подгляжу за ней и нарушу ее покой, чтобы превратить все в нежное и веселое утро, а сейчас я сам себя не узнаю: не понимаю, что со мной и почему мне кажется, что мешать ей не стоит? Я смотрю на нее как на объект вожделения, даже догадываясь о нераздельной любви. «Как Петрарка смотрел на свою Лауру»,— пронеслось у меня в голове. Господи! Что со мной делают эта женщина и Сицилия!

Я вспоминаю о классике живописи и литературы. С чего вдруг? Отмахиваю от себя эти «эстетские» наваждения

в духе Жана. Таня закрыла глаза и откинула голову на белый бортик. Ее рука соскользнула вниз. «Словно смертельно раненый Марат», — пронеслась еще одна «культурная» мысль в моей голове, и я бесшумно посмеялся сам над собой. Наверное, если бы я был композитором или художником, то мог бы назвать ее «музой» — на такие мысли она меня вдохновляет. Но что с ней? Могу ли я ей как-то помочь? И что я могу? Разве я вообще что-то могу?

Я отошел от двери, отправляясь обратно в спальню, и решил больше ничего не планировать, как с Бьянкой. Решил наслаждаться простотой. Не сравнивать.

Я баловал ее самыми разными пустяками, не задумываясь. Купил цепочку с подвеской у серебряных дел мастера, когда мы случайно набрали на его мастерскую на побережье; платье из шелка в деревенской лавочке, которая хвасталась ярлычками «хендмейд»; кожаный пояс с окантовкой из камушков в лавке, набитой нафталиновыми безделицами в стиле ретро. Это был не Милан, но глаза у Тани при виде очередного цветного отреза ткани или простенького браслета с гравировкой загорались не меньше, чем при виде дизайнерских туфель, подобные которым она надевала для подиума. А я про себя довольно улыбался: мне

нравилось, что я радовал Таню. Каждый день для нее начинался с крошечного подарка: пакетика ароматных трав, колечка или коробки с фруктами из миндальной муки, и продолжался еще одной обязательной покупкой во время прогулки. Таня ничего специально не просила, не намекала на понравившиеся вещи, не капризничала в любимой красавицами манере, но светилась от моих подношений, как ребенок. И еще смотрела на меня по-особенному благодарно. А я знал, что эта признательность имеет мало отношения к подаркам.

Таня то и дело повторяла, как соскучилась по настоящему отпуску, по купанию в теплом море, по солнцу, пусть и жестокому к ее нежной коже. Она счастливо улыбалась, когда мы просыпались по утрам в полосатых лучах сквозь ставни, пили в саду кофе, гуляли после захода солнца по безлюдному пляжу, засыпанному сухим тростником. И это была уже совсем не та усталая улыбка, которой она встречала меня после показов в Берлине, Токио, Москве и совсем не та припудренная грусть, с которой она встретила мою загадку с сицилийскими апельсинами.

Я совершенно уверился: она чувствует ко мне то же, что и я.

Когда пришло время менять пряную Сицилию на стерильный, геометрический Нью-Йорк, а лазурное море в белой гальке — на сверкающий софитами подиум, все изменилось. Я и не думал, что итальянское счастье приживется на чужой земле, но надеялся, что мы сами не изменимся. Разве что сойдет мой загар, а Танин носик вновь станет белым. Нам надоест пересматривать фотографии, перестанет тянуть в пиццерии, которые здесь, в Америке, только портят память о крошечных итальянских кафешках.

Однако все вышло совсем по-другому.

В тот вечер я купил для нее весенний букет из нежных фрезий, анемонов и белых тюльпанов, чтобы поздравить с очередным успешным показом. Она была такой надменно-великолепной, а ее платье — таким причудливым и эксцентричным, будто бы Таня сбежала из страны чудес. В ее сложной, высокой и одновременно растрепанной прическе можно было различить насыщенные, кроваво-красные розы. Парикмахеры и визажисты поработали на славу: очень сдержанно и одновременно восхитительно подчеркивая ее шею, к обнаженным плечам спускались несколько лепестков. Аплодисменты зала заглушили даже музыку. Мне такая

Таня была по душе куда меньше, чем всей этой публике, ведь из нее могла получиться самая настоящая Алиса, улыбнись она хоть немного по-настоящему, как она это делала для меня. Я дождался конца показа: мне не хотелось дарить ей цветы на подиуме, будто я какой-то ее поклонник, ведь я не был «каким-то»! Да и она просила остерегаться публичности, ей не нравилось выставлять свою жизнь напоказ папарацци.

Я зашел за кулисы. Модели порхали, словно райские птицы, шелестя своими нарядами. Посреди этого шифонового великолепия были слышны их резкие высказывания и топот ног, усталые вздохи и жалобы на неудобную обувь, чувствовался запах пота, смешанный с ароматами косметики и лака для волос. Я уже начинал привыкать к этим контрастам. В Тане я давно видел не подиумный образ, как мне казалось, а ее саму. Я спешил к ней. Но где же она? Одна из моделей резко задела меня бедром, я стал неловко извиняться, хотя все должно было быть наоборот, ведь это она виновата, но с ними проще не спорить! Я рассеянно искал глазами мою милую и не находил, как и тогда, когда еще только решил с нею познакомиться.

Вдруг мой взгляд приковало к себе что-то серо-голубое, совсем как ее платье. Оно мелькнуло и исчезло за перегородкой. Я последовал за сказочным наваждением, будто вот-вот должен был появиться белый кролик и поманить меня за собой. О, я готов был упасть в кроличью нору и падать бесконечно долго. За ней! Но я и не предполагал, что почва из-под моих ног уйдет по другой причине.

Да, я хорошо видел ее таинственное серо-голубое платье. Ее тонкие, почти мертвенно-бледные руки, которые она так старательно оберегала от загара. Они обвивались вокруг чьей-то шеи. Не страстно, не в безумном любовном порыве, а почти безвольно. Она плакала, уткнувшись в чье-то плечо своим еще обгоревшим, но укрытым тремя слоями пудры носиком. Она всхлипывала, прильнув к незнакомцу, и огромная охапка бешено-красных роз небрежно лежала на ее столике, на самом его краю. Вот она чуть покачнулась в его объятиях, и несколько роз упали на пол к ее ногам. Я посмотрел на ее бледные руки. В голове снова мелькнула картина Жака Луи Давида. Я невольно отпрянул.

Кто он? Кто этот человек?

Мысли закрутились в голове ледяной метелью, и меня зазнобило.

Что же это выходит, я — лишний? Третий лишний — и все кончено? Или это совсем не то, что я думаю?

Я сглотнул, тихо прикрывая за собой дверь. Нужно было уйти. Уйти сейчас же. Уйти незамеченным.

Не помню, как я оказался дома. Ночь промучился бессонницей. Я не мог сомкнуть глаз, вспоминая ее волосы, терпко отдающие ароматом полыни, ее тонкие руки с фарфоровыми венами под белой кожей, ее тихий серьезный голос и длинные ресницы, не испорченные тушью. Я представлял, как ее сладкие губы, которые несколько месяцев принадлежали исключительно мне, целует кто-то другой. Как ее обнимает за податливую талию совершенно чужой человек. Как она кладет голову на его плечо и с тихой улыбкой закрывает глаза, чтобы уснуть в его объятиях.

А потом я внезапно успокаивался, уговаривая себя, что все это глупость, ошибка. Может, это был ее брат. Или старый друг, которого она не видела с десятков лет. Мало ли кого она может обнимать в своей гримерке? Мало ли при

ком она позволяет себе плакать? Мало ли кто может дарить ей бесстыдно-красные розы?

И тут меня снова с головой накрывали воспоминания. Я вспоминал вкус фисташкового мороженого, которое мы ели, облизывая яркие пластиковые ложечки, на каменном ограждении у старой церкви. Потом — как я внезапно поцеловал ее в ухо во время ночной прогулки по пляжу, а она испугалась и взвизгнула от неожиданности. И еще — как дрожали ее веки от легкого сна перед пробуждением в первое утро. Я проснулся тогда намного раньше Тани и лежал, наблюдая, как она спит, как играет солнце на ее волосах, как веет от нее спокойствием и мягким счастьем...

А теперь какой-то непонятный мужчина вторгается в гримерку и смеет подставлять для ее слез свое плечо!

Я пытался до нее дозвониться, набирал номер раз за разом, но она не отвечала. Написал с десятков сообщений, но и это не помогло. Таня молчала. А я ворочался, вскакивал, мерил комнату шагами, снова падал на постель, лежал, смотря в потолок, и опять поднимался...

Она пришла ко мне утром. Улыбалась грустно и счастливо одновременно, теребила поясок на платье.

— Я должна тебе что-то сказать, — неуверенно начала она, и я понял, что тот мужчина никаким братом не был.

Таня говорила сбивчиво, путанно, останавливаясь и снова испуганно начиная. Ее голос был тихим, извиняющимся, но предательски-счастливо звенел, и она этого никак не могла скрыть.

— Я все еще люблю его, — наконец сказала она. — Он снова ко мне вернулся. А я его люблю.

Я не верил.

— Но ты же... Ты...

Она так на меня смотрела!

— Я не врал тебе. Ни один мой поцелуй не был ложью!

Она говорила что-то про настоящее, теплое и нежное, про то, что вот-вот была готова признаться мне в чем-то важном.

— Мне было с тобой так хорошо. Я и не думала сначала, что зайдет так далеко. Я должна была отвлечься,

найти хорошего парня, выдохнуть после тех отношений... Они меня измотали, я не знала, куда деваться. Мне нужен был кто-то, совсем как ты. Но я не смогла. Я все равно думала о другом. И тут он появился...

Она лучезарно улыбнулась и показала на кольцо.

— Он... — и мягко всхлипнула. — Но я готова вернуть тебе все подарки! — с внезапной поспешностью заговорила она. — И украшения, и одежду, и...

— Не надо, — я покачал головой, взяв ее за руку. — Это уже слишком. Пусть все останется у тебя.

Я бормотал какую-то чушь о том, что рад ей помочь, пусть толком и не смог, что она должна быть счастлива, а мне все равно, со мной или с другим...

Потом она ушла. Я остался один.

Глава седьмая

В Париж я вернулся с головной болью.

Частенько самолет трясло так, что во время завтрака даже пришлось прервать обслуживание. В проходы уже выкатили тележки с едой, но сообщение пилота о «сильной

турбулентности» заставило стюардесс вернуться на свои места.

За весь перелет я так и не сомкнул глаз. Полночи поправлял надувную подушку и все никак не мог устроиться. Сна не было ни в одном глазу: я ерзал на месте то оттого, что затекала шея, то оттого, что вспоминался аромат Таниных волос. Я не мог успокоиться даже несмотря на то, что безумно устал. Накатывала дремота, но из нее кошмаром выплывали обрывки сицилийских облаков, крики мальчишек, которые играли во дворике в футбол, грохот волн и шепот Тани. Я вздрагивал, отгонял непрощенные воспоминания и пытался заснуть, но предательское подсознание снова подсовывало мне что-то из горько-сладкого прошлого, которого мне было уже не вернуть.

Едва я забылся беспокойным сном, как включили свет, вкусно запахло сэндвичами, и я подумал, что все не так уж плохо: хотя бы поем. Желудок сжимался. Но тут зазвучало не записанное, «живое» сообщение о турбулентности, и мне стало совсем плохо.

Летал я в своей жизни порядком. И на больших авиалайнерах вроде этого, которым нипочем почти любая

воздушная яма, и на крошечных частных самолетиках, которые дрожат от любой колдобины. Бояться я не боялся, но летать все равно не любил, особенно в плохую погоду, когда то и дело просили пристегнуть ремни безопасности, но записанным, «нестрашным» сообщением. Ведь турбулентность — обычное дело. И для таких случаев звучали шаблонные предупреждения. Эта была, по-видимому, особенно серьезной. Слово «сильная» пилот выговорил с каким-то особым нажимом, а динамик для пущего эффекта громко кашлянул помехой. Я замер в кресле, провожая взглядом удаляющиеся сэндвичи.

В тот момент голова и заболела: от недосыпа, тряски, волнения, голода и ноющей шеи. Когда мы приземлялись, я готов был проклясть все на свете. Завтрак подать так и не успели, тело ныло, и вдобавок в ушах звенел голос Тани. Услужливая память развлекала меня по полной программе.

По пути домой я хотел остановиться в одном из своих любимых кафе, но, едва завидев заполненную посетителями террасу на солнце, передумал. Желудок замолчал, голод будто бы отступил, кофе не хотелось, а сидеть в шумной толпе — тем более. Куда больше я мечтал просто рухнуть на постель, отключиться и спать двое суток.

Не думать ни о чем, не вспоминать Таню и ни с кем не видеться.

Еще приземлившись, я вынул телефон, чтобы написать Жану о своем приезде, но тут же положил его обратно в карман, даже не включив. Не хотелось ни с кем разговаривать. Не хотелось даже упоминать о своем возвращении. Пусть пару дней думают, что я в Нью-Йорке. Ведь даже им я не рассказал о своем разрыве с Таней!

Я представлял, как это будет выглядеть. Жан морщится и с презрением бросает: «Вот все они такие». Стил машет рукой и хлопает по плечу: «Да ладно тебе, приятель. Нашел о чем тосковать. В два счета тебе новую подружку подцепим!» Лилиан закатывает глаза: «Влюбиться — какая ошибка! Зачем ты вообще с ней закрутил?» Эдит сочувственно качает головой, а саму ее, счастливую, безмолвно обнимает Кит. А ему-то и вовсе сказать нечего.

Поэтому и не хотелось никого видеть. Прикажу спустить шторы, отключить домашний телефон и никого не принимать. Засну и не проснусь.

Филипп встретил меня с невозмутимой почтительностью. Я не предупреждал о своем приезде, и

потому горничные заметно засуетились. Филипп же только приветственно улыбнулся, предлагая подать мне обед. Я помотал головой, отдал распоряжения, чтобы меня не беспокоили, и поднялся к себе.

По пути заметил одну из горничных с картиной, которую несколько месяцев назад отдавали на реставрацию. Девушка пыталась повесить ее на место, но картина все время накренялась, словно крепление перекошило. Я подошел ближе, чтобы взглянуть на отреставрированный пейзаж, но заметных изменений не увидел.

— Месье Дюкан обновил лак, подправил вот здесь и здесь, — показала Коринн дрожащей от смущения рукой. — Прощу извинить, что не успела повесить ее до вашего приезда. Все получилось так внезапно... Ее вернули только сегодня утром.

Я равнодушно кивнул и ту же сморщился: в висках отдалось болью.

— Ничего, — отозвался я. — Работайте, — и оставил ее безуспешно бороться со съехавшим креплением.

В спальне было прохладно и тихо. Шторы приспустили, в воздухе витал сладковатый аромат. В

стеклянных тарелочках на комодке выложили сухие цветки лаванды, и постельное белье пахло точно так же.

Я зарылся в подушки и прикрыл глаза, даже не сбросив ботинки, прежде чем лечь на постель. Была такая тишина, что казалось, будто кровь в ушах отбивает ритм на барабанной установке. Я подумал, что было бы неплохо принять обезболивающее, но спустаться или звать прислугу был не в силах.

Таня, Таня... Я должен ее забыть. Но как же у меня получится, если она была со мной такая... Нежная? Милая? Влюбленная? Так улыбалась моим подаркам? Так радовалась каждому новому сюрпризу? Какой же был смысл зарабатывать очки, если я все равно проиграл...

И ведь на этот раз я заинтересовался по-настоящему!

Я вспомнил ее белое платье, перевитое кружевом тени в апельсиновой роще, обгоревший носик, заправленные за уши длинные волосы...

Неужели я больше ее такой не увижу?

В безделье я уставился на солнечное пятно под плохо приспущенной шторой. В нем медленно, словно кружась в танце, плавали пылинки.

Я почему-то подумал, что в Париже солнце совсем не такое, как на Сицилии. Здесь оно выцвело или вовсе не наливалось красками, остыло в каменных улицах, а его лучи запутались в витых ограждениях балкончиков; в Италии же оно густое, тягучее, томное. «Парижское солнце — подделка», — чуть не сказал я вслух, перевернулся на спину и уставился в потолок, только бы его не видеть. Но солнце было и там: над головой плавали отсветы и зеркальные блики.

Я закрыл глаза, надеясь уснуть, но сонливость испарилась.

В отдалении был слышен глухой шум автомобилей; внизу кто-то грохнул посудой; стукнула дверь. Я лежал, тупо глядя в потолок, и снова и снова вспоминал плачущую на чужом плече Таню.

Невозможно!

Я оттолкнул сбившиеся подушки и вскочил. Голова как будто успокоилась, а вот желудок снова голодно заурчал. Сделаю себе сэндвич вместо того, которого меня лишили в самолете!

Кристофа на кухне я не встретил, но это было и к лучшему: очень хотелось приготовить что-нибудь самостоятельно. Мысли так и мельтешили, и словно от этого руки безумно чесались. Не без труда я отыскал на огромной, чужой для меня кухне свежий багет, завернутый в папиросную бумагу, нашел в холодильнике пару ломтиков сыра и жамбон; взял доску, разрезал багет вдоль на две части и начал выкладывать сыр.

Но ведь Таня счастлива... Кем для нее был я? Утешителем? Что ж, я сыграл свою роль великолепно. Она ни за что не поехала бы со мной на Сицилию, будь я скучным, бесполезным занудой. Она отвлеклась. Выдохнула. А потом стала еще счастливее. Правда, уже не со мной.

А чем он лучше меня? Богаче? Не верю. Симпатичнее? Тоже ерунда. Заботливее? А как же все мои подарки, все мои знаки внимания?! Я мог свернуть для нее горы, стоило лишь пожелать. Выполнить любой каприз посреди ночи. Перевернуть магазины на другом конце земли в поисках экзотических сладостей. Заказать для нее вертолет, который прибудет быстрее такси... И как можно было выбрать непонятно кого, когда у нее был я!

А тот, неизвестный мужчина — ведь однажды они уже расстались. Прошли все этапы, не выдержали, сдались. Даже не так: он Таню бросил. Выбросил, как конфетный фантик. Плевал он на ее чувства. Ему было все равно, как страдала моя Таня! Так почему что-то должно быть иначе теперь? Кто сказал, что колечко на безымянном пальце — залог ее счастья? Отчего эта дура с такой готовностью бросилась ему на шею, стоило лишь поманить, присыпав картинку сахарным обещанием?

Я отрешенно жевал сэндвич, а внутри поднималась злость. Она меня использовала. Не предупредила, что контракт временный. Обманула.

Я падал в кроличью нору, куда спешил за своей Таней-Алисой, и больше уже не чувствовал восторга. Это было падение без предвкушения. Исчезло наваждение неминуемого счастья, и впереди меня ждала только жесткая земля. И нора эта была слишком глубокой, чтобы отделаться только легким ушибом. Если воображаемый я, который имел глупость гоняться за таинственными красавицами в серо-голубых платьях, был бы создан из плоти и крови, сейчас у него были бы переломаны все кости. А Таня-Алиса, за которой я готов был падать хоть до самого центра

Земли, исчезла, преследуя своего белого кролика. Интересно: теперь, догнав его, она держит свою жертву крепко? Или кролик не собирается вырваться, окончательно сдавшись на милость победительнице?

За дверью что-то грохнуло.

— Аккуратнее! — послышался разъяренный голос Филиппа.

Я отложил багет и выглянул из кухни. Дворецкий нависал над Коринн, державшей за ручки одну из китайских ваз, которые украшали круглые высокие столики в коридоре. Держала она ее так, будто поймала в последний момент, чуть не разбив.

— Месье Вердье! — Филипп выпрямился. — Вы уже изволили отдохнуть?

— Если вы планируете Содом и Гоморру, так и не отдохну, — устало отозвался я.

— Я решил отдать на реставрацию и эти вазы, — почему-то стал объяснять дворецкий. — Господин Дюкан рекомендует не откладывать... К тому же он существенно снизит цену...

— Делайте все, что нужно, — махнул я рукой.

Коринн отпустила ручки, поставив вазу на столик. Выглядела горничная сконфуженно. Еще бы, чуть не уничтожила несколько тысяч евро.

— Реставрация займет пару месяцев, — объяснил он.

Я безразлично кивнул.

— Вы будете восхищены результатом!

Мне вдруг захотелось взорваться и выкрикнуть, что я уже ничем в ближайшее время не буду восхищен, разве что ко мне вернется Таня. Я вообще не понимал, зачем дворецкий посвящает меня во все эти детали. Пусть делает свое дело — и точка. Мне-то на все эти фарфоровые изваяния наплевать!

— Прикажете месье Дюкану посмотреть и скульптуры? — спросил дворецкий.

— Да-да, — бессмысленно отозвался я.

Мои мысли снова вернулись к Тане. Я опять вспоминал аромат ее волос, тихий голос, мягкий блеск глаз...

— Да осторожнее же!

Коринн снова держала опасно накренившуюся вазу за ручки и запуганно смотрела на Филиппа. Я покачал

головой и вернулся на кухню. Как хорошо, что с таким дворецким обо всех этих заботах можно не думать.

Есть уже не хотелось, и багет я оставил недоеденным. Возвращаться в постель тоже не тянуло. Я подумал было заварить все-таки кофе, но тоже передумал. Меня заглывала скука. Я не знал, куда деться и чем себя занять: оставаться без дела я не мог, но и придумать достойного занятия — тоже. Стоило присесть, мысли возвращались к Тане, и потому я беспокойно бродил по дому, не в силах остановиться.

В доме ни пылинки. Прислуга работала на славу. Но, несмотря на чистоту, несмотря на мое недавнее решение окончательно вернуться в «родовое гнездо», здесь все не так. Странно: начищенные до блеска полы, сияющая посуда, на стеклянных дверцах шкафов — ни пятнышка, а все кажется обманкой, бутафорией. Как будто бы вся эта работа проделана впопыхах, случайно. И все это затем, чтобы подготовить сцену для неведомого мне представления. Словно и не живет здесь никто, даже слуги. Только приехали поспешно утром и так же скоро уедут, оставив дом гнить в запустении. А может, все это колдовской морок: на перилах на самом деле — толстенный слой пыли, на

потолке — паутина, и наваждение рассеется, стоит только сделать неверный жест, спугнуть мираж. Какая пустота в этом искусственно-живом доме!

Я задохнулся и распахнул балконную дверь.

Маленькая гостиная на втором этаже была душной и темной: ее уже давно не использовали, мебель укрыли белыми чехлами, а окна занавесили тяжелыми шторами. Я заглянул в нее, припомнив, как играл здесь когда-то с игрушечным поездом.

Мне было лет шесть. У отца выдалась свободная минутка, и он приказал моей гувернантке достать электроуправляемую железную дорогу. Я был в восторге. Соня вынула коробку, развязала ленты, стала складывать отрезки дороги, а в моей голове уже зрел план. Я хватал кусочки рельс, соединял их и вел путь к дверям детской. Железная дорога поползла в коридор, несмотря на протесты гувернантки. Отец прошел мимо, снисходительно усмехнувшись, но не сказал ничего. Рельс хватило до соседней комнаты — этой самой малой гостиной. Я оставил конец пути под софой в углу и с гордостью обошел свое творение. Теперь, если в гостиной будет кто-то сидеть, я

смогу переписываться с этим кем-то посланиями, которые отвезет мой поезд! Я загорелся новой идеей. Да-да, железнодорожная почта! Я побежал обратно в детскую, поставил на рельсы вагончики и локомотив, пустил состав в пробный рейс, остался доволен, а потом стал обустраивать дорогу: вынул из коробки домики, деревья, животных и автомобили. Я так и светился. Грандиозный проект! И не просто глупая игрушка, а полезное изобретение! Как же я носился, прилаживая деревья на пути следования моего поезда, как примерял, где лучше засадить поле и построить фермы, а где — оставить луг для коров...

Сейчас я стоял в этой самой гостиной, и она казалась пустой. Комната была заставлена мебелью до отказа, а под чехлами софа, кресла и пуфы казались толпой затаившихся до поры до времени чудовищ. Но даже так глазу здесь зацепиться было не за что. Не было здесь души, и только царапина на паркете у ножки софы указывала, что когда-то здесь что-то происходило: это я прилаживал стопоры для рельс у конечной станции моей железной дороги. А ведь больше ничего, связанного с этой комнатой, я и не помнил. Бродить по дому мне особенно не разрешали, особенно когда в поместье кто-то гостил. Еще бы, путаться под

ногами взрослых! Клянчить сладкое, поднимать шум, раскидывать игрушки... Нет, нельзя. И потому — пустота. Весь дом из прошлого за пределами детской казался мне белым пятном. Нечеткие отрывки, полустертые заметки. А потом — частная школа, и даже на рождественские или пасхальные каникулы я толком и не припоминал этот дом. Все, что я видел теперь, почти не имело истории. Может быть, всплывало что-то резко и внезапно, как вот теперь — эта самая малая гостиная и поезд. А в остальном вокруг меня зияла пустота. И сейчас мне казалось, что она не только вокруг.

Совсем как когда я остался один, вынужденный распоряжаться имуществом семьи и своим собственным самостоятельно.

За окном было по-утреннему свежо и пахло свежескошенной травой. Я невольно загляделся на ухоженный сад: он очаровал меня своими красками и аккуратностью линий, и мне будто бы стало лучше. Только сейчас я заметил, как кружилась голова в тесной, затхлой гостиной, а теперь я словно ледяной воды глотнул. Аккуратно выстриженные живые изгороди, заботливо подвязанные цветы с тяжелыми бутонами, ряды кустов,

словно бы выверенные по линейке. Садовник знал свое дело: уж где-где, а здесь запустения нельзя было и представить. Фигурные кроны деревьев, прямые дорожки, ровные цветники — ни одной неостриженной веточки, пропущенного листика или увядшего стебля. Жизнь, только жизнь, во всей ее полноте.

Я невольно улыбнулся. Если бы я мог, спал бы в саду под открытым небом. Вот где настоящая свобода... Но даже здесь, в поместье, чувствуется город. Это Париж, а не полудикое побережье Сицилии с беспорядочно разбросанными крошечными деревушками без названий, где не запирают двери, дети соседей играют вместе круглые сутки, а пообедать в пиццерии друга можно и в долг. Здесь гудят в отдалении машины, мелко дрожит воздух и доносятся отголоски гомона толпы.

Я и сам не заметил, как мысли вернулись к Тане, а я спустился в свою комнату, открыл ноутбук и стал перелистывать ее фотографии в интернете. Снимки с показов, с приемов, домашние фотографии... Шикарное вечернее платье, в ушах — сверкающие серьги. Простые джинсы и никакого макияжа. На высоких каблуках, в белой полупрозрачной тунике. В пляжных шортиках с цветной

футболкой. Улыбается, обнажив зубы. Или притворно хмурится. Показывает фотографу язык. Потягивается кошкой. Смеется, а ветер рвет ее юбку. Развернулась и смотрит изумленно, словно ее поймали в кадр внезапно. Позирует, томно прикрыв глаза. Ест мороженое, облизывает ложку и, смеясь, отталкивает объектив.

Внизу раздался звонок, слышались голоса и стук шагов по лестнице. Я не успел еще обернуться, как дверь распахнул Стил.

— Дружище, Жан мне все рассказал.

Он плюхнулся на кровать рядом со мной и похлопал по плечу.

— Ты как? Остальные будут позже. Устроим тебе небезалгокольную вечеринку, — он подмигнул.

— Как ты узнал, что я в Париже? — только и спросил я.

— Говорю же, Жан.

Он указал на экран ноутбука.

— А вот ее давай уберем, — и бесцеремонно захлопнул крышку. — Начнем уже сейчас, чтобы к ночи было по-настоящему весело.

Я покачал головой.

— Спасибо тебе за поддержку, но я хочу побыть в тишине.

— А мы будем пить в молчании, — хохотнул друг.

Я нахмурился.

— А Жан откуда узнал, что я уже здесь?

— Ему позвонила Таня.

— Отлично, — скривился я. — Ей-то какое дело?

— Твой телефон был выключен, — пожал плечами Стил. — А она беспокоилась, как ты долетел.

— Ах, да! Теперь мы будем друзьями, — процедил я и тут же мотнул головой.

Расстались мы спокойно. Не было истерик, ссор и взаимных обвинений. Я сам пожелал ей счастья и обещал позвонить, когда вернусь в Париж. Так почему же теперь я ее ненавижу?

— Жан будет позже, зато Лилиан обещала прилететь как можно скорее, — стал объяснять Стил.

Я махнул рукой.

— Зачем?..

— Как зачем? Сейчас мы будем веселиться! — воскликнул Стил. — Дождемся всех и отправимся в какой-нибудь бар. А пока... Есть у тебя виски?

— Спроси у Филиппа, — отозвался я. — Мне не нужно.

— Мы это еще увидим! — Стил, очевидно, отказ принимать не собирался.

Лилиан «прилетела» позже всех. Первой пришла Эдит вместе с Китом, которого, кажется, все эти месяцы не отпускала ни на минуту. Он тут же заспорил со Стилом о чем-то своем, музыкальном, а Эдит погладила меня по руке и с мягкой улыбкой вытащила упаковку марципанов в шоколаде.

— Ты же их любишь, — словно оправдывалась она.

Ее сочувственная улыбка была мне противна, но я заставил себя выдать:

— Спасибо.

— Ты не переживай, — она стала раскрывать шоколадку. — У тебя будет еще сотня таких девиц. И без этого жуткого акцента!

Она протянула мне марципан. Я без особой охоты надкусил и вздохнул: начинка была с апельсиновым привкусом.

— Хотя я тебе вот что скажу.

Эдит стала раскрывать следующую марципанку, и я страдальчески замотал головой: рот у меня все еще был набит первой, и второе воспоминание о Сицилии мне было бы просто-напросто не проглотить. Однако Эдит не замечала моих страданий и продолжала:

— Ты выбираешь не тех. Сколько ты думал прожить с этой моделью? Полгода? Год? Они ветреные, как кошки. Сегодня — ты, завтра — он. И не удивлюсь, если послезавтра — снова ты. А потом по кругу. Такие сами не знают, чего хотят и кто им нужен. Удали ее номер. И на фейсбук не заходи, — она словно бы знала, чем я занимался до ее прихода. — Ни к чему тебе эта карусель. Лучше отыщи такую, как я.

Она ласково, но хитро улыбнулась и протянула мне вторую раскрытую шоколадку. Я все еще расправлялся с первой.

— Но с тобой у нас ничего не получилось, — заметил я, сглатывая.

— Тогда ты был идиотом.

Эдит снова попыталась впихнуть в меня марципанку, но я замотал головой, словно ребенок, которого насильно кормят нелюбимыми овощами.

— Теперь я уже не идиот?

— Все такой же, — хмыкнула Эдит. — Но с этого момента у тебя есть шанс исправиться.

— Благодаря твоему совету?

— И богатому жизненному опыту, — ее глаза весело блестели. — Тебе не понравился мой подарок? — она обратила разговор к шоколаду. — Знаешь, сколько выбирала?

«Не очень-то удачно получилось», — подумал я хмуро, но вслух ничего не сказал.

— Иди остальных покорми! — предложил я. — Заботливая мамочка.

— Ну и пожалуйста, — она встала и с шутливой обидой отвернулась.

— Нельзя оставлять гостей голодными! — крикнул я ей вслед.

В комнату вошел Жан.

— Нельзя оставлять гостей трезвыми! — подхватил он.

Все оживились.

— Вовремя ты появился, — пожаловался Стил. — А то наш герой совершенно не хочет пить.

— Вы идите, — сказал Жан. — А я тут разберусь.

Стил, Эдит и Кит отправились в поисках выпивки за Филиппом, а Жан присел рядом со мной. Я все еще сжимал в руках закрытый ноутбук, словно тот мог мне как-то помочь.

— Давай-ка я это заберу, — мягко сказал Жан и потянулся за компьютером. — Пойдешь с нами или останешься? Тебе бы отдохнуть.

Без своего ноутбука я и вправду остался как без опоры. Мысли снова беспокойно забегали. Но я уже начинал отгаивать. Все они пришли сюда ради меня...

— Отоспишься как следует, приведешь голову в порядок, — продолжал Жан. — Я ребят уведу, если хочешь.

Внизу снова звякнул колокольчик. Вот и Лилиан.

— Леон, ты только не переживай, — прямо с порога заявила она, подбежала ко мне и схватила за руки. — Ни о чем не думай! Веселиться — вот, что тебе сейчас нужно.

От ее безапелляционности я усмехнулся.

Одета она была в легкое дневное платье, простое и при этом такое восхитительное, что становилось ясно: недешевое, наверняка подарено одним из ее многочисленных «полезных» ухажеров. Кудри она уложила в замысловатую прическу, а ногти хвастали свежим маникюром. Она улыбалась так очаровательно, и пахло от нее такими прекрасными духами, что я не выдержал:

— А ведь ты права!

И Стил прав. Не одна еще такая красавица будет держать меня за руки и утешать. Аромат духов не одной такой женщины я еще вдохну.

— Надоело! — воскликнул я.

Нет, сидеть на месте я не мог. Все равно лишь мотался по комнатам, силясь убежать от воспоминаний о Тане. Неужели и дальше киснуть в собственной спальне, перелистывая ее фотографии? Или выкинуть ноутбук в окно

и просто бесконечно о ней думать? А может, наглотаться снотворного и спать, пока не проснусь от кошмара, в котором снова и снова вижу ее в серо-голубом платье Алисы в погоне за кроликом, которым был совсем не я? И какая же от этого польза? Как такой отдых поможет мне ее позабыть?

Ворвавшись в гостиную, я объявил:

— Давайте куда-нибудь поедем!

Друзья уже отыскивали с помощью Филиппа бутылку белого вина и как раз ее откупоривали. Кит поставил ее на пол, зажав ногами, и тянул неподатливую пробку штопором.

— Куда? — за мной вбежала Лилиан. Глаза ее блестели готовностью.

— В Лас-Вегас, — тут же пришло мне в голову.

— Устроим мальчишник! — подхватил Стил.

— Это идея, — подал голос Кит, справившись наконец с вином.

— А как же мы? — спросила Эдит. — Неженское дело — играть.

— Вы будете нашими талисманами, — предложил я.

Лилиан улынулась:

— Только мне самый лучший номер.

— Ну, конечно, — кивнул я. — Еда и отель за мой счет! Ведь приглашаю я.

Гостиную захлестнула атмосфера предвкушения. Они смеялись и пытались друг друга перекричать, обсуждая предстоящую поездку. Разобрали бокалы, стали наливать вино.

— Не уверен, что это хорошая идея, — сказал Жан, когда все немного поутихло. — Зачем тебе Лас-Вегас, Леон? Неужели тебе мало путешествий? Только что из Америки.

— Да ладно тебе, — одернул его Стил. — Одно дело Нью-Йорк, другое — Вегас. И к тому же что Леон здесь будет делать? Лежать и страдать? Да к черту все это! От таких глупостей нужно лечиться! И лучшее лекарство — хороший выигрыш!

— Можно и здесь найти неплохое казино, — ответил Жан.

— Верно, — согласился я. — Начнем веселиться уже сегодня! Эти перелеты...

Друзья закивали, согласно переговариваясь.

— Значит, решено, — подытожил Стил. — Начинаем веселье!

— Ну вот, — одна Лилиан огорчилась. — Я осталась без лучшего номера.

— Леон купит тебе пару лишних коктейлей, — ухмыльнулся Стил.

— И ты, Лилиан, будешь моим талисманом! — потребовал я.

— Мне стоит подумать... — начала она задумчиво.

— Три лишних коктейля!

— Уговорил, — кивнула Лилиан. — Помимо тех трех, что будут *не лишними*.

Я засмеялся. Хохотали и все вокруг. Таня, ее Сицилия, примерка в Нью-Йорке — все это казалось сейчас таким далеким, чужим... Словно бы и не случилось никогда. Были только я, гостиная, бокалы белого вина, которые передавали по кругу, и мои друзья. Самые близкие мне люди. Которые никогда не покинут. Да сколько еще будет этих женщин... А друзья — это навечно.

От одной этой мысли мне стало так тепло, что все прочее — воспоминания, обида, ненависть — все отступило.

Мы стали спорить, куда поехать, но Жан с видом профессионала скривил губы, словно говорил: «вы все жалкие невежды».

— Я поведу, — объявил он. — Ко мне сядут Леон и Стил, а вы, девушки, поедете с Китом, — продолжил он распоряжаться. — Я знаю отличное место под Парижем. Надеюсь, ты не успел еще слишком много выпить, — снисходительно кинул он Киту.

Тот ухмыльнулся:

— Вот и проверим. Спорим, перебрал как раз ты?

— Увидим на дороге! — пригрозил Жан.

— Эй, ребята, вы поаккуратнее, — вставила Эдит.

— Да шутим мы, — погладил ее по руке Кит и показал свой бокал, к которому он едва притронулся. — Но вот по поводу дороги — нет! — добавил он, с вызовом глянув на Жана.

— Предложишь наперегонки? — отозвался тот.

— Ну, все, — встряла Эдит, не на шутку встревожившись. — За руль сяду я.

— Молчим-молчим, — успокоил ее Кит.

Но стоило ей отвернуться, как он подмигнул Жану, и тот ответил ему тем же. Я вздохнул, едва сдерживая улыбку: петухи, честное слово!

Посматривая на карту навигатора, когда мы въезжали в городок под Парижем, я удивился:

— Курорт?

— С термальными источниками, — горделиво добавил Жан. — Владельцам казино особенно не разгуляешься. Только в таких городах им и разрешено обтряхивать желторотиков вроде нас.

Мы выехали на набережную озера, и между деревьями, высаженными аккуратной аллейкой на променаде, мелькнуло стеклянное кубическое здание. Стил на заднем сиденье фыркнул:

— Ну и провинция. Вот этот домишко и есть твое хваленое казино? После Вегаса видеть такое просто смешно.

— Вот и не нужно после Вегаса сюда ездить, — обернулся к нему Жан. — А где твое уважение гостя? Смотри, затаит на тебя старая добрая Франция обиду... К

тому же, — натянув «умную» маску, продолжил Жан, — здесь совершенно чудесный Сад Роз и музеи...

— Никаких музеев! — возмутился Стил. — Я согласен на это казино, беру свои слова обратно!

— Ну как же можно, — покачал головой Жан. — А какие здесь минеральные воды! Нам обязательно нужно попробовать.

— Останови машину, я пойду пешком, — почти воскликнул Стил. — Я хочу пива, а не воды, пропахшей тухлыми яйцами!

— Бескультурье, — махнул на него рукой Жан.

Я только улыбался и смотрел в окно. Мы собирались довольно долго: Лилиан захотелось заехать к себе, а Кит проголодался, но отказался от багета с сыром (единственное съестное, которым располагал мой гостеприимный дом). В результате мы потратили лишний час, сделав круг, чтобы подвезти Лилиан, потом еще один, выискивая достойное кафе, и еще один, споря над меню. Голод мы утолили, но подъезжали к казино, когда уже темнело. Зато вид был грандиозный: здание стояло у самого берега озера, а из воды прямо перед ним поднимались подсвеченные струи

фонтана. Они взрывались радужными брызгами и осыпались сверкающим дождем, отражаясь в стеклянных стенах, за которыми призывно горели десятки ярких ламп. От этой феерии света мне вдруг стало так легко, так радостно, что я почувствовал себя ребенком, предвкушающим появление животных на арене цирка. Ну, скорее же, скорее!

— Каждому даю по десять тысяч! — объявил я, когда все выбрались из машин и собрались у входа.

Нас огибала говорливая, веселая толпа, и отблески фонтанов играли цветными пятнами на мостовой.

— Да ты сегодня скряга, — хохотнул Стил.

Лилиан поправляла прическу, смотрясь в зеркальце на пудренице, но услышав про деньги, подхватила:

— Я больше не хочу быть талисманом! Берите и меня в долю!

Эдит же нахмурилась, не сводя глаз со своего Кита. Тот, кажется, не собирался отказываться от щедрого подарка, несмотря на то, что формально моим другом вовсе не был. Но сейчас такие мелочи меня не беспокоили. Свет играл так пьяняще, так радостно, и цветы, которые увивали

фонарные столбы, благоухали так празднично, а смех прохожих казался теплым вином, в котором я так сладко тонул...

— Пятьдесят каждому! — выпалил я.

И тут же представил, как с облегчением избавляюсь от своего состояния. Уходит все до последнего цента, и монетки звенят, падая на дно бездны одна за другой. Сначала проигрываю я, потом Жан, потом Кит, а в довершение, страшно ругаясь, Стил. И я остаюсь ни с чем. Один, счастливый, свободный. Ведь от них только беды... Разве смог я купить на эти побрякушки прекрасную Таню?..

Внутри снова засвербило. Нет-нет!

— Ну что, берете? Жан, Стил, Кит? — я тряхнул головой. Больше ни одной мысли о Тане!

— Конечно, берем, — отозвался Стил. — Спрашиваешь. Имей в виду, я удвою эту сумму, и глазом не успеешь моргнуть. Да что там — утрою! Боевой дух — вот как это делается!

— А давай поспорим, кто больше выиграет? — снова стал подначивать Кит.

— Конечно, я, — скривился Жан. — Я вас сюда привел, я и выиграю.

— Мне хоть немного удачи оставьте, — засмеялся я.

— Отдаю тебе одну десятую своей, — снизошел Жан.

Мне очень везло. Как будто сама судьба решила меня развеселить в этот день, который начался так угрюмо и болезненно. Но я уже не помнил, что было утром. Целая вечность тумана разделяла меня теперешнего, поглощенного азартом, и меня прошлого, пережеванного воспоминаниями о неблагодарной красавице-модели.

Переходя от автомата к автомату и от стола к столу, Стил умудрился подцепить двух совершенно очаровательных близняшек, замороженных его везением (он тоже выигрывал раз за разом и еще не потерял ни евро).

Жану удавалось хуже, но одна из сестер взялась его подбадривать: вилась рядом, пару раз бросила его кости. Но помогло ему это несильно: Жан только проигрывал.

Ко мне девушки не ластились, даже несмотря на мою притягательную для здешних красоток удачу. Со мной была Лилиан, а рядом с такой тускнели даже самые длинноногие

прелестницы. Пусть она и жаловалась на свой рост, внешность у нее была сногшибательная. И сейчас мне льстило казаться с ней парой: мужчины отвлекались от игры, чтобы проводить Лилиан вождедеющим взглядом, а женщины и вовсе не сводили с нее глаз, завидуя. К тому же общество подруги без намека на близость меня сейчас более чем устраивало. Новый роман заставил бы меня переживать то, что я чувствовал еще так недавно с Таней, — все это волнение первых переглядываний и касаний. А мне нужны были другие ощущения. Нечто совсем иное.

Несмотря на скептическое отношение Эдит к подобным увеселениям, Кит тоже выиграл довольно много. Она то и дело мягко брала его за локоть и просила на этом остановиться, но он продолжал, и собственных ожиданий не обманул.

Мы вместе поставили в рулетке на нечетные, выиграли и отправились в бар, чтобы обсудить наш успех. Жан немного дулся, проиграв половину своего «стартового капитала», но всеобщее веселье подзадоривало и его. В конце концов, деньги ему не принадлежали и сам он ничего не потерял. Меня же его проигрыш беспокоил еще меньше: я сам выиграл целую гору, и Стил тоже, и Кит. Наши дамы,

включая сестер, которые все еще льнули к везучему американскому парнишке, залиvisto смеялись, попивая коктейли, а я от их голосов, грома музыки и азарта, бурлящего в крови, был готов играть целую ночь.

— Они закрываются, — вдруг заметил Жан.

И правда, бармены уже захлопывали кассы, а в залах понемногу тушили свет.

— Не может быть, — оскорбился Стил.

— Уже? — не поверил я.

— Посмотри на часы, — пожал плечами Жан.

Я глянул на циферблат: было раннее утро, или — для нас — очень поздняя ночь.

— Мне не хватило, — пожаловался я. — Что это за кусочек? Несите весь пирог!

— Ну и сладкоежка, — посмеялся Кит.

— А что теперь насчет Вегаса скажете? — подмигнул Стил. — Это все детские игрушки по сравнению с великим Лас-Вегасом!

Я задумался. Везение было чудовищным. Нельзя же упускать такое! Тем более, когда столько сил. А Таня... Какая Таня? Нет, сейчас я мог думать только о том, чтобы

сыграть еще одну партию в покер, еще раз загрести все фишки...

— Жан, соглашайся, — почти умоляюще посмотрел я на него.

Тот поколебался, но Лилиан подлетела к нему, схватила за плечи и угрожающе прошипела:

— Я буду тебя ненавидеть, если откажешься.

Жан охнул, пытаясь высвободиться.

— Да что же вы все, ополоумели?..

— Да, именно так! — воскликнула Лилиан.

— Тогда я согласен, — сдался Жан.

Все было в тумане. Я едва помнил, как мы долетели. Это был мой второй трансконтинентальный рейс за два дня, и я, расставшись с автомобилем, много пил, забывался быстрым сном, просыпался, подхватывал всеобщее веселье, а потом снова засыпал. Мне снились бокалы с вином, покерные фишки, красные апельсины и мелькающие огни. Я вздрагивал от взрыва хохота, а очнувшись, не понимал, приснился он мне или я и вправду его слышал. Мне казалось, что у Стила за спиной распускаются крылья, он превращается в беркута, выпускает когти и протягивает их,

чтобы ухватить меня поперек хребта. А я уже стал крошечной мышью, и спрятаться негде — разве что под сиденьем. Но спрятанный там спасательный жилет вдруг начинает сам по себе надуваться, увеличиваться в размерах, и я задыхаюсь, задыхаюсь...

Подлетая к аэропорту Лас-Вегаса, друзья наконец выбились из сил и заснули. Я же, напротив, очнулся от тяжелого, спутанного сновидения и в наступившей тишине уставился в иллюминатор. Было странно лететь в полном молчании, но нечто куда более странное творилось у меня в голове. Я потерялся в дне и ночи. Мои наручные часы показывали одно время, а мобильный телефон — совсем другое. Я покопался в настройках дисплея, встроенного в подголовник переднего сиденья, но и там ничего дельного не нашел: только несколько десятков фильмов, музыку и аудиокниги. Вдобавок я уже сбился со счета, сколько спал и бодрствовал. Спал ли я вообще после казино под Парижем? В самолете, пожалуй, дремал, но что было до того? Заезжали ли мы в Париж или сразу отправились в аэропорт? Я опустил глаза на собственную рубашку, но не мог припомнить, так ли я был одет, вернувшись из Нью-Йорка. Но все это меня невообразимо веселило. И какое мне дело

до времени или рубашек? Я свободен, как ветер! И зачем только жить иначе?!

Лилиан пошевелилась во сне, очаровательно поморщила носик и распахнула глаза.

— Уже прилетели? — спросила она, потягиваясь.

Ее прическа сбилась, локоны растрепались, но она об этом пока еще не знала, потому и не беспокоилась.

— Лили, как же ты прекрасна! — неожиданно выпалил я. — Почему я тебе этого никогда не говорил?

— Потому что я об этом и без того знаю? — хихикнула она, нехотя стягивая плед и выпрямляя спинку кресла.

— Но ты не знаешь, что и я так считаю, — пробормотал я и потянулся к ней.

— Эгей, Леон, — запротестовала Лилиан. — Что за шутки?

— А кто здесь шутит? — меня было уже не остановить.

— Хочешь пополнить армию моих поклонников? — Лилиан отталкивала меня вяло, без особого усердия.

— Ну, уж нет, я буду ее главнокомандующим, — проговорил я и быстро, с ухмылкой поцеловал ее в губы.

Лилиан засмеялась, натянув плед до самых глаз.

— Ты слишком много выпил, — сказала она.

— Все мы, — шутливо покачал головой я.

Пошевелился Жан и, все еще не открывая глаз, протянул с соседнего ряда:

— Прекратите непотребства, умоляю вас.

Я засмеялся:

— Ну, если Его Величество приказывает... Но, должен признаться, придворные дамы у Него хороши.

— Побереги силы для покера, — посоветовал Жан.

— Прости меня, милая, — с театральной трагичностью обратился я к Лилиан. — Нам придется расстаться.

— Подумать только, меня бросили, — с притворным испугом прошептала она. — Первый раз в жизни! И какой это был короткий роман!

Кажется, мы не переставали смеяться и при посадке, и в зале прилета, и в такси, и в холле громадного отеля-казино, в который нас привел Стил.

На этот раз руководил он. С горделивостью хозяина раздавал указания водителю на родном английском, травил истории о том, как просадил целое состояние в похожем казино, а потом заработал в два раза больше в соседнем, как прожил неделю в одном из отелей Вегаса под чужим именем, а потом выехал, так и не заплатив ни цента. Он не закрывал рта, и приуставшее во время перелета веселье вновь забурлило.

Мы испытывали удачу снова и снова. В залах было толпиво и шумно, сверкали разноцветные огни, девушки в коротких юбках разносили угощения и напитки, в воздухе витал сигаретный дым и то и дело взрывались возгласы — то счастливые, то разочарованные. Перед глазами мелькали черные и белые поля рулетки, прыгали пятнами кости, текло зеленое полотно, мельтешили карточные масти. Музыка отбивала ритм в ушах, будто бы сливаясь со стуком сердца, и оттого казалось, что мы стали частью этого гигантского пульсирующего организма, слившись с ним воедино.

Мы снова выигрывали. На этот раз все четверо, а Жан даже вырвался вперед, сорвав особенно крупный куш в простенькое «очко».

— Такое вообще возможно? — шептала мне Эдит, не переставая переживать ни на мгновение.

— Новичкам везет, разве не знаешь? — сказал я. — Когда мы последний раз играли? Карты нас и не помнят.

— Все равно мне это не нравится, — кусала она губы, а я только отмахивался.

Теперь мы запугались во времени по-настоящему. В казино часов не было, мои наручные и мобильный показывали совершенное разное, но мне больше не хотелось выяснять, кто из них прав. Меня снова обуяло это странное и вместе с тем упоительное ощущение полной свободы. Я как будто пустился в плавание по бескрайнему океану, и не было видно ни берегов, ни солнца, и я понятия не имел, в какую сторону двигаюсь, если двигаюсь вообще. И в этой потерянности не было отчаяния — только восторг.

Казалось, что мы — персонажи фильма о преступниках, которые обводят хозяев казино вокруг пальца. Выигрыши сыпались на нас один за другим, а если мы и проигрывали, то мелко, и тут же возвращали потерянное. На нас начали косо смотреть, а когда в нашу

сторону направилось двое сотрудников безопасности, забеспокоился и я.

— Проследуйте за нами, — кивнул Стилун один верзила.

Стил радовался своим победам очень шумно, особенно теперь, когда последняя ставка удвоила его недавний огромный выигрыш.

— Куда это его уволокли? — Жан схватил меня за локоть.

— Надеюсь, его вернут живым и невредимым, — с улыбкой, пусть уже и слабой, отозвался я.

Не хотелось верить, что наше веселье кто-то может прекратить.

— Если вообще вернут, — Жану было уже не смешно.

Я помотал головой:

— Что за ерунда. Вот увидишь, и десяти минут не пройдет, как он вернется.

Возвратился он только через полчаса, и вид у него был немного потрепанный.

— Вот ведь звери, — пожаловался он. — Заявили, что мои выигрыши вызывают подозрение. Наизнанку вывернули и только гамма-лучами не просветили. Ничего не нашли, а все равно едва отпустили обратно. И это меня! Честнейшей души человека!

— А кто рассказывал про отель за чужой счет? — напомнил я.

— Кто? — Стил изобразил ангельскую невинность. — Не помню такого. Ну-ка, где тут автоматы? Хочу услышать звон монет!

Он отправился в толпу, а я уселся за покер. Стоило вообще пугаться! Сегодня мы непобедимы. Такая удача даже этим верзилам утерла нос. Она определенно на нашей стороне! Вдохновленный, я открыл карты — и внутри екнуло: туз и король пик, а на столе — такой же валет. Здесь прямо-таки пахнет флеш-роялем! Прошел круг ставок, но я, задержав дыхание, даже не повысил. Ну, пожалуйста, пожалуйста! Дилер вытащил следующую карту, и я задохнулся: десятка пик.

Адреналин ударил в голову. Теперь нужна дама. Дама пик.

Ну, конечно же, следующей будет дама! Иначе и быть не может! Удача сегодня — вся моя. И это мой триумф. Кульминация. Пик успеха. Ну же, женщина, не подведи меня!

Я про себя улыбнулся: какое совпадение. Пики — пик. Помотал головой, отгоняя игривое самодовольство, и выдвинул все свои фишки.

— Ва-банк, — сказал я, и голос мой зазвенел от предвкушения.

Слишком высокая ставка. Не ответят. Сосед спасовал. Следующий тоже вышел. И третий сложил карты.

— Ва-банк, — тихо, но спокойно проговорил последний.

Дилер вытащил пятую карту, и я зажмурился.

Открыл глаза — и ничего не почувствовал. Вернее, ничего — вот именно это я и ощутил. Гулкую пустоту.

На столе лежала десятка червей.

— Пас, — мой противник почему-то улыбался.

— Пас, — отозвался и я.

— Вскрывается, — донесся голос дилера из какой-то невозможной дали.

У меня не было даже пары. Четыре карты одной масти — жалкая насмешка, обманутый флеш-рояль. А вот у противника была тройка. Хиленькая тройка. Смешно!

Я смотрел, как мои фишки уходят, потом встал и на негнущихся ногах двинулся прочь. Нужно найти остальных. Попросить в долг. Отыгаться. Сейчас же. Это какое-то досадное недоразумение! Удача моргнула и проглядела меня. Сейчас, сейчас! Я все верну!

Я нашел Стила у автоматов. Тот забирал свой последний выигрыш.

— Ну, ты даешь, — покачал он головой. — Расслабился?

Стил вернул мне «стартовый капитал», который я дал ему в самом начале.

— Приказываю тебе отыгаться! — с шуточной суровостью добавил он.

Я быстро кивнул и вернулся за покерный стол, однако удача больше не шла ко мне в руки. Я проиграл возвращенное Стилом, потом взял «в долг» у Жана, но и это ушло меньше, чем за полчаса. Я уже потерял счет тому, сколько просадил и кому эти деньги принадлежали. У меня

кружилась голова, и я мало что понимал. Я пытался еще найти Кита, но они с Эдит куда-то пропали, а потом Стил рассказал, что и у них дела идут не очень. Я кружил вокруг злополучного стола для покера: то присаживался и проигрывал жалкие остатки средств, то вставал и нарезал круги рядом, лихорадочно прокручивая игры раз за разом и силясь понять, где я ошибся и как это можно исправить. Однако деньги таяли, а друзья мне уже толком помочь не могли. Фортуна отвернулась и от них.

В зале было шумно, но музыки, разговоров и стука костей я не слышал. Игра меня не пускала. Я проиграл часы, золотые запонки и уже замахнулся на автомобиль, как советовала Лилиан, но чей-то возглас отчаяния от внезапного проигрыша на мгновение меня отрезвил. Я вскочил с места и бросился вон, на улицу. Лилиан то ли не увидела, куда я пошел, то ли за мной идти не захотела. Сейчас я за это был ей благодарен. Мне нужен был только свежий воздух, ничьих сочувственных или осуждающих взглядов мне не хотелось.

Снаружи было прохладно и тихо: стояла ночь. Шуршал фонтан в цветных всполохах подсветки, шевелились ветви равнодушных кленов. Из полуоткрытых

дверей казино доносилась приглушенная музыка, но здесь она казалась почти шепотом. Я подошел к фонтану и помотал головой, отгоняя пляшущие перед глазами фишки.

Я помнил, что спрашивал про время, когда отдыхал после первого крупного выигрыша в одном из баров. Было утро, и довольно позднее. Но теперь снова было темно. Я ужаснулся: неужели мы провели в казино сутки, даже не заметив? В животе в подтверждение заурчало, а на веки навалилась свинцовая усталость. Хотелось рухнуть прямо здесь, под клены.

Пока что я плохо понимал, что произошло. Чудилось, что я еще могу отыграться, и ничего не потеряно. Восторг азарта в моей памяти был еще слишком свеж. Вернуться, возратить все до цента... или хотя бы половину! Четверть! Ведь это так просто — наверняка удача ждет где-то за углом... И нужно так немного. Она вернется, нужен только шанс!

Однако ставить мне было больше нечего. Здесь, с собой, у меня ничего не осталось, кроме обратного билета с открытой датой. Но даже не в этом было дело. Прохладный ночной воздух трезвил голову, и я все яснее осознавал, что

возвращаться в казино не хочу. Чудовищная усталость обрушилась на меня как груда камней. Мне казалось, я не спал сотню лет. Все кружилось, плыло, бурлило. Игральные кости посыпались передо мной прямо в фонтан, за ними запорхали карты, стали шлепаться фишки. Я никак не мог различить кругов на воде и перегибался через ограждение, силясь увидеть в полумраке хоть что-то. Только через несколько минут я осознал, что брежу, и зажмурился.

Довольно. Хватит с меня.

Я распрямился.

Пора домой. И в Америку я больше ни ногой: здесь меня ждут одни разочарования.

Глава восьмая

Париж плыл в раскаленном мареве. Август обрушился внезапно: июнь и июль еще были теплыми, спокойными, а потом грянула жара. Улицы растекались в горячем воздухе, ветви деревьев никли к земле, как будто в жажде, асфальт казался зеркально-влажным, а прохожие то

и дело переводили дух в блаженно-прохладных кондиционированных магазинчиках.

Я проживал дни в праздной лени. Стоило бы выбраться на природу, как делало благоразумное большинство, но у меня традиционного августовского отпуска не было. Он был у меня теперь всегда, и я уже не чувствовал ценности свободных минут, потеряв всякий интерес к обычным летним развлечениям.

По правде говоря, я никогда особенно не перетруждался, но совесть мою все-таки что-то занимало. Лекция, даже если я собирался ее прогулять, все равно маячила в расписании, и я нет-нет, но думал о ней; пусть всего пару мгновений, но думал. Скучный семинар, благополучно пропущенный в баре, все-таки всплывал в разговоре. Объемное эссе с приличным списком литературы дождалось последнего момента, все-таки заставляя меня ворочаться во сне.

Теперь я мог не беспокоиться о таких пустяках. Я был свободен как ветер. Мог отправиться в медово-лавандовый Прованс, в лазурную Ниццу или на прохладное Атлантическое побережье. Мог купаться в горных озерах, в

море или в океане. Мог запереться на какой-нибудь вилле в Бретани и пить, не просыхая, или арендовать замок с конюшнями и кататься верхом каждое утро.

Но мне было все равно, где я. И совершенно не хотелось тратить силы. Поэтому я оставался дома, бессмысленно существуя день за днем в праздности, пустоте и равнодушии. Я медленно передвигался от постели к бассейну, где проводил на лежаке полдня, то загорая, то попивая коктейли, то забываясь случайным сном. От бассейна я шел к обеденному столу, где в одиночестве поглощал блюдо за блюдом, даже не чувствуя их вкуса. Чтобы не смотреть в пустую стенку, я брал с собой ноутбук и без интереса читал новости. Потом выбирался в город, чтобы развлечься покупками или походами в бары и кофейни, но чаще оставался дома, лениво заказывая доставку понравившихся товаров и попивая сваренный поваром кофе. Я пытался читать какие-то романы из библиотеки родителей, но отбрасывал книги одну за другой: все было пресно, банально и давно знакомо, а то, что казалось новым, выходило совсем неинтересным. Вечером я выходил к бару в гостиной, где Кристоф предлагал мне что-

нибудь выпить. Иногда ко мне присоединялись друзья, но чаще я оставался один, выбираясь в сад, чтобы прогуляться.

Мне было жарко, пусто и невыносимо скучно. Я искал, чем бы заняться, перебирая занятия одно за другим, но ничего не шло дальше двух попыток. Я заинтересовался было стрельбой из арбалета, но забросил занятия уже через пару дней. То же получилось и с теннисом, охотой и коллекционированием оружия. Я присматривался к старым автомобилям, но отвлекался через час. Загорелся идеей купить породистого жеребца, но потом заскучал, представив, что придется нанимать конюха, жокея и еще неизвестно кого: хлопоты меня раздражали.

Я бросил попытки разнообразить свое существование и разминал ноги, бродя по дому без зазрения совести. Мне нравилось представлять, что я заблудился в огромном поместье, что вижу все эти переходы, коридоры, двери и полотна на стенах впервые. Я смотрел на все с придуманным любопытством, и иногда мне и вправду становилось интересно. Некоторые предметы искусства я действительно замечал впервые и разглядывал их подолгу, стоя перед ними, пока не уставали ноги. К концу лета я понял, что всерьез заинтересовался живописью. Это

открытие окрылило меня, и вместе с наступлением нового времени года изменилась и моя жизнь.

Мне больше не было скучно.

Раньше я никогда не обращал внимания на искусство. Пробегал мимо, мельком бросал взгляд, и все это казалось далеким, чужим, недостижимым. Я знал, что полотна дорогие, что они, возможно, гениальны, и оттого они меня отталкивали: слишком высокая материя, слишком сложно. Но теперь, рассматривая картины в духе авангарда, я понял, что смогу не хуже. Вглядываясь в детали, я стал замечать закономерности, увидел под слоями краски линии и движения, поймал что-то, что мне казалось осознанием техники. Сейчас я смотрел на холсты не как на инопланетное великолепие, а как на систему, разложенную на составные части. Цепочка распалась на звенья, и это открытие изумило меня.

Я не знал, какая разница между масляными красками и акварелью, плохо понимал, что за кисти «для лессировки» или «для фактуры», чем хороши кисти с синтетическим волосом или колонковым, и не мог сказать, хочу ли я писать

на бумаге или холсте. Я просто заказал все, что выглядело самым очевидным и простым, а потом приступил к делу.

Я подошел к захватившему меня вопросу со всей серьезностью. Я пока еще не понимал, к чему приступаю, но мне нравился собственный пыл. И потому я обустроивал свою творческую студию с настоящей любовью. Отвоевал у Филиппа чердак, заставив горничных под его руководством очистить помещение от чемоданов, ящиков, поеденного молью хлама и паутины. Затем заказал ремонтную бригаду, и двое расторопных рабочих за неделю превратили пещеру из кошмарного сна в симпатичное светлое помещение. Я въехал туда, не переставая ухмыляться от предвкушения, и стал размещать в «кабинете» все свои новые приобретения. Мольберт поставил у круглого окошка, выходящего в сад, краски рассортировал по типам и разложил на полках; там же аккуратно поместил кисти, палитры, карандаши, растушевки и все остальное, что купил, выбрав наугад и не особо понимая, что для чего.

Обессиленный, я закончил глубокой ночью, поэтому писать решил начать утром: и свет приятнее, чем электрический, и сил больше, и удовольствие предвкушения растянуть приятно. Я впервые засыпал с нетерпением, а

проснулся одновременно с восходом солнца, даже не попросив принести кофе.

Поначалу краски лепились в пластилиновое бесформенное умопомешательство, но кисть подчиняла фантазию, выравнивая их в разумное целое. Мазок за мазком, линия за линией — я сам не замечал, как проходило время. В отремонтированной студии пахло свежей штукатуркой и деревом, из окна тянуло свежескошенной травой (садовник опять любовно работал над газоном), заглядывало краешком солнце. А я с любопытством продвигался по холсту, забирая красками сантиметр за сантиметром, и с удивлением отмечал, что мне нравится.

Я боялся, что не получится. Несмотря на весь пыл, я выброшу первый же холст, а за ним — второй, третий... Я немного опасался и собственного рвения. Что, если, попробовав, я тут же перегорю, столкнувшись с трудностями? Но если сложности и собирались появиться, то позже. Пока что у меня выходило. По крайней мере, выходило то, что мне было по душе.

Полотно получилось яркое, полное цвета. Я и сам не знал, что именно хотел изобразить, но точно осознавал, что хочу *выразить*.

Это был сад. Я невольно подглядывал за окно, следил за садовником, рассматривал его форменные треугольные кусты, вытянувшиеся военной шеренгой вдоль дорожки. Но мой сад был словно бы мутным отражением действительности. Он колебался волнами, двигался, но не так, как на детских рисунках, а причудливо, сказочно. По крайней мере, мне казалось, что в этом что-то есть.

И если формы сада и верхушки его деревьев различить можно было с помощью фантазии, то ощущения, которые я выплеснул, читались куда проще. Восторг, упоение чем-то новым; нечто яркое и сочное, свежее, как молодость; это было внезапное осознание своей причастности к чему-то созидательному, моя попытка что-то *совершить*.

Отложив кисть, я отошел и долго смотрел на свою работу. Восхищение от собственного успеха кружило мне голову. Хотелось сейчас же схватить картину и принести ее Филиппу, Кристофу, Коринн — да всем! Чтобы взглянули,

оценили, ахнули... Или сейчас же их всех сюда позвать. Пусть посмотрят, пусть все сюда поднимутся!

Потом я немного отдышался, поостыл и успокоился. У меня получилось. Но так думаю только я. И нечего ждать объективности от прислуги. Вряд ли они смогут искренне признать, что картина не удалась. Кому стоит показать написанное, так это матери Жана. Она скульптор. Уж она понимает, что к чему, и сможет оценить работу по достоинству. Но перед серьезной проверкой нужно пригласить друзей.

Когда внизу зазвонили, я даже не дал Филиппу пройти. Сбежал по лестнице, опередил старого швейцара и распахнул дверь сам.

— Что у тебя за вид, друг? — охнул прибывший Жан.

Перешагивая порог, он удивленно покосился на мою рубашку. Она, как и мои руки, была в пятнах краски — я совсем позабыл переодеться, все бродил вокруг своего первого творения.

— Охра? — Жан в задумчивости провел пальцем по моей руке. — Кадмий и виридиан... Тебя покусала моя мама?

— Сейчас все увидишь, — отозвался я, не переставая улыбаться. — Я кое-что нашел.

— Самовыражение в цвете?

— Можно сказать и так, — я таинственно улыбнулся. Где-то внутри меня будто горело огромное, теплое, радостное солнце. Теплое, но не обжигающее. Мне хотелось скорее со всеми поделиться этим восхитительным чувством.

Сейчас все, что касалось красок и кистей, казалось мне священным, сакральным, покрытым тайной. Разве мог я представить раньше, что простые цвета и линии могут принести столько радости?

Остальных долго ждать не пришлось. Лилиан не отрывала взгляда от мобильного, переписываясь с очередным ухажером, который «оказался куда любопытнее, чем ей показалось».

— Остроумен, — пояснила она коротко и снова уткнулась в экран, загадочно улыбаясь.

Стил принес упаковку пива, но я решительно отверг подношение:

— Никакого алкоголя.

Нам нужна трезвая голова! И как можно думать о пиве, рассматривая предметы искусства? Стила оправдывало то, что он, как и остальные, ничего не знал о предмете, который я собирался продемонстрировать друзьям.

Эдит пришла последней, была молчалива и выглядела немного замученной.

— Все в порядке, — помотала она головой. — Немного поссорились с Китом.

Отвечать на дальнейшие расспросы она отказалась, как Лилиан ни пробовала у нее что-то выпытать.

— Все, правда, в порядке, ребята, — устало отмахнулась она. — Давай уже, Леон, показывай. Что у тебя там?

Я не знал, как себя вести: стоит ли пожалеть ее, попытаться еще узнать что-то или вовсе не лезть не в свое дело? В конце концов я остановился на последнем, отвлекшись разговором Жана и Стила об одной из картин,

висевших в холле. Произведение было довольно классическое (по крайней мере, насколько я мог судить). Немного скучное в своей академичности, но с приятным, мягким светом. Я точно бы не сумел изобразить подобное без теории и хоть какой-то практики. Но судя по отвращению Жана, начинать нечто похожее мне вовсе не стоило.

— Как по линейке, — фыркнул он. — Никогда бы себе такую банальщину не повесил.

— А я бы лучше голую красотку заказал, — мечтательно завел глаза Стил. — Повесил бы прямо напротив двери.

— Подружки изведут тебя ревностью, — хихикнула Лилиан, отрываясь на секунду от болтовни со своим новым знакомым. — «Кто это? Твоя бывшая? Ты все еще ее любишь?»

— Больше ревности — больше интереса, — пожал плечами довольный Стил. — Хороший же план, согласишься.

— Тогда лучше сразу в спальню. Чтобы диалог логично вписать в процесс, — предложила Лилиан.

Эдит молчала, пусть и улыбнулась за компанию краешком губ.

Я отвлек друзей:

— Мы все в сборе. Идемте!

Поднявшись до узенькой лестницы на чердак, ребята стали возмущаться.

— Я сегодня уже ходил в тренажерный зал, — пожаловался Стил. — Зачем так издеваться? Куда ты нас ведешь?

— Наберитесь сил для последнего восхождения! — торжественно произнес я. — Мы почти у цели.

Лириан споткнулась, не заметив ступеньку, и выронила телефон.

— Мне потребуется все твое внимание, — я поднял его и спрятал в карман.

Подруга запротестовала и попыталась вернуть свою собственность, но я был непоколебим. Я отстранил ее руки, твердо добавив:

— Это очень важно.

Лириан не выдержала и прыснула.

— Ты как будто открыл параллельную вселенную и именно ее собираешься нам продемонстрировать.

— Может быть, — неопределенно кивнул я.

— Ух ты, — только и бросил Стил, первым оказавшись на чердаке.

— Что там? — сразу заинтересовалась Лилиан.

Они все собрались вокруг мольберта, с которого я так и не снял картину, и стали обсуждать. Я стоял рядом и со страхом, смешанным с восторгом, который отдавался в глубине живота, ждал вердикта. Реакция не была такой бурной, какой мне хотелось бы, но полотно явно понравилось.

— Неплохо, — покивал Жан. — Что-то в этом есть.

— Нашел новое хобби? — спросил Стил.

Мне хотелось поспешно воскликнуть, что это будет куда большим, чем хобби, но я промолчал. Я и так чувствовал себя смущенным подростком, представляющим свое сочинение на выпускном экзамене.

— Да-да, — продолжал Жан. — Приятная работа. Какие цвета!

— А что, отличная арт-терапия, — заметила молчаливая Эдит.

— Сказочно, — вставила и свое определение Лилиан.

Она пыталась проявлять уважение к «смотру» картины, но заметно косилась в сторону моего кармана с ее мобильным.

— Держи, — с улыбкой сдался я.

Лилиан снова занялась своим воздыхателем, а я слушал Жана.

— Только композиция слабовата, — он наклонил голову. — Цвета потрясающие. Взрыв, фейерверк. А вот с композицией поработать бы. Но знаешь, что... — он подумал.

— Что же? — нетерпеливо спросил я.

— Мне кажется, можно показать картину моей матери.

Я кивнул:

— Я тоже об этом подумал.

— Вот и чудесно. Жаль, что ее нельзя прямо сейчас взять с собой, все краски смажешь. Значит, призовем на помощь чудо цифровой фотографии, — он направил на мое

творение свой телефон. — Приходи ко мне завтра на ужин. Покажешь картину и вкусно поешь.

В порыве радости я обнял друга.

— А мы куда-нибудь пойдём? — подала голос Лилиан. — Я знаю чудесное местечко: в паре кварталов отсюда открылся потрясающий бар. Сейчас еще для коктейлей рановато, а вот для бильярда — самое то. Что думаете?

— Я за, — поспешил Стил. — После хорошей игры у еды и напитков особенный вкус.

— Ты все об одном, — скривился Жан, отвлекаясь от моей картины. — Эти твои американские закуски... Корм для крыс!

— Ну, к тебе мы сегодня вечером пойти не можем, — Стил пожал плечами. — Твои повара от двух суперужинков подряд собьются с ног. А вот завтра... Пстой-ка, а мы? Ты пригласил нас?

— Это семейный ужин, — неуверенно начал Жан.

— Мы — твоя семья, — засмеялась Лилиан. — Давай-давай, приглашай всех. Будет еще веселее.

Чердак наполнился смехом и выкриками спорящих, а я на секунду помрачнел: какие же они несерьезные. А ведь речь идет об искусстве. Как можно! Но потом мотнул головой и присоединился ко всеобщему веселью.

Я был не особенно хорошо знаком с матерью Жана. За все годы нашего знакомства я видел ее несколько раз мельком, а заговаривал — и того меньше. Разве что здоровался и интересовался настроением, а она тут же исчезала по своим делам. Диана немного походила на птицу: могла вспорхнуть с места в долю мгновения, стоило какой-то идее прийти ей в голову. Она казалась порывистой и не очень внимательной; это же сквозило и в ее движениях. Ходила она быстро, словно все время куда-то спешила, и резко жестикулировала, будто мучилась от невозможности выразить в одних словах все, что хотела. Но это было все, что я успел заметить за все наши встречи.

Теперь, за ужином, я мог разглядеть Диану как следует. Последний раз, когда я ее видел, она была одета в рабочую одежду. Теперь на ней было простое, но явно дорогое платье с ниткой причудливых бус, и я даже не сразу

ее узнал. Она сидела за столом прямо, с достоинством настоящей леди, но поглядывала на гостей с блеском в глазах, словно ожидая от них знака, который разрешил бы ей снова превратиться в беспокойную, поглощенную новой идеей птицу.

Я ждал удобного момента, слегка смущенный от внезапного страха: понравится ли ей моя работа. Разговор крутился вокруг другого, а мать Жана была поглощена болтовней с Лилиан по поводу каких-то только им понятных женских штучек. Здесь же была Эдит — снова без Кита, опять неразговорчивая, но чуточку повеселевшая. Похоже, атмосфера небольшого домашнего праздника шла ей на пользу. Стил по большей части тоже молчал: Жан и его мать, а вместе с ними и атмосфера всего дома слегка задевали его своей помпезностью. И если с одним только Жаном он мог вести себя по-свойски, то с его матерью близко сойтись не спешил. Я вспомнил его боевую веселость в последний наш визит в этот дом и улыбнулся. Тогда, в день рождения Жана, мы были предоставлены себе: пили, смеялись, заигрывали. То была вечеринка для молодежи. Этот же вечер был степенно-элегантным вечером в семье, пусть эту роль и играла одна его мать: бабушка и

дедушка снова были в отъезде, как делали все добropорядочные пожилые люди в августе.

Наконец я не выдержал и воспользовался случайной паузой в разговоре.

— Я хотел бы вам кое-что показать, — обратился я к Диане и выразительно посмотрел на друга.

— Ах да, фотография, — вспомнил он, отложив приборы. — Леон тут кое-что написал...

— Написал? — переспросила она, и мне показалось, что ее глаза наконец-то вспыхнули интересом.

— Это, конечно, только попытка... — оправдывался я, пока Жан искал фотографию моей картины в своем телефоне.

— Неважно, — мотнула головой Диана. — Мне очень любопытно!

Жан возился невозможно долго, и я уже стал нервничать, что он нечаянно удалил фотографию.

— Потрясающий соус, — зашебетала Лилиан. — Можно попросить у вашего повара рецепт?

Я взглянул на нее почти с негодованием. Как можно говорить о еде, когда речь о моей первой картине!

— Не могу найти, — сказал было Жан. — Ах, вот она!

Я уже успел отчаяться, но снова воспрянул духом. Удивительно, какой важностью обернулось все, что окружало мое «творчество».

Жан протянул свой телефон матери, и та стала разглядывать фотографию. Молчала она порядком, так что я снова заерзал на месте, как школьник, у которого спрашивали домашнее задание. И что она скажет?..

— Недурно, — она кивнула. — Весьма недурно. Неплохой рисунок.

Рисунок? Мне захотелось возмутиться.

— Цвета сочные, просто прелесть, — продолжила она.

И вернула мобильный Жану.

— Так что вы думаете, могу я заниматься живописью? — спросил я нетерпеливо.

Диана помедлила, обдумывая ответ, а потом улыбнулась:

— Искусство неплохо отвлекает. Хороший способ выплеснуть эмоции. Почему бы и нет?

Но я помотал головой:

— Нет, именно *живописью*. По-настоящему.

Мать Жана усмехнулась:

— Для того чтобы стать художником, нужно много знать и долго практиковаться. Но работа неплохая, это правда.

Мне показалось, что она лишь успокаивает меня, как расшалившегося ребенка.

— Но мне действительно хочется этим заниматься!

— Тогда тебе предстоит длинный путь, — отозвалась она, и в ее взгляде проскользнуло какое-то беспокойство. — И поверь, путь этот не для каждого. Не всем удастся дойти до конца. К тому же очень немногие знают, где этот самый конец. Некоторые выходят за грань, сами того не замечая.

— За грань? — переспросил я. — О чем вы?

Диана снисходительно улыбнулась.

— Искусство — это сложно. Это не цифры, которые легко уравнивать. Проверить картину на правильность, как уравнение, тебе не удастся. А критики и «ценители» бывают разные, многим стоило бы подучиться хорошему вкусу.

Только ты сам никогда не узнаешь, какой перед тобой критик.

— Ну, вы — наверняка отличный, — улыбнулся я немного несмело, сбитый с толку туманными предостережениями.

Мать Жана звонко рассмеялась.

— Ах, милый, ты еще так молод!

Я оторопел еще больше и не очень понимал, понравилась ли ей все-таки моя картина или нет.

— Фантазия прелестная, — как будто читая мои мысли, сказала Диана. — Но если ты всерьез заинтересовался живописью... — она снова взяла у Жана фотографию. — Подправь хотя бы диагональ вот здесь, — подумав, посоветовала она.

Я взглянул, куда она указывала, и кивнул.

— Нет-нет, для начала очень неплохо, — добавила она, словно оправдываясь. — Но где же второе? — вдруг вспомнила она. — Я уже успела проголодаться!

— И правда, — вмешался Стил. — Порции у вашего повара какие-то маленькие. Надеюсь, нас ждет еще не одно блюдо?

Мать Жана засмеялась шутливой бесцеремонности гостя, а я призадумался. Нет, отвращения или презрения в ее словах я не слышал. Ей понравилась картина, но видела она в ней всего лишь терапию творчеством, временное увлечение. Как, судя по всему, и мои друзья. Я же чувствовал, что открыл для себя нечто удивительное. Такое, которое нельзя было отпустить, едва попробовав. Коснувшись кистью холста, я понял, что двумя мазками мне не отделаться. Все это выглядело куда более долгоиграющим, чем флирт с очередной красоткой. Я поморщился, вспомнив Таню, и тут же подумал, что, флиртуя с ней, уж точно не играл в увлечение, которое неминуемо должно было окончиться спустя несколько дней. Но она была исключением. И даже это исключение подчинилось правилу, пусть и не по моей воле. А вот живопись...

И я твердо решил доказать всем, что не просто играю.

Я стал искать занятия, которые дали бы мне «серьезную» основу, теоретическую базу. Интернет изобилует разнообразными программами, курсами и модулями; это были частные уроки, лекции и семинары в

специальных школах, образовательных центрах и университетах. Их было столько, что у меня глаза разбежались, и я решил начать с самого общего: записался на курс истории искусств в одном из колледжей и ощутил небывалый прилив энергии от одной мысли, что мне снова придется ходить на занятия. На этот раз не было давящего ощущения чужеродности, только предвкушение. Наверное, так получилось оттого, что записался я свободным слушателем, и сдавать экзамены мне было не нужно. Я мог уйти, когда хотел. Но я не хотел, и в этом было все дело.

Лекции начинались в октябре, и пока что я усиленно готовился, чтобы у меня не было совсем уж круглых глаз на первом же занятии. Начал я с простого: обшарил интернет в поисках подходящих материалов, начитался разнообразных статей о техниках, материалах и известных художниках. Открывающийся передо мной мир казался таким увлекательным, что я поймал себя на мысли: я не замечаю, как дни пролетают один за другим. Иногда, зачитавшись, я забывал пообедать, и только напоминание Филиппа заставляло меня отодвинуть ноутбук. Но я возвращался через десять минут, заглотив всю предложенную пищу без особого понимания, где что. Какая там Сицилия с ее

гастрономическими восторгами! Она была теперь далеко, невозможно далеко. Как и ее восхитительная паста со сливочно-грибным соусом, тонкая, хрустящая пицца с пикантными красными перчиками, салаты из баклажанов со свежайшим оливковым маслом... Нет, все это уже выветрилось из памяти. Я даже не понимал, мясо передо мной или овощи — я витал в облаках, обдумывая новые идеи картин. Ел я быстро, не чувствуя вкуса, а в голове между тем рождался эскиз.

Но чем больше я читал, тем страшнее мне было подходить к мольберту. Отложив статьи, я брался за кисть, но выходило все неуверенное. Линии, силуэты и тени по-прежнему рождались в воображении, но я начал бояться их воплощать. Я стал чаще бродить по саду, чтобы рассеять неуверенность и прогнать из головы пугающий пласт теории. Она казалась бездушной, бесконечной, и я не знал, как охватить ее всю. Я читал и ясно понимал, что мне нужно узнать еще столько нового, а прогулки немного успокаивали, заставляли мысли двигаться. Я возвращался в свою студию с новыми силами, и тогда дело шло, но все равно: изнутри засел страх. Уже не было того восторга первой победы, когда не можешь еще разумно оценить

созданное, потому что все овеяно романтическим флером новизны. Теперь я уже понимал, что первая моя картина была неуклюжей попыткой, и восхищался я собственным азартом, а не написанным.

Но опасения меня не останавливали. Октября я ждал не с такой слепой радостью, которую испытывал раньше, но рвения все-таки не растерял. И теперь в моем увлечении живописью начала появляться какая-то трезвость.

Я стал меньше видаться с друзьями. Меня не тянуло в шумные места, пить не хотелось, а смех раздражал. Я погрузился в себя, гонясь за новыми деталями для картин, а бесконечное изучение теории выматывало так, что к полуночи, если я сидел за ноутбуком, а не брался за масло, перед глазами плыли круги. Я засыпал как младенец, и спал крепко, как никогда. А утром снова брался за дело.

Мне показалось даже, что слугам мое вечное пребывание дома не по вкусу. Словно бы без меня им легче работалось. Или вовсе не работалось?.. Мне было все равно. В конце концов, они только слуги.

К концу сентября я забросил интернет, замучавшись слепыми поисками. Незнание, откуда начинать и чего стоит

придерживаться, выматывали, и я решил дождаться занятий, которые могли разложить все по полочкам. А пока что сосредоточился на практике и изводил тюбик краски за тюбиком. Вся студия теперь была заставлена сохнувшими картинами, а я продолжал, пробуя новое. Пока еще было тепло, но уже не так нестерпимо жарко, как летом. Я переместил мольберт в сад и писал там, прерываясь на сэндвичи и кофе, которые приносил Филипп. Здесь вдохновения было даже больше, а чистый воздух кружил голову. Я копировал свет, тени в листьях деревьев, изгибы рисунка на коре, песчинки под ногами, рябь на поверхности пруда, но не списывал окружающее на холст. Я только брал подсказки и смешивал их по-своему, подчиняя собственной фантазии и вплетая в совершенно другой рисунок. Подсознательно я следовал за экспрессионистами: пытался выразить то, что чувствовал, не особенно обращая внимание на точность изображения деталей. Все, что я писал, было чистыми эмоциями, а фигуры, здания, природа оказывались только предлогом, чем-то вспомогательным и дополнительным. Иногда я и сам мог с трудом различить в хаосе линий нечто разумное. Но разумное моей целью и не было. Зачем мне академическая точность, когда в ней нет

души? Скопировать реальность можно и фотоаппаратом. Но что он не может изобразить — так это ощущения. Однако первая же лекция заставила меня крепко задуматься.

Аудитория казалась белоснежной: белыми были и стены, и ряды столов полукружьем амфитеатра, и стулья. Все это и солнечный свет, который затапливал помещение, буквально ослепляло. Я уселся посередине и зажмурился: глаза никак не хотели привыкать. Я пришел одним из первых, чем удивил сам себя. В университет я с таким энтузиазмом не ходил и на лекции являлся одним из последних: по обыкновению, опаздывал минут на пятнадцать и пробирался на последние ряды, слушая преподавателя вполуха. Теперь это я с негодованием посматривал на опаздывающих.

Профессор оказался пожилым, низкорослым, и волосы у него были совершенно белые. Говорил он резко, почти грубо, и не улыбался. В аудитории сразу установилась тишина — такая же чистая, как стены, и даже ручку уронить было страшно: обращать на себя пронизывающий взгляд не хотелось. Нет, ненависти или презрения в его словах не было. Ни к собственному делу, ни к окружающим его людям. Но от одного его слова расшалившийся ребенок,

которого не успокоить никому, немедленно встал бы по стойке «смирно». В его голосе было что-то такое отрезвляющее, что хотелось сквозь землю провалиться хотя бы потому, что существуешь.

— Я хочу, чтобы вы поняли одно, — говорил он. — Пока не узнаете Великих мастеров, и думать не смейте о «мазне». Пока не умеете копировать до последнего изгиба то, что видите, все ваши «стилизированные» попытки — детские рисунки. Думаете, Мунк выбрал свою манеру потому, что *не умел* по-другому?

В аудитории стояла гулкая тишина. Запуганный ученик изнутри подсказывал: умел. Мне хотелось спорить, но я молчал.

— Древняя Греция, Рим, Восток и Византия — с них мы начнем и на них останемся, по крайней мере, в ближайшие три месяца. Кто знает, что такое станковая живопись?

В зале поднялась, наверное, треть рук, но профессор почти гаркнул:

— А должен знать каждый. Все до единого! Кто вы и почему сюда пришли?

К счастью, вопрос был риторическим. Я слушал, замерев, и радовался, что меня не спрашивают, но изнутри поднимался восторг. Да, этот человек научит, действительно научит!

Уже дома, поднявшись в студию, я даже не взглянул на свои старые работы, а принялся за совсем другое дело. Пристыженный словом «мазня», которое до сих пор отдавалось в ушах, я взялся за копирование. Мне хотелось доказать себе, что я умею выписывать реальность такой, какая она есть, а не просто смешивать краски в причудливые линии, повинуюсь одной только фантазии. И это оказалось куда сложнее, чем я думал.

Я и не заметил, как в мою студию кто-то вошел. Увлеченный своими попытками, я услышал скрип ступенек не сразу, а когда обернулся, увидел Жана. Он со смехом повел носом и стал осматривать мою галерею, заставленную просыхающими картинами.

— Решил тебя проведать, — сказал он. — Давно мы тебя не видели. Неужели бойкот?

— Все какое-то кривое! — отозвался я вместо приветствия, указывая на свои наброски.

Он оставил холсты и взглянул на листы бумаги, которые я отбрасывал в сторону один за другим.

— Я смотрю, пучина искусства тебя поглотила окончательно, — прокомментировал Жан. — Хочу пригласить тебя в город.

— Я там сегодня уже был, — буркнул я, не отрываясь от попытки запечатлеть яблоко, оставленное на столе.

— Неужели? — удивился Жан. — И что могло тебя отвлечь от этого художественного помешательства?

— Я записался на курс истории искусства, — ответил я. — Мне нужно больше знать. Думаю взять еще несколько. Лекции по живописи Возрождения, например. В курсе истории о ней говорят всего две недели. И еще не помешают несколько практических модулей. Времени ведь у меня навалом!

Я старательно вырисовывал яблоко.

— Да у тебя жар, — друг потянулся пощупать мой лоб, но я отмахнулся. — Послушай, ты знаешь, как я ценю искусство. Но твое состояние мне совсем не нравится. Чем все это кончится?

— А мне нравится, — я скомкал последний лист и начал заново.

Жан нахмурился.

— Я думал, тебя заинтересует мое предложение, но теперь понимаю, что только подолью масла в огонь. А я все-таки твой друг и отвечаю за твое психическое здоровье!

— Что за предложение? — отвлекся я.

Жан воспользовался моментом, ловко схватил яблоко и откусил.

— Сегодня открытие выставки одного молодого художника... — начал он, но я уже отложил карандаш.

— Что за художник?

— Ну... Работы довольно интересные, — Жан покосился на мои масляные шедевры. — В твоём стиле.

— Тогда идем!

Зал был погружен во тьму, и только картины выступали в пятнах света, который задевал иногда гостей. В полумраке загадочно поблескивали украшения женщин, сверкали пузырьки в бокалах шампанского. Играла

приглушенная музыка, и гости тоже говорили вполголоса, словно чего-то опасались.

Я обошел выставленные картины уже по второму разу, пытаюсь найти ту, что меня восхитила бы, но никак не мог. Я взял второй бокал, залпом его выпил и пошел по третьему кругу.

В помещении было прохладно, пахло свежим деревом, и голову кружило шампанское. Женщины мягко смеялись, наклоняя головы к своим спутникам, а те, что чинно прохаживались с подругами, поглядывали по сторонам, скользя взглядами мимо картин.

Одна из них все время возвращалась ко мне и смотрела внимательно, с чуть насмешливой улыбкой. Высокая, волосы темно-рыжего оттенка; ей было около тридцати, а может, чуть меньше. Одеты с иголочки, на первый взгляд строго, но игриво. На ней было длинное однотонное платье — в полумраке трудно было понять, черное оно или темно-зеленое, — спереди глухо закрытое, а сзади — я невольно охнул, заглядевшись, — длинный вырез во всю спину. Она заправила за ухо прядь волос и перевела

взгляд с меня на картину, перед которой стояла. Рядом с ней никого не было. Почти приглашение, безмолвное одобрение.

Выставка повергла меня в уныние. Я думал, что приду в восторг, буду переходить от одного полотна к другому, находя знакомое и похожее, черпая вдохновение у «старшего брата». Но ни одна из линий мне не нравилась, цвета казались тошнотворными, их сочетания — невообразимыми, а фигуры — надуманно-карикатурными. И хотя стиль походил на то, с чего я сам начал, ничего близкого на самом деле не было. Ни во вкусе, ни в исполнении, ни в фантазии. Мне было почти противно смотреть на то, что было так рядом с моими собственными картинами, а выглядело так отталкивающе. Я поймал третий бокал шампанского у проходящей мимо официантки, надеясь, что алкоголь что-то изменит в моем восприятии, но бурлящие пузырьки только уверили меня в том, что искать здесь совершенно нечего.

Выхода у меня не было: я подошел к картине, которую разглядывала красавица в платье с открытой спиной.

— Отвратительная выставка, — выдал я, особенно не церемонясь после всего выпитого. — Не цепляет. Ничего не цепляет.

Уголки губ незнакомки изогнулись в удивленной улыбке, и она повернулась ко мне.

— А вы откровенны, — заметила она. — Обычно мнутя и сыплют штампами. Или смущенно молчат. Ну, или вываливают целую гору комплиментов, только бы не стоять в тишине.

Я был слишком поглощен собой и своим неприятием происходящего, но заметил, что женщина как будто немного смешалась от моих слов.

— Но если есть мнение — зачем его скрывать? Нет ничего лучше правды.

Ее глаза смеялись. Она окидывала меня заинтересованным, чуточку смущенным, но при этом слегка покровительственным взглядом, который разрешал ее возраст. Я смотрел на нее прямо, дерзко. Меня раздражало, что выставка вызвала у меня только отвращение, что Жан куда-то исчез, встретив знакомых, что моя работа стоит, а яблоко никак не выходит, что все те картины, которыми

была заставлена моя студия, пугающе скрывали в себе частичку того отвратительного безумия, которое разворачивалось здесь, в этом зале.

— Обычно стараются быть тактичными, — сказала незнакомка и снова поправила скользнувшую на лоб прядь.

— А что вы сами думаете по поводу этих картин? — спросил я.

Женщина повела плечом.

— Трудно судить о себе самой.

Я не сразу понял, в какую переделку попал, но она уже смеялась над моим сконфуженным видом.

— Вы даже не потрудились почитать об авторе, верно?

— Признаюсь, на выставку меня затащил друг, — начал оправдываться я. — И узнал я о ней только час назад. К тому же он говорил о художнике, но никак не о художнице...

— Ну, что же, теперь вы знаете, что к чему, — усмехнулась она. — Но мне нравится ваша прямолинейность. Вокруг одни лицемеры, сплошная лесть и вкрадчивые улыбки. Как же я от них устала!

Меня тянуло рассмеяться, но я все пытался попросить прощения:

— Если бы я знал...

— ...то тоже соврали бы? — она хитро прищурилась, оглядывая меня с ног до головы. — Эстель, — представилась она.

— Леон.

— Вы ведь тоже пишете, верно? — вдруг спросила она.

— Откуда вы знаете?

— Запах краски, — сказала она и рассмеялась на мой недоуменный вид. — Шучу. Это заметно. Хотите посмотреть на другие мои работы? Может быть, они понравятся вам больше, чем выставленные сегодня.

Я колебался. Голову кружил аромат ее тонких духов, ее нагая спина сводила с ума, темный, внимательный взгляд завораживал. Впервые за вечер мне было интересно, и даже сбитый с толку собственной глупой ошибкой, я улыбался. Мне и вправду было любопытно побольше разузнать о том, что могло бы открыть для меня новые двери в искусстве, однако как женщина незнакомка меня сейчас интересовала

куда меньше. Она была прекрасна, но совершенно не в моем вкусе. К тому же я был так сосредоточен на красках и кистях, что думать о другом просто не мог.

— Почему бы и нет, — выдал я наконец.

Задумчивость не ускользнула от взгляда моей новой знакомой, и я заметил, как крепко она вцепилась в ножку своего бокала. Ее определенно выводила из себя моя рожденная шампанским дерзость и то, что я не выглядел слишком уж виноватым. А тут еще и посмел сомневаться в ответ на ее предложение. Она привыкла получать все, что хотела, и терпеть не могла, когда ей противоречили. Это было видно. Да и кто я такой, чтобы критиковать ее произведения?

— На следующей неделе, — добавил я.

Мне хотелось посмотреть, могу ли я с ней поиграть, хотя бы в начале. Слишком уж она хороша и неприступна, вдобавок заметно старше, а тут — сопротивление, и от кого? К тому же живопись сейчас занимала весь мой разум, и так быстро отодвигать то, что засело внутри так крепко, я не собирался. Мне хотелось вернуться домой, пересмотреть то, что уже написал, и выкинуть все к чертовой матери. Я не

сомневался, что теперь взгляну на свою «мазню» совсем другими глазами. Мне нужно начать сначала. Написать что-то совершенно другое. Найти что-то отличное. Во всех смыслах. И это должно быть нечто далекое от того, что я писал раньше, и от того, что выставляет эта красавица.

— Вы занятой человек, — отметила Эстель.

— Суббота вам подходит?

— Может быть, — она наклонила голову.

Она пронизывала меня откровенно смеющимся взглядом. На мгновение я весь сжался, снова ощутив себя испуганным школьником, который заигрался, но потом вспомнил, сколько выпил и как это должно меня бодрить. Она была красива и много знала о том, что я так жаждал познать. Приятное внимание и полезная информация — все в одном флаконе!

— Очень надеюсь, — искренне отозвался я. — Когда я начинал писать, все казалось безумно простым. Но чем дальше я двигаюсь, тем яснее понимаю, что был неправ.

— О, да, — кивнула художница. — Нет ничего более субъективного, чем искусство. И давно вы увлеклись?

— Несколько месяцев назад.

— Всего ничего. А я пишу всю жизнь, — она посерьезнела. — И работы, поверьте, разные. У каждой своя история и свой смысл. И нравятся они совершенно различным людям. А иногда — никому. Иногда то, что нужно выразить (то, что так и рвется наружу), никак не назовешь красивым, какие стандарты ни подставляй. Искусство не всегда может быть приятно глазу: оно служит инструментом выражения. А выражать человек способен отнюдь не только прекрасное. И это я хотела показать картинами, отобранными для этой выставки.

Я задумался.

— Мне нравится эта идея, — наконец сказал я. — Но что же с остальными? Теперь мне и в самом деле не терпится увидеть другие ваши работы.

— Придется дождаться субботы, — улыбнулась она.

Глава девятая

Впервые взглянув на Эстель, я ошибся. Я увидел невероятно красивую, яркую женщину, и если бы я так и не узнал ее имени, называл бы ее в своих воспоминаниях

«женщиной в платье с открытой спиной». Но теперь все это отступило на второй план. Прохаживаясь с ней вдоль рядов с картинами, я слушал, не смея перебить. Ее голос звучал тихо, спокойно, и слушать ее было одно удовольствие. Но и это было неважно. Иногда я жалел, что у меня нет с собой блокнота: некоторые вещи хотелось записать и затем перечитывать, задумавшись над очередной живописной идеей. Она говорила о других художниках и их манерах, о стилях и цветах, о композиции и светотени, о том, когда лучше всего писать и что может мешать вдохновению...

— Ненавижу запах жареных бифштексов! — внезапно призналась она.

Это было так искренне, так эмоционально, что я невольно залюбовался.

— Мне давно следовало бы переехать. Квартира у меня отличная, но соседи снизу — просто наказание. Они распахивают окна и начинают свою гастрономическую оргию, и плевать, что на дворе три часа ночи, а моя муза только-только пришла... Я выхожу на балкон, и в лицо мне ударяет запах жареных бифштексов. Я закрываю окно, а он меня преследует. Проникает сквозь щели и преследует,

запутывается в волосах... Да у меня все руки в этих чертовых бифштексах! Это сводит меня с ума. Я гляжу на холст, а запах буквально дробит мозг мне на части. Я смотрю на свои пальцы, и мне кажется, что с них капает кровь этих несчастных животных, которых забили ради трехминутного удовольствия моих соседей... Это чудовищно! Мне ничего не остается, как броситься из квартиры вон и бродить остаток ночи, пытаясь избавиться от всех этих видений. Ну как можно работать в таких условиях!

Я улыбался. Она чуточку безумна, это совершенно точно. Или действительно гениальна...

Мы проговорили полвечера. Художницу то и дело отвлекали восторгами, а ей явно не терпелось вернуться ко мне. Это было забавно: она принимала комплименты один за другим, но не слушала, а только улыбалась через плечо, глядя в мою сторону. А я любовался ей, смиренно ожидая своей очереди. Острые плечи, горделивая шея, аккуратные запястья и эта невозможная спина...

И тут я понял, что восхищение, которое я испытываю, глядя на свою новую знакомую, отличается от

обычного мужского интереса. Здесь было нечто совершенно другое. В этом всем не было ни капли вожделения, зато до безумия хотелось схватить кисть и запечатлеть изгибы ее прекрасного тела на холсте. Это было настоящее преклонение перед женской красотой, смешанное с желанием немедленно ее сохранить, остановив мгновение.

Я замер, удивленный новым стремлением. Раньше я представлял себе живопись как нечто совершенно личное, даже одинокое. Никто не может мешать мне в процессе, иначе муза вылетит в окошко, и больше ее не видеть! Но сейчас все было по-другому. Эстель сама была музой. Я усмехнулся, представляя, как эта мысль банальна, но при этом и прекрасна: ведь для себя я открывал ее впервые.

Нужно во что бы то ни стало уговорить ее позировать!

Я не решился высказать ей свое предложение в тот же вечер. Мне все казалось, что она поднимет меня на смех. Ведь я пишу всего несколько месяцев, а она уже много лет! И кто кого будет изображать? Возможно, идея и придется ей по вкусу. Какой любопытный эксперимент! Или даже урок.

Но с каким снисходительным смешком она согласится! Нет, лучше подождать, подобраться поближе...

Я едва смог дождаться субботы. Пытался делать наброски — то, что врезалось в память: изгиб руки, поворот головы, складки на платье. Удивительно, но у меня выходило куда лучше, чем с яблоком, хотя его я видел прямо перед собой и не нужно было закрывать глаза, чтобы представить картинку.

Мне нравилось думать, что теперь у меня есть своя небольшая тайна, этакий секретный проект. Я все еще колебался, сомневался и мучился от мыслей о собственной художественной неграмотности. Но как только я думал, что смогу ее нарисовать, что-то внутри меня переворачивалась. Пусть согласится! И пусть смеется, все равно! Я должен попробовать.

В субботу я приехал к ее дому даже раньше, чем следовало. Она жила в самом центре, и между крыш напротив виднелась Эйфелева башня — так близко, словно на ладони. Окна ее квартиры были распахнуты, и от ветра на балкон то и дело вылетали светлые полупрозрачные занавеси. Я слушал пересвист птиц в деревьях на аллее и

звонить раньше назначенного времени не решался и потому стоял, жмурясь от теплого осеннего солнца, и замирал от страха. Согласится или нет?

Эстель ждала меня и ответила на звонок сразу же. Я взлетел по винтовой лестнице почти на крыльях и вошел в ее квартиру, с трудом переводя дух.

Комнаты у нее оказались светлые, до краев залитые солнцем. Она широко улыбнулась в приветствии, а я невольно загляделся на ее светло-зеленое шелковое платье. Как же хорошо она умеет одеваться!

— А вы точны как часы, — заметила она, проводя меня в гостиную.

— Невежливо заставлять женщину ждать, — ответил я.

— Выпьете?

Она протянула бокал. Я кивнул. Пожалуй, смелость бы мне не помешала.

— Никак не могу выкинуть из головы вашу выставку, — признался я. — Не могу поверить, что можно писать что-то, кроме прекрасного.

— Все зависит от того, что у вас на душе, — отозвалась она и снова посерьезнела, как в тот вечер, когда мы коснулись этой темы. Кажется, она причиняла ей боль. Но зачем тогда устраивать эту выставку? Зачем выворачивать собственную грусть и показывать всему миру?

— Да, но как же вдохновение?

— Почему вы думаете, что печаль не вдохновляет? А как же безответная любовь? Сколько песен, книг, картин было о ней написано...

— И правда, — кивнул я. — Как же это верно. Безответная любовь.

— И не только она. Иногда мне кажется, что печаль в сотни раз сильнее музыки счастья. Я не люблю откровенничать, — вдруг заговорила она совсем другим тоном, — но увидев мои картины, вы сами поймете, что без объяснения никак. Пойдемте.

Она провела меня в другую комнату. Картины висели на стенах, лежали на столе, стояли на полу, закрывая одна другую. Их были десятки, и все они ни капли не походили на те, что я видел на выставке. Словно писал это

совершенно другой человек. В них не было ни мазка тех уродливых, буро-черных красок. Все они наполнились светом, как эта самая комната: солнечные, легкие, воздушные. А те, что на выставке (я попытался их припомнить, но содрогнулся) — агония, удушье, ужас...

— Но эти гораздо... — начал я.

— Прекраснее? — слабо улыбнулась Эстель. — Может, и так. Но те, что вы видели раньше, особые. Такого я больше повторить не смогу.

Она помолчала, разглядывая одно из полотен.

— Но почему? — переспросил я.

— Сегодня такой великолепный день, — она обернулась ко мне, снова широко улыбаясь, как при встрече. — И мне хочется говорить только о прекрасном. Вот, например, взгляните на этот пейзаж...

Она подхватила меня за локоть и подвела к одной из картин.

— Это маковое поле в Провансе. В этих местах я выросла. Иногда мне кажется, ничего красивее я в жизни не видела.

Я не смотрел. Мне хотелось узнать то, о чем она вдруг передумала рассказывать.

— Или вот здесь. Красные крыши, солнце и море! Разве не рай? А вот эта немного сказочная. Мне как-то приснился сон...

Она поймала мой взгляд, замолчала и вздохнула.

— Вам гораздо интереснее загадки, да?

Я кивнул.

— Ну, хорошо, — она отставила свой бокал. — Два года назад у меня была серьезная травма. Ужасная глупость на самом деле. Я отдыхала на побережье и много писала пейзажи. Как-то нашла потрясающее место. Скалы высоко над водой — голова кружилась! Вид потрясающий: лазурное море, светлое небо, солнце пятнами на волнах, крылья парусов вдали... Там я и оступилась. Повезло, что это была не отвесная стена, иначе вряд ли я с вами сейчас разговаривала бы, — она невесело усмехнулась. — Ударилась головой я сильно. Долго не могла снова заговорить, и врачи думали, что речь так и не восстановится. Все прошло через пару месяцев, но остались

галлюцинации. Вернее, это врачи называли их галлюцинациями. Мне это виделось как новое осознание.

Она поймала мой непонимающий взгляд.

— Это трудно объяснить. Все словно окрасилось в другие цвета. Я стала ощущать окружающее совсем иначе: будто открылся новый взгляд на мир, невыносимо тоскливый. Нет, это было не просто отношение к миру. Я *видела* эти ужасные цвета. Мне казалось, что все покрылось какой-то мутной пленкой, какие бывают на воде от масляных разводов. Куда бы я ни посмотрела, везде были эти унылые краски: бурые, коричневые, грязно-зеленые, как настоящее болото! И чтобы сбежать от этой безысходности, я стала ее рисовать. Я хотела ее выплеснуть, избавиться от нее, и другого места, кроме холста, не знала. И понемногу отчаяние стало уходить. Я как будто перелила все, что было, в картины, и изнутри не осталось ни капли. Так я и вылечилась. —

Эстель снова мягко улыбнулась.

— От той истории у меня осталось только это, — она наклонила голову и приподняла волосы. Ее шею пересекал едва заметный шрам. — Приходится носить волосы

распущенными. Или надевать платки. Как же я их теперь полюбила!

Я молчал. Все оказалось куда сложнее, чем я представлял, но было в этом что-то захватывающее. На выставке из красивой женщины она превратилась в художницу, а теперь из художницы — в незнакомку со страшноватой тайной.

— Я и представить не мог... Простите мое любопытство, — начал я.

— Да что вы, — рассмеялась она. — Чем больше говоришь о страшном, тем меньше в нем ужаса. Знаете обычай петь колыбельные о смерти? Это было давным-давно. Люди верили, что, называя ее по имени, они отпугнут смерть своим бесстрашием. И ребенку, которому эти песни пели, ничего грозить не будет. Вот и я: чем больше пишу, тем меньше боюсь. Правда, теперь уже страха и не осталось. Иногда мне даже жаль.

Она усмехнулась. Я в благоговении молчал. Как же прекрасны после этого разговора стали ее картины, даже самые уродливые из выставленных!

— Но довольно об этом, — сказала она, пригубив вина. — Мне показалось, вам не терпелось мне что-то рассказать. Вы что-то написали?

— Я хочу написать, — признался я, окрыленный тем, что она облегчила мне задачу.

— Так расскажите, — она смотрела на меня с неприкрытым любопытством.

Ни следа снисходительного одобрения. Только интерес.

— Я хочу, чтобы вы мне позировали, — выдохнул я и ощутил, как заливаюсь краской. И тут же поспешно глотнул шампанского.

— Какой поворот, — восхитилась Эстель. — Художник позирует художнику!

— Я хочу лишь попробовать, — заговорил я. — Одна попытка. Не получится — и я признаю, что бездарен.

— Зачем же так? У вас не может не получиться. Ведь я вам понравилась, признайтесь, — ее глаза смеялись:— У настоящего искусства всегда есть муза. Печаль или счастье, яблоко или женщина.

Я вздрогнул, припоминая, не говорил ли об этом злосчастном «тренировочном» яблоке.

— Значит, вы согласны?

— Почему нет? Но подождите, я хочу переодеться.

— Сейчас? — слегка оторопел я.

— А когда же? В следующую субботу?

Предпочитаете растягивать удовольствие?

— Но у меня нет с собой ни карандашей, ни кистей...

— Уж об этом не беспокойтесь.

Она сняла с рабочего мольберта свою незаконченную картину, укрытую полотном, отыскала бумагу для зарисовок, вытащила всевозможные кисти, уголь, пастель...

— Что пожелаете? — она смеялась.

— Только обещайте не подсматривать, пока я не закончу.

— Что вы...

— Я хочу, чтобы вы надели то платье, в котором были на выставке.

— Ах, так, — она кокетливо повела плечом. — Неплохой выбор. Я тоже именно о нем подумала.

Это было невероятно. Я боялся и чужих кистей, и самой Эстель, и ее платья с божественно обнаженной спиной, и того, что у меня получалось. Но вместе с тем я едва дышал от восторга. Неужели я пишу как самый настоящий художник — с натуры, с прекрасной натуры! А ведь еще месяц назад я скучно запирался на своем чердаке и выплескивал на холст бесформенные краски, лишь отдаленно напоминающие реальность. Чувства — вот что казалось мне важным! Но разве эта бледная кожа не лучшее чувство, которое можно изобразить?

Странное это было ощущение. Я смотрел на Эстель, которая села, кокетливо обернувшись, и мне хотелось самому провести рукой по этой восхитительной полупрозрачной коже. Но вместо того я проводил по бумаге грифелем карандаша, заново создавая неповторимое. И это было чуть ли не в сотни раз прекраснее, чем если бы я и вправду ее коснулся. Ведь теперь я был Творцом.

Да, именно так: Творцом! Я задохнулся от этой мысли. Ведь любой человек стремится к власти, пусть неосознанной, личной, непонятной другим, быть может, странной. И теперь у меня была такая. Или, вернее, открытый к ней путь.

Я наклонил голову и чуть отодвинулся от листа. Контур был кривоват, но не слишком заметно, и это можно было отнести к «особенностям». Но мне не хотелось. Хватит с меня «особенностей»! Все это отговорки. И я принялся исправлять. Стирал, корректировал, отходил на шаг, снова подправлял, снова стирал. Потом — тени, складки на платье, волосы...

Я не замечал, как летит время. Когда я положил последний штрих, солнце уже садилось, и в комнате потемнело. За все это время Эстель не пошевелилась и не сказала ни слова, которое заставило бы меня вынырнуть из транса, только уголки ее губ иногда вздрагивали, словно ей хотелось рассмеяться над моими усилиями. Но она сдерживалась. А может, мне только казалось, что ей вообще нужно сдерживаться? По крайней мере, во время работы я был так далеко, что ни в чем не сомневался. Это было странное состояние отрешенной уверенности, когда я мог только *видеть*, плохо у меня получалось, или нет, но *не оценивать*. Я знал, что волосы прорисованы неясно. Я понимал, что с драпировкой мог бы постараться еще. Но я больше внутренне не сжимался от ужаса, а просто исправлял, как только мог.

Когда я закончил, Эстель молчаливо поднялась, подошла к мольберту, заглянула через мое плечо. Мягко отстранила меня и задумалась.

— Да вы шутите, — она наконец взглянула на меня.

— Кажется, нет...

Мне почудилось, что в голове у меня вообще не осталось слов, одни штрихи. И потому это был самый остроумный ответ, на который я теперь был способен.

— Я думала, что... — она поколебалась, но улыбка на ее лице выдавала, что я свое испытание не так уж и провалил. — Я думала, все будет по-другому.

— Насколько по-другому?

— Ну... — она снова замялась. — Что вы изобразите меня... более схематично. Вы занимались набросками с натуры?

— Только яблока, — хмыкнул я. — И оно выходило отвратительно.

— Что ж, — сказала она. — Вам еще многому стоит научиться. Вы все еще отчасти прикрываетесь абстракцией, но зная, что у вас толком никакой школы и не было... я восхищена. Не знаю, что вам помогло, но это чудесно.

Она говорила это серьезно, без единой искорки смеха в глазах.

Я понимал, что до классической манеры мне далеко и нужно еще долго и упорно тренироваться. Но если раньше все теоретические выкладки, которые я находил на просторах интернета, меня пугали и я возвращался к своим спасительным «фантазийным» полотнам, то теперь мне больше всего хотелось доказать всем, что я собираюсь заняться искусством по-настоящему. Нет, не так любительски, как я делал это раньше! Я снова ощутил себя желторотым птенцом, вспомнив, как радовался своему первому творению, и стыд обжег изнутри горячим пламенем. Так рисовать может каждый! Я ничего не умел, но рвался показать друзьям свою серьезность, занимаясь *глупостями*! Нет-нет, сегодня же я порву все, что успел нарисовать, и начну с нового начала. Понятно, почему мать Жана была так сдержанна. Она увидела баловство истомленного скукой человека. Но теперь все будет по-другому!

Я лихорадочно припоминал список курсов по искусству, который предлагал университет. Нужно найти

что-то еще. Что-то более прикладное. Одна теория делу не поможет...

— У вас есть потенциал, — снова заговорила Эстель, прерывая мои беспокойные мысли о самосовершенствовании. — И у вас горят глаза, — она мягко улыбнулась. — Не упустите то, что сейчас чувствуете.

Восторг, восхищение, полет. Чувство власти воплощенности. На холсте я мог управлять тем, что вижу, и вместе с тем вплетать в творение себя самого. Со старыми картинами было по-другому. Я лишь изображал то, что чувствовал, но в этом не было ни капли власти. Лишь попытка предложить миру себя самого. Беззащитная, бессильная попытка. И еще муза. Да, муза! Вот что важнее всего. Без этих крыльев я бы и с места не сдвинулся.

— Вам стоило бы нанять учителя, — вдруг заметила Эстель. — Поставить руку.

— Но кого же? — пробормотал я озадаченно.

И вправду. Я вполне мог позволить себе частные уроки. Чему я научусь в группе?

— У меня есть один знакомый. Прекрасный художник. Гораздо лучше меня, — она усмехнулась. — Я могу вас познакомить.

— Это было бы просто отлично! — с готовностью воскликнул я.

— Только приготовьтесь к тому, что он человек особенный. Немного эксцентричный, если хотите.

— Это неважно. Знакомьте!

Эстель снова мягко улыбнулась моей порывистости.

— Я расскажу ему о вас и передам телефон. Думаю, на следующей неделе он перезвонит. Учеников он любит.

Я представил себе убеленного сединами старца, который так и жаждет передать священное знание свежим умам молодежи.

— У меня есть к вам один серьезный вопрос, — вдруг сказала Эстель.

— Слушаю, — я тоже посерьезнел.

— Не хотите ли со мной поужинать? — она снова расплылась в улыбке. — Знаете, как утомительно позировать?

Я с облегчением рассмеялся.

Эстель говорила без остановки; иногда об искусстве, но больше обо всем, что придет в голову. Мы искали уютный ресторанчик неподалеку, а она рассказывала об одном из своих знакомых, который совсем не умел рисовать, хотя делал это всю жизнь.

— Представляете, как бывает? — спрашивала она. — Это как в музыке — ну, не было у него слуха!

Я кивал, но мыслями витал далеко. Мне не терпелось показать новую картину Жану. Он должен оценить! К его матери идти пока рано, а вот друг наверняка подбодрит. Ведь моя «Незнакомка» — так классически и банально я окрестил свое новое творение — вышла совсем другой. Я должен показать Жану, чему научился!

— Вы так задумчивы, — Эстель вырвала меня из размышлений.

Мы выбрали небольшое кафе на углу и уселись за столик на улице. Было еще тепло, нам подали вина, играла приглушенная музыка. Людей здесь оказалось на удивление немного, и шум не отвлекал. Я обдумывал, как представлю Жану свою картину, и говорить совсем не хотелось.

— Простите, — проговорил я. — Размышления не дают покоя.

— Заказать за вас? Тогда берегитесь! — поддразнила она. — Что, если у вас не хватит на все денег?

— А я не боюсь. Заказывайте!

— Ну, смотрите.

Угрозы ее оказались пустыми: нам принесли простую сырную тарелку с фруктами и хлебом. Мы были довольно голодными, но одного этого блюда оказалось достаточно, тем более что мне не терпелось завершить ужин и заглянуть к Жану. Я пытался по мере сил поддерживать разговор, но муза уже исчерпала свой срок годности, и мне стало неинтересно. Я ее уже нарисовал. И она уже пообещала познакомить меня с «учителем». Я знал, что моя неразговорчивость могла выглядеть не очень вежливо, но ничего не мог с этим поделать.

Было уже поздно, когда я позвонил в дверь к Жану. Он открыл мне, зевая, одетый в халат.

— Сразу видно, что ты не работаешь, — Жан усмехнулся. — Что-то случилось?

— Ты должен на это взглянуть!

Я бесцеремонно шагнул за порог и потащил друга в его гостиную, где горел свет. Он в очередной раз зевнул, затягивая пояс халата сильнее, словно это могло придать ему бодрости.

— Ты не представляешь, какой я видел сон! — начал Жан. — Настоящая фантазмагория.

Я возился с папкой, в которой лежала моя «Незнакомка».

— Значит, слушай, — он снова зевнул и стал тереть глаза, словно еще не проснулся: — Я бродил по лесу и никак не мог найти тропу. И тут деревья стали оживать....

— ...теперь я буду писать совсем по-другому! — говорил тем временем я.

— ...и я оказался в каком-то разрушенном здании. Огромное, невозможно громадное здание с высоченными окнами. Все переливалось, как будто это была ночь на море. Мириады звезд — под ногами, вокруг, над головой...

— ...с природы! — хвастался я, пытаюсь прервать изливания друга.

— ...и тут у меня как будто выросли крылья...

— Смотри! — я положил перед Жаном свою «Незнакомку».

— Тебе совсем не интересно? — почти обиделся Жан.

— Да погоди ты. Смотри же на рисунок!

— В полтретьего ночи?

— Да какая разница?

— Но мой сон...

— Да забудь ты про свой сон! — я стал не на шутку раздражаться.

— И что это? — Жан без особенного интереса посмотрел на набросок.

— Как тебе?

— Ну... Это мило. Новые попытки?

— Мило? И все?

— Вполне мило. Похоже на правду.

Я смотрел на Жана так, словно видел впервые.

— Не очень-то приятно слышать такие слова поддержки от друга, — заметил я холодно.

— Ну, а что ты от меня хочешь? — с внезапной раздраженностью выдал он. — Я говорю тебе: неплохо. Ты разбудил меня посреди ночи!

— Как будто тебе нужно рано вставать! — отозвался я в том же тоне.

— Может, и не нужно, а может, я после твоих визитов я и вовсе не засну. У меня уже который день бессонница. Ты знаешь, что это такое?

Я махнул рукой.

— Я показываю тебе свой первый набросок с натуры. И все, что ты мне скажешь, — это «мило», да?

— Ты придираешься!

— А тебе, похоже, все равно.

— Да что я должен сказать? Соврать, что ты гений?

— Значит, ты считаешь меня бездарностью?

— Я считаю, что ты рисуешь как любитель. Ведь ты и есть любитель!

— И все? И ничего больше?

Жан смотрел на меня пусто, раздраженно. Ему не терпелось выкинуть меня вон, я так и чувствовал. И это мой лучший друг! Похоже, он воспринимал все мои попытки

свысока, и изменять свое мнение не собирался. Еще бы, он всю жизнь прожил в искусстве, а тут со своими творениями лезу я!

Мои предчувствия подтвердились.

— Если честно, я уверен, что ты оставишь все это искусство еще до Рождества. У тебя все так. Берешься, а потом бросаешь. К чему тратить столько усилий и в этот раз? Забудь ты об этом бумагомарании, займись делом.

Я отступил на шаг, словно меня ударили.

— Бумагомарании, значит. Делом.

— У тебя совершенно нет чувств! — продолжал Жан.
— Настоящих, глубоких. Ты бегаешь по поверхности, как водомерка. Собираешь срезанные цветы и никогда не сажаешь с корнями. Всегда — по верхушкам, и никогда — вглубь. Сколько у тебя было женщин? Ты любил хоть одну? По-настоящему, так, чтобы дышать без нее не получалось? А теперь ты прикидываешься, что *любишь* искусство?

Я отступил еще на один шаг. Руки непроизвольно сжимались в кулаки. Таня! Я любил Таню! Какое он имеет право судить меня в том, чего не видит?..

— Если ты суешься в живопись, будь готов отдать ей себя всего. Ты так можешь? Да чушь это все!

Я никогда таким Жана не видел. Он был раздражен и одновременно оскорблен — и это мягкий, улыбчивый Жан, который скорее отшутится, чем позволит возникнуть хоть самой крошечной ссоре, даже если будет прав он сам, а не собеседник!

— Значит, нет чувств, — сказал я, забирая папку.

— Ни одного! — выпалил Жан.

— Чудесно. Думаю, здесь мне больше нечего делать.

Я говорил спокойно, но внутри все клокотало. Не любил! Как же! Нет чувств! Конечно! Срезанные цветы!

Я вылетел вон. Еще немного, и я бы совершенно точно ему двинул. Вот так — ударил бы лучшего друга. Только какой он теперь лучший?

Я быстро шел по темной улице, ловя пятна фонарей, и крепко сжимал папку с наброском.

Бумагомарательство. Значит, вот как ему все видится. Игры, шутки, веселье. Брошу еще до Рождества! Как же! Дождется!

Я шел еще быстрее, с яростью впечатывая каждый шаг в мостовую. Редкие прохожие от меня шарахались. Наверное, выражение лица у меня выходило чудовищное. Но ведь это был Жан! Тот самый Жан, с которым мы столько пережили! Конечно, он еще тот зануда. Помешан на собственной внешности. Это вечное самолюбование, одежда, прически! Уверен, он красит волосы, только бы они выглядели еще светлее, еще идеальнее, еще аристократичнее. Чертов самовлюбленный болван! Но он же мой лучший друг! И теперь, стоило мне «сунуться в искусство», как он изволил выразиться, его как будто подменили! Я готов был поспорить, что показывать мою первую работу матери он не так уж и хотел. Притворялся, что потерял фотографию. Но я так напирал, что выкрутиться он не смог. И потом эти его «хорошо», стоило мне показать очередную картину! И странное презрение, когда он навестил меня, пытаясь вытащить на выставку. Он вел себя так, словно хотел спасти меня от глупостей, которыми, как он думает, я только и занимаюсь! Поверхностный, значит. Водомерка!

Дома я бросил несчастную «Незнакомку» на стол и, рухнув на постель, сразу забылся сном.

Всю следующую неделю я слонялся по дому, не в силах даже заглянуть в свою студию. Мне казалось, что я выбегу оттуда, едва завидев хоть один краешек своих старых полотен. Иногда я раскрывал папку с наброском Эстель. Но чем больше смотрел, тем меньше понимал. В конце концов я отложил рисунок в ящик стола и крепко-накрепко запретил себе к нему прикасаться хотя бы три дня. Мне нужен был свежий взгляд.

«Муза» просто заваливала меня сообщениями, но мне было не до нее. Какая ирония! Встреча с ней оказалась поворотом, но он остался позади, а я предпочитал смотреть вперед. Я слабо улыбался на ее очередную аккуратную шутку с легким флиртом, отвечал, но потом стал делать это все реже и реже. Она не раз приглашала меня на ланч с вином, но мне не хотелось ни видеть людей, ни пить. Ссора с Жаном разъярила меня до такой степени, что я злился теперь на всех, словно не только мой лучший друг, но и остальные тоже считали меня бездарностью. Возможно, так и было на самом деле. Может быть, я действительно ни на что не гожусь А может, всем просто плевать. Но я злился в любом случае. Мой лучший друг! Вот так оттолкнуть, словно он просто устал вежливо улыбаться. Понятно, что

сразу гениального я не создам, но вот так — нет чувств? А что же тогда у меня внутри? Что?

Я остановился и стал вспоминать Таню. Ее я любил. На Сицилии я был в этом уверен. Тогда, в сиянии яркого солнца, в аромате зреющих апельсинов и высушенной травы, в теплом соленом море, в старом доме одинокого старика... Ее изящный обгоревший носик, губы в хитрой улыбке, тонкие пальчики без единого кольца. А потом — еще больше — Таню в платье Алисы, которая нашла другого и уже мне не принадлежала... Но на этом все кончалось.

Теперь, сколько я ни пытался, не мог припомнить ничего, кроме ее лица и белого платья в тени апельсиновой рощи. Ни ее запаха, ни голоса, ни смеха. Каким-то странным образом все это улетучилось, словно спиртовые пары. В одно мгновение, без остатка. Я не помнил, что ощущал, когда прикасался к ее коже, когда мы сидели бок о бок на берегу и считали звезды, когда вместе завтракали, забравшись с подносом обратно в постель... Я не помнил, отчего так в нее влюбился, украв у агента в тот день первого поцелуя: то ли за ее внезапность, то ли за игривость, то ли за то, что она на самом деле была куда проще, чем требовал

ее образ модели. Но теперь я внезапно подумал, что за эти качества человека можно ровно так же и ненавидеть, а любить — за предсказуемость, серьезность и невероятную сложность. Так что же в ней было особенного? Почему именно она? И что осталось теперь?

Ничего. Сколько я ни искал, не осталось ничего. Все, что раньше казалось мне очаровательным, я припоминал с трудом и никак не мог понять, почему считал это все таким исключительным. Да, я ее разлюбил. А может, и не было никогда этой любви, а только ослепление моментом, красотой мгновения, которое подпитывалось легкой недосказанностью без далеких обещаний и особенно — пониманием, что она преданна другому. Так как же понять, что — любовь, а что — нет?..

Я метался по дому, мучительно обдумывая странные осознания, разрывающие все, чем я жил раньше. А что, если Жан прав? Нет у меня никакой способности чувствовать по-настоящему, и я могу только собирать и выкидывать...

Снова едкой волной поднялась злость. Ну, уж нет! Нашелся психолог! Философ! Он — другой человек, так

зачем остальных равнять под себя? Кому нужны эти чувства, ведь я *мужчина!*

На том я свои мысленные баталии и закончил. Жан неправ, а я ему еще покажу, как такой бесчувственный человек, как я, может великолепно рисовать. Ведь меня ждут уроки настоящего мастера.

Учитель позвонил мне лишь спустя полторы недели. Я извелся в ожидании, но переспрашивать его телефон у Эстель не хотел. Она писала мне все реже, но я боялся дать ей лишнюю и совершенно ненужную надежду.

Ланс сразу же пригласил меня в свою студию. У него был низкий, глубокий голос, и после разговора по телефону я был уверен, что действительно увижу умудренного опытом старца. Однако дверь открыл энергичный мужчина немного старше меня. Одет он был просто, если не считать яркого платка-галстука, заправленного за воротник рубашки. Зато вел он себя и вправду необычно, как и предупреждала меня Эстель. Мой будущий учитель улыбался быстро, как будто был театральной куклой, а кто-то дергал ниточки, чтобы уголки его губ живо взлетали и так же стремительно опадали. Посмеивался он так же

кратко и емко, словно боялся выдать лишнего. Он внимательно осматривал меня, глядя в упор, и словно что-то обдумывал. При этом он держал руки в замке, перебирая пальцами, словно наигрывал беззвучную мелодию на рояле.

Сначала мы прошлись по дому, и Ланс показал мне свои произведения. На некоторые он кивал, говоря:

— Ну, эту вы, наверное, уже не раз видели, — краткая, острая улыбка. — Ее выставляли в Лондоне и Нью-Йорке. А вот за эту — уверен, вы узнали — я получал премии дважды.

Я не знал ни одной из показанных мне картин. Но уже потом, вернувшись домой, заглянул в интернет и убедился, что Эстель говорила чистую правду: о Лансе очень много писали, и отзывы публиковали сплошь одобрительные. Он выставлялся по всему миру, и критики захлебывались от восторга по обе стороны от экватора.

Его студия была большой и светлой, и в распахнутое окно в комнату просто-таки рвался экзотический сад. В глубине шелестел квадратный пруд, окруженный настилом из узких темных досок, и такие же дорожки пролегали вдоль зарослей. Здесь росли южные деревья и кусты с

сочными, тяжелыми листьями, от цветов которых разливался пряный, томный аромат. Одну из дорожек перекрывал ряд оранжево-красных ворот в японском стиле, и за их чередой виднелся песчаный сад камней, аккуратно расчерченный концентрическими окружностями.

Но если за окном все казалось чужеземным и далеким, то в самой студии было просто и ясно. Немногочисленная мебель светлого дерева, почти незаметного на фоне белых стен, выбрана в едином, выдержанном стиле. Здесь же меня ждал мольберт и разнообразные художественные принадлежности, а еще чашка эспрессо.

— Не люблю начинать без кофе, — отметил Ланс.

Вторая за этот день чашка кофе взбудрила меня почти до дрожи в пальцах. Но, может быть, дело было в том, что я слегка нервничал. Что это будут за уроки?

Ланс говорил немного и сразу же предложил мне холст.

— В вашем распоряжении пятнадцать минут. Любые инструменты, любая тема.

Я слегка опешил. Задание было трудным уже потому, что это было *задание*. Я не пробовал писать по чьей-то указке, и теперь исчезла не то что муза, но и мысли из головы. Ланс вышел, чтобы не тревожить меня своим присутствием, но легче не стало. Я поворачивался, пытаясь отыскать сюжет в комнате, но тщетно. Тогда я закрыл глаза и постарался вспомнить какое-нибудь яркое ощущение. На ум приходила только ссора с Жаном. Эстель говорила, что отрицательные эмоции могут быть даже сильнее положительных. Но как же писать о злости, если при одном воспоминании и раздраженном выражении лица Жана хочется переломить кисть надвое? Нет, это не то. Я стал искать дальше, и тут в саду запела птица. Я обернулся. В крошечных искусственных водопадах шелестела вода, перешептывался в тяжелых мясистых листьях ветер, и этот щебет... Я взялся за краски.

Ланс пришел через двадцать минут с блюдом шоколада. Я отказался, а Ланс, похоже, был сладкоежкой. Он присел в кресло напротив мольберта, положил ногу на ногу и стал разворачивать одну конфету за другой. На пятой он наконец выдал:

— Техника, конечно, никуда не годится. Но в этом есть какая-то искра...

Он подошел к еще не высохшему полотну и долго, пристально изучал его вблизи.

— В этом есть чувство.

Я возликовал. Ага! Значит, есть и другое мнение, и еще один человек считает, что Жан был неправ! Теперь у меня просто руки чесались начать занятие. Но Ланс не торопился.

— На сегодня довольно, — протянул он лениво. — Если вам подходит, занятия будем проводить по субботам. Может быть, добавим и воскресенье. Посмотрим по успехам. В любом случае практика лишней не будет. Чем больше тренируетесь, тем быстрее к вам придет успех. Ну что ж, договоримся об оплате?

Я совсем позабыл о такой глупости, как деньги. Ланс назвал довольно немалую сумму, но мне было все равно. Как можно думать о финансах, держа в руках кисть?

Дел у меня было по горло. До визита к Лансу я взял еще несколько курсов в университете, и теперь мое расписание едва вмещало все, что я запланировал. Я

поднимался в свою студию к полуночи и оставался там чуть ли не до рассвета. Нужно было столько попробовать...

Я все еще общался со всеми друзьями, кроме Жана, но немного. В основном все ограничивалось перепиской в интернете. Иногда я кому-нибудь звонил, но разговоры не клеились. Ребят тянуло гулять и развлекаться, а я заперся в своем доме и творил. Они меня не понимали.

— Почему бы тебе не отдыхать по вечерам? — спрашивала Эдит.

Но каждый вечер у меня был занят курсом классического искусства.

— А выходные? — вторила Лилиан, и в ее голосе звучала капризная обида.

Но в выходные я ходил на занятия к Лансу, а их пропускать я не мог ни под каким видом.

— Ты нас совсем забросил! — возмущался Стил, но, услышав о золотом сечении или о пуантилизме, кашлял и прощался.

От собственной добровольной изоляции я не страдал. Впервые в жизни я чувствовал себя на своем месте, и никакие упреки не могли помешать мне на нем оставаться.

Я вспоминал недалекое веселое прошлое, и мне становилось скучно. После очередного похода в бар, клуб или ресторан внутри ничего не оставалось. Иногда наутро я даже не помнил событий вечера. А теперь... Теперь я создавал вещи, которые оставались со мной и утром, и днем, и вечером. Более того, даже если бы я их продавал (пожалуй, излишне ранние амбиции, но Ланс пожимал плечами: «Почему бы и нет»), все равно во мне оставалось бы тепло высказанности, воплощенности. Удивительное ощущение.

Я не выкинул свои старые работы, как хотел, и смотрел на них равнодушно. Они не вызывали во мне восторга, как в первые дни проб, но и не раздражали, как после первого наброска Эстель. На них я всего лишь тренировался. Если бы я когда-то решил создать собственную выставку, то выбрал бы для нее что-то совершенно другое. Что именно — пока было неясно.

Следующие несколько месяцев пролетели как пара недель. Занятия в университете я посещал теперь уже каждый будний день. История искусства, анализ памятников, небольшой курс по скульптуре (на всякий случай), масляная, портретная и пейзажная живопись,

готика и классицизм — таков был мой список. Я старательно? словно первокурсник, вел конспекты и читал предложенные «для общего развития» книги. С другими студентами я общался немного. У них уже сложились свои компании, и многие жили в одном кампусе, постоянно пересекаясь за пределами аудиторий. К тому же они все были из совершенно другого круга. Меня отвозил водитель, а они ездили на велосипедах или ходили пешком. Моя транспортная «экстравагантность» не могла остаться незамеченной, да и одевался я куда лучше них. В довершение всего я и не стремился завоевать их интерес. Внимательно слушал лектора, оставался после занятий, чтобы задать очередную тонну вопросов, просиживал вечера в библиотеке, не участвовал в групповых работах, не ходил в кафе после лекций. Уверен, смотрелся я скучнее некуда. Но мне было все равно. Ведь я собирал свое священное знание и намеревался сдавать по нему экзамен куда более ответственный, чем университетский.

Чем больше времени проходило, тем чаще я задумывался о собственной выставке. Но пока я искал: мне хотелось найти стиль, в котором я смогу написать несколько схожих картин, которые не стыдно будет выставить перед

публикой. И я пробовал. Дни отсчитывались один за другим, и я не успевал замечать, как приходили выходные. Их я ждал особенно, возлагая главные надежды на уроки с Лансом. С ним я мог обсудить услышанное на лекции и попробовать новый жанр. Он никогда не отказывал мне в уступку собственному учебному плану, да и был ли он? Напротив, Ланс охотнее спрашивал, что интересно мне.

Начали мы с набросков в том стиле, что я пробовал с Эстель. Больше реализма, меньше фантазии! Я старательно копировал листья, цветы и керамические вазы, гипсовые слепки лиц, рук и ног. Мы изучали светотень, строили композицию, выравнивали штрихи. Теперь я всегда носил с собой карандаш и блокнот, принимаясь за наброски, как только что-то покажется мне интересным. Так, я однажды провел в парке целых четыре часа, охотясь за выражениями лиц. Упрямые детские мордочки, изящные женские профили, морщины стариков, серьезные лица мужчин — все это я собирал по капле, сводя дома в более обстоятельные рисунки. Я соединял части тела, перерисовывая наброски, находил новые образы, улучшал уже увиденное. Иногда я целые вечера проводил в ближайшей кофейне, подглядывая исподтишка за

посетителями. Аккуратные леди в шелковых платках заказывали латте и капучино; их пальцы блестели колечками, вырезы украшали изящные нитки жемчуга. Девушки-школьницы заправляли за уши длинные волосы, пили коктейли с карамелью и ванильным сахаром, много смеялись, увлеченно сплетничали и хвастались. Встречались и пожилые пары — их я любил особенно: они мало двигались, сидели тихо и проводили в кофейне больше часа; иногда под столиком они держались за руки, и я ловил карандашом их сдержанную, успокоенную годами, но вместе с тем и окрепшую, как корни старого дуба, привязанность. Бывали здесь и бизнесмены; они проводили короткие, сухие встречи над крошечной чашкой эспresso, пристроенной рядом с ноутбуком. Но больше всего мне нравились влюбленные. Настоящий золотой прииск! Выражения лиц у них менялись каждую секунду, и я только успевал запечатлеть одно, как мне предлагали другое. Сдержанная улыбка за плотно сжатыми губами; смех с запрокинутой назад головой; любопытство в уголках глаз; взгляд украдкой; серьезный кивок... Я перелистывал страницы блокнота одна за другой. Эти образы оставались в памяти и удобно всплывали на занятиях с Лансом, если он

давал задание написать что-то не с натуры. Я внимательно оглядывался по сторонам в поисках деталей и был во всеоружии всегда. Я казался себе сыщиком, или даже собакой-ищейкой, которая всегда настороже: она внимательно принюхивается в поисках новых следов и всегда готова броситься в бой.

Ланс говорил, что прогресс налицо. И вправду, первые наброски и те, что стали получаться после месяцев практики, разительно отличались. Но это было логично. Теперь я не пробирался ощупью в темноте, вслепую пытаюсь найти верные линии, а знал, как ставить кисть или карандаш, на что обращать внимание и как рисовать ту или иную деталь.

Мы много работали с цветом, выбирая сочетания и тренируясь с оттенками. Пробовали разные типы красок и холстов. Экспериментировали с освещением и упражнялись с одними и теми же предметами, запечатлевая их с разных углов. Теперь я начинал видеть объемно и со всех сторон не только тренировочные натюрморты. Знание только приоткрывалось передо мной, но я уже понимал, в какие окна заглядывать и где эти самые окна расположены. За одним из них был мой стиль, и я продолжал искать,

фантазируя, как открою однажды выставку одним из тех образов, над которыми работал.

Но, несмотря на то что учитель был доволен моими успехами, я чувствовал: мне чего-то не хватает. Иногда я вспоминал набросок Эстель и ту окрыленность, которая схватила меня пусть и ненадолго, но так крепко и глубоко. Я понимал, что мне нужна муза, и пытался искать ее в повседневном. Я находил такие вспышки в парках, на улицах и площадях; я ловил случайные взгляды и улыбки; смотрел на прохожих во все глаза, не стесняясь своего открытого интереса.

Но этого было мало. Я хотел найти что-то совсем другое. И понимая, что меня затягивает болото ощущений, одинаковых день ото дня, я решил, что должен встретиться с друзьями. Слишком долго я отталкивал их слабые попытки вытащить меня из дома.

Мы собрались в следующие же выходные. После занятия с Лансом я не отправился, по обыкновению, в свою студию, а поехал в центр. Было уже темно, и ночной город слепил огнями. Повсюду царил движение: фары автомобилей, фонари, разноцветные гирлянды в окнах

увеселительных заведений, белоснежные лампы над рекламными щитами, приглушенный свет, оставленный в витринах... Я вышел из машины за два квартала, предпочтя немного прогуляться после урока, и теперь медленно шагал, вдыхая сладкий воздух парижской ночи. Мимо, смеясь, проплывали прохожие, и я ловил их лица, отмечая интересные черты для будущих рисунков. Я прислушивался к разговорам, останавливался, чтобы полюбоваться сценкой на террасе очередного ресторанчика, мысленно записывал новые и новые идеи.

Друзья уже собрались, когда за столик присел я. Они встретили меня шутливо-одобрительными возгласами, и только Жан скупно кивнул. Он все же вымучил из себя улыбку, но я понял, что друг все еще помнит нашу ссору и согласился прийти скорее из вежливости. Но сейчас я был готов простить все и вся: я всерьез соскучился, и мне не хотелось омрачать этот вечер хоть каплей обиды.

В баре было дымно и шумно. В углу на бильярдном столе стучали шары, в центре зала две уже не особо трезвые пары изображали вальс под довольно посредственные поп-ритмы, за стойкой так оглушительно хохотали, что слышно было даже на дальнем конце бара, где мы и устроились. Год

назад я назвал бы местечко превеселым, но теперь мне оно почему-то решительно не нравилось. Меня так и тянуло выбрать краски: бурый, болотно-зеленый, мутно-фиолетовый и пара мазков истерично-алого. Но красок под руками не было, зато стояла в ожидании высоченная, полная пива кружка. Я так привык тут же выплескивать любое ощущение на холст или хотя бы оставлять заметку в блокноте, что теперь чувствовал себя в каком-то тупике. Но я пришел, чтобы увидеться с друзьями, так почему я думаю об одних рисунках?.. Я мотнул головой.

— Вырвался наконец? — поинтересовался, хохотнув, Стил.

Он прихлебнул пива, и его круглое лицо озарилось добродушной улыбкой. Он слегка покраснел от жары, которая царила в баре.

Очевидно, ждали они меня порядком, так что и выпить успели много. Лилиан мило разругалась и постоянно косилась в сторону барной стойки, ловя восхищенные улыбки. Кто-то прислал ей коктейль, и теперь она пыталась выяснить, кто же тот загадочный воздыхатель.

Эдит сдержанно улыбалась, то и дело упрашивая подругу успокоиться:

— Стоящий сам подойдет, а послать коктейль каждый дурак может.

Но Лилиан не унималась и нет-нет да оборачивалась, поглядывая через плечо на потенциальных ухажеров. Она так извертелась, что даже Кит стал посмеиваться, но в открытую говорить ничего не спешил. Они больше не держались за руки с Эдит, как раньше, и сидели как-то излишне прямо, напряженно. Но шутили друг с другом, как прежде, и потому я решил, что мне показалось. А вот Жанпил совсем мало, улыбался еще меньше и почти на меня не смотрел.

Поначалу я в основном слушал, а потом друзья стали меня расспрашивать. Я сдержанно рассказал о курсах, об уроках Ланса, о своих новых художественных экспериментах. Я прихватил несколько фотографий, и Лилиан восхитилась:

— Да это же просто великолепно!

— По-моему, дело движается, — кивнул Стил. — Молодец ты, друг! Вот бы мне такое усердие.

Эдит покрутила фотографии и согласилась:

— Мне нравится. Совсем другое. Не то, что в начале.
Но мне нравится.

Мне казалось, что на этот раз друзья говорят куда увереннее. В первые разы они вели себя сдержанно, а теперь одобряли с куда большей готовностью.

— А вот эта — прелесть! — Лилиан любовалась моей «Незнакомкой».

Жан покосился в ее сторону.

— А что скажешь ты? — спросил я, не желая терпеть его молчания.

— Новые мне нравятся больше. Практика видна, — буркнул он.

— И чудесно! — я расцвел.

Сейчас мне и этого было достаточно. Пусть скупой, но комплимент. А настоящий восторг будет потом, когда я создам свою выставку. Он еще увидит!

Окрыленный одобрением друзей (и сухой улыбкой Жана), я заказал вторую кружку, потом третью. Мы болтали обо всем на свете, как бывало раньше. Смеялись, подтрунивая друг над другом, взялись отгадывать задачку с

отправителем «подношения» для нашей красавицы Лилиан, мучили официантку, никак не решаясь, что заказать дальше... Вечер был прекрасным. Уже и дым, и шум, и толпа, которые наполняли бар, не беспокоили меня так, как раньше. Ведь я снова был со своими друзьями. Как я мог так долго их отталкивать? Непременно нужно выделить хотя бы один вечер для таких посиделок! В субботу после занятий с Лансом я вполне могу выбираться в город...

Я и сам не заметил, как снова стал ловить детали для набросков. И чем больше я осматривался по сторонам, тем меньше участвовал в разговоре. Лица не на шутку меня увлекли, и я лишь молча глотал из кружки, разглядывая посетителей бара. Краски поменялись, но теперь они отступили на второй план. Сейчас я нарисовал бы эти лица углем: резкими, быстрыми штрихами, чуточку грубыми, прерывистыми. Я уже представлял себе на бумаге пухлые губы толстяка, что сидел за углом барной стойки и подкидывал в рот одну за другой фисташки, тяжелые веки официанта, который устало обслуживал соседний столик, длинные пальцы женщины в темно-лиловом платье, которая празднично перебирала трубочки в коктейле.

И только когда Эдит тронула меня за плечо, я очнулся.

— Мы думаем идти, — сказала она. — Уже поздно, да и Стил так набрался, что на него смотреть смешно.

Я взглянул на Стила и впрямь улыбнулся: он пытался глотнуть из совершенно пустой кружки и никак не понимал, почему из нее ничего не льется. Лилиан уже испарилась. Очевидно, она все же нашла своего таинственного поклонника и удалилась с ним за следующим бокалом. Кит скучно поглядывал по сторонам; его кружка была наполовину полной, и казалось, что одна она перед ним весь вечер и стояла. Жан зевал.

— Хорошо, — я кивнул. — Я вызову для всех такси. Что со счетом?

Эдит пододвинула ко мне чек.

Засыпая в такси по пути домой, я подумал, что пока повременю с такими встречами. Увиделись — и хорошо. Но у меня столько дел! Ведь работа над картинами для выставки отнимет так много времени...

Теперь я понял, какие работы для нее выберу.

Проваливаясь в сон, я смотрел, как в воздухе передо мной разворачиваются нечеткие, половинчатые, прерывистые наброски лиц. Именно это я и должен был рисовать.

Глава десятая

Через девять месяцев после начала занятий Ланс заговорил о выставке. Все это время я молча работал, трепетно ожидая, когда мастер сам сделает предложение, и теперь был на седьмом небе. Значит, и вправду наступило время!

— Чтобы развиваться, художнику нужен зритель, — сказал он. — Подумай, что можно выставить, а я все подготовлю.

Но я уже знал, что хочу видеть на своем первом вернисаже. Те самые легкие, полупрозрачные, одновременно чуть грубоватые наброски, идея которых появилась у меня в последнюю встречу с друзьями.

С тех пор я виделся с ними мало. Иногда ко мне заходил Стил, а я пару раз выбирался в город вместе с

Лириан. Но говорили мы немного, и каждый раз, когда я начинал описывать то, над чем работаю, веселья не выходило. Друзья замолкали, пытались перевести тему в другое русло, но поддерживать такие беседы у меня теперь выходило плохо. Я немного помучался, вспоминая, как нам всегда было весело, а потом решил, что все изменится, когда они увидят мой настоящий успех. Нужно только доказать им, что мои упражнения могут вызвать нечто большее, чем мой собственный интерес. Особенно Жану. И тогда все станет по-прежнему. Они примут меня нового — состоявшегося, уже далеко не фантазера, и вместо аккуратного одобрения я получу их искренние поздравления.

Работа над выставкой закипела. Картины, которые я выбрал, казались продолжением друг друга. Один стиль, похожие линии, но разные сюжеты. Это была бесконечная вереница лиц, которые я находил в парках, на улицах, в кофейнях: улыбки, грусть, удивление, раздражение... Они проявлялись нерезкими, прихотливыми линиями угля на бумаге, пробивались из белой дымки незамкнутыми штрихами, и образы, спрятанные в недосказанности, приходилось угадывать. Мне нравилась тайна содержания,

скрытая под простотой изображения. Но чтобы добиться физической точности того, о чем зритель теперь должен был догадаться, мне пришлось немало потренироваться на куда более ясных сюжетах. Теперь я понимал, о чем говорил профессор по истории искусства: пока не научишься копировать реальное, нечто фантастическое не создашь. Однако тогда я больше думал о своих первых, довольно абстрактных полотнах. То, что я собирался показать на выставке, отличалось от них разительно, пусть до классики было далеко и тем, и другим.

Эстель, узнав о моей выставке, вызвалась помочь с рекламой. Мы давно не виделись, и я думал, что она на меня немного обижена. Но она щебетала, как птица, и рассказывала о своем новом друге-скульпторе, который делает «совершенно невозможные штуки», с такой искренней увлеченностью, что я понял: она давно позабыла свой интерес ко мне и теперь переключилась совсем на другое. Не исключено, что через месяц я услышал бы о друге-модельере или друге-флористе. Эстель не казалась мне особой, способной слишком долго терпеть однообразие. Ну, а со мной она была так же мила, как и в нашу первую встречу.

— О твоей выставке непременно должны написать в журналах. Статья хорошего критика — вот, что нам нужно. Но это позже, — Эстель кусала кончик карандаша, расхаживая по студии с блокнотом. — Для начала о нас должны услышать. Нам нужен интернет, пара афиш, несколько модулей в рубрики об искусстве... Я договорюсь с Пьером, чтобы включил тебя в календарь «Beaux Arts», а еще неплохо бы напечататься в «Pratique des Arts», разместим там яркую рекламу на весь разворот! Далее... Я позвоню Бенедикту и узнаю, с кем из журналистов сейчас можно договориться об обзоре. Напишем о том, какой ты подающий надежды молодой художник, какие разные у тебя стили и направления... Хорошо бы найти с десятка таких ребят: чем больше о тебе говорят, тем лучше! Ну, и, конечно, стоит подумать о телевидении, — она сделала заметку. — Поискать: какие шоу могут быть полезны.

— Ну, вот еще! — проговорил я, испуганный ее напором. — Зачем мне шоу? Обойдусь какой-нибудь простенькой рекламой в печати...

— Никакой простенькой рекламы! — возмутилась Эстель. — Ты хочешь успеха? А как можно о нем думать, если о тебе никто ничего не слышал? Знаешь, сколько

прекрасных художников прозябает в бедности и неизвестности только потому, что у них нет средств на достойную рекламу? Нужно показать себя! Выделиться, обратить внимание! Иначе не будет ни-че-го, — отчеканила она.

Я оторопел от такого количества медийных средств, людей, изданий и программ, но не отказывался: Эстель знала больше меня и об искусстве, и о его продвижении. Вместе с Лансом они почти круглые сутки работали над моей выставкой, а я только и успевал, что отсчитывать деньги на новые и новые мероприятия.

— Обязательно устроим фуршет, — предлагала Эстель. — А после — вечеринку и что-нибудь поинтереснее! Возможно, стоит пригласить каких-нибудь экзотических танцовщиц или гимнастов... Световое шоу, конечно, и непременно музыканты...

Я уже не помнил, с чего мы начали, и не понимал, что получится в итоге. Эстель накидывала идеи одну за другой, а Ланс кивал и на следующий день приводил новых и новых знакомых, которые организовывали очередную

часть той феерии, которая разворачивалась вокруг моей выставки.

Мероприятие обещало быть грандиозным. Обо мне писали чуть не все газеты, я снялся в нескольких телевизионных программах, поучаствовал в передаче на радио и видел афиши своей выставки на каждом углу в центре Парижа. Мне казалось, весь город замер в ожидании торжественного дня, и я сам уже с трудом понимал, что происходит. Но все это была лишь подготовка. Самым главным оставалась сама выставка, и я с замиранием сердца ждал заветного дня.

Ланс отыскал премилое местечко в здании старой ткацкой фабрики. Это помещение уже давно использовали для подобных мероприятий, да и расположилось оно очень удобно. Сам зал оказался огромным: высоченный потолок поддерживали металлические балки, которые задрапировали темно-бордовым; таким же затянули окна и стены. Поперек помещения выставили перегородки, на которые развесили картины. В центре импровизированного лабиринта оставили самую, на мой взгляд, удачную работу: она родилась из зарисовки цветочницы, которую я встретил у подножия лестниц Сакре-Кер. Изящный поворот головы,

тонкие пальчики обнимают ручку корзины, хитрый блеск глаз — она была совершенна. Перед открытием я так долго любовался этой картиной, окутанной мягким светом, что чуть не потерял счет времени. Ланс тронул меня за плечо, приглашая встретить первых гостей, и все началось.

В первые же минуты зал так наполнился людьми, что я едва слышал свой голос в гуле толпы. Музыкантам пришлось туго: их никто не замечал. Официантки разносили шампанское, тарталетки и пирожные, а я бродил за ними, прислушиваясь к разговорам. Но больше всего я ждал своих друзей, и особенно Жана. Несмотря на ту напряженность, которая установилась между нами почти год назад, я очень хотел его видеть.

И я увидел. Он появился спустя час после открытия, и с ним под руку шла его мать. Я удивился такому интересу, но вежливо поздоровался с обоими, поспешив навстречу. Жан выглядел хмуро, словно уже заранее ничего хорошего не ожидал, а Диана, напротив, с живым любопытством оглядывалась по сторонам.

— Сколько народу! — восхитилась она.

— О твоей выставке писали все, — скривился Жан.
— Удивительный ажиотаж.

— Надеюсь, выставка вас не разочарует, — попытался улыбнуться я.

Они отправились смотреть картины, а я заметил среди вошедших Эдит, а за ней — Кита. Обрадовавшись возможности отвлечься, я двинулся к ним. Не хотелось думать о том, что где-то там, позади, Жан сейчас кривится на мою «Цветочницу».

Гости прибывали. К полуночи в огромном, будто бы завернутом в бордовые ткани помещении стало нестерпимо душно. То ли от этого, то ли от опьяняющих восторгов у меня отчаянно кружилась голова. Я ликовал, встречая новые и новые комплименты и похвалы, и от упоения перехватывало дух. Все эти люди пришли сюда ради меня, ради моих картин, ради моей угольной «Цветочницы»... И им нравилось! Счастье поднималось во мне, как пузырьки шампанского в бокале, и казалось, что я сам вот-вот взлечу ввысь.

Как я и думал, друзья мою выставку оценили. Уже не было и следа старой сдержанности или осторожности.

Лилиан расцеловала меня в обе щеки и шутливо пригрозила пальцем:

— Теперь я должна видеться с тобой куда чаще, ведь ты будешь знаменит!

Кит похлопал меня по плечу, а Эдит ласково улыбнулась:

— Молодец, Леон. Я знала, что ты справишься.

Стил, уже порядком набравшийся шампанским, вознамерился хорошенько ткнуть меня в живот, но я увернулся и рассмеялся.

— Ну, ты гений! — воскликнул он. — Просто гений!

— Видите! — улыбался я. — Не такие уж это и глупости, верно?

Друзья кивали. Только Жана нигде не было видно. Я нашел его ближе к закрытию после грандиозного шоу, которое устроила со своими танцовщицами Эстель. Друг натянуто улыбнулся:

— Веселье ты, конечно, устроил знатное.

— Что скажешь? — осторожно поинтересовался я.

Жан выглядывал среди людей свою мать, а я нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Слишком много шума, — наконец выдал он.

Это могло значить что угодно.

— Не понравилась ни одна?.. Даже «Цветочница»? — спросил я.

— «Цветочница» банальна до омерзения. А вот остальное еще можно потерпеть. Но чувства я так и не нашел. Прости.

В глазах Жана мелькнуло сожаление, но потом оно сменилось теперь уже обычной холодностью.

— Значит, и теперь ты считаешь меня клоуном? — я хотел добавить в свои слова злобы, но ликование, которое бурлило во мне весь вечер и все еще не улеглось, притупило даже раздражение к Жану.

— Я никогда не считал тебя клоуном, — протянул Жан. — Но вот с искусством тебя ничего не объединяет. Ни раньше, ни теперь. Так считаю я. Остальные могут говорить, что хотят. Ну, а ты выбирай сам, кого слушать.

На минуту я снова почувствовал себя мальчиком, который заигрался. Ребенком, который лезет во взрослые дела и ни капли в них не смыслит.

— Мне жаль, что тебе не понравилось, — наконец выдал я.

— Мне тоже, — отозвался Жан.

— Ах, вот и вы! — к нам подошла Диана. — Неплохая выставка, Леон, —она кивнула мне и продолжила: — Стиль немного не мой, потому судить не возьмусь. Интересная задумка, приятная наблюдательность. Ведь это все незнакомые тебе люди? Никто специально не позировал?

Я покачал головой. Она продолжала делиться впечатлениями, но я так и не разобрал, понравилось ей или нет. Жану не понравилось, и чем дольше я об этом думал, пропуская мимо ушей слова Дианы, тем больше мне хотелось поскорее с ними попрощаться. Хотелось не размышлять о словах друга, а перебрать в голове все комплименты, что я слышал в адрес своих картин за вечер. А их было столько, что один-единственный негативный отзыв на их фоне просто мерк.

Когда мы наконец простились, я с облегчением вернулся к сладким мыслям об успехе. Что бы ни сказал Жан, я чувствовал себя королем.

Следующие недели я потратил, выискивая статьи критиков. Как и предрекала Эстель, шумиха поднялась невероятная. Обо мне писали и писали; критики возносили мои работы до небес и называли меня «открытием года». Поток восхищенных речей не утихал. Я находил новые и новые заметки, и все авторы как один восхваляли мою выставку и, конечно, «Цветочницу».

Нежные, но решительные линии... Мастерская работа... Галерея ярких образов, которые врезаются в память... Невозможно пройти мимо. Глаз профессионала. Удивительная прорисовка невидимых деталей. Самородок. Всего полтора года. Рука настоящего умельца. Самобытная манера. Радикальный, ни на что не похожий стиль.

Я почти устал от одобрения, когда встретил сначала один резкий отзыв, а потом и другой. Эти два критика называли меня пустым, а картины — холодными, и что-то екнуло внутри, когда глаз задержался на слове «бесчувственный». Один разносил мою манеру письма («Так может рисовать и ребенок!»), другой ругал идею

(«Зарисовки, которых у любого художника тонны»). А потом оба выплевывали в унисон: «Никакого чувства».

Я перечитывал эти отзывы один за другим снова и снова, и хоть начинали они совершенно с разного, заканчивали голосом Жана, соглашаясь в одном: я совершенно поверхностный, а картины мои — пустая дрянь. Мне подумалось было, не Жан ли написал одну из статей, но я знал его псевдоним, и если он и был здесь замешан, то лишь косвенно. Критики нападали на меня чересчур решительно, а Жан на меня так никогда не набрасывался. От него я слышал скепсис, холодность, легкое презрение, но не более. Если один из этих авторов ему и знаком, вряд ли он написал по его просьбе. Несмотря на нашу размолвку, мне хотелось думать, что Жан все-таки выше подобных подлостей. Написать статью самому, не прячась за чьей-то спиной. — вот что в его стиле.

Как бы там ни было, положительные отзывы продолжали появляться. Я буквально утопал в хвалебных эпитетах и одобрительных метафорах. Все еще не веря в успех, я, как ребенок, вырезал статьи и складывал их в ящик, старательно подсчитывая. К концу месяца из одних только парижских изданий набралось сорок шесть отзывов,

которые мне прочили чуть ли не создание нового жанра. Ко мне напрашивались журналисты, другие художники, студенты... Те, с кем я просидел несколько месяцев в одной университетской аудитории, внезапно заинтересовались моей персоной и не оставляли меня в покое ни на минуту. Они соревновались за право сесть рядом, просиживали вечера в библиотеке за теми же книгами, что и я, наперебой приглашали на свои сборища с кофе, алкоголем, женщинами или другими художниками. Они умоляли о помощи с заданиями, просили поделиться секретами, расспрашивали про выставку, про то, как я научился писать, какие художники мне нравятся больше всего...

Скоро я стал прогуливать, избегая назойливого внимания, а потом не нашел ничего лучше, как перевестись на дистанционное обучение. Отказываться от университета я был не готов. Как и от уроков Ланса: я тратил на занятия с ним все больше и больше, с остервенением тренируюсь чуть не до истощения. Благодаря отзывам мне с какой-то неистовостью захотелось самосовершенствоваться еще быстрее, бросив все свои способности на то, что в следующий раз потрясет не только Париж, но, может быть, всю Францию или даже мир.

Глава одиннадцатая

Я вовсю упивался триумфом и уже планировал следующую выставку, когда с просьбой о личной встрече позвонил мой юрист. Он прибыл после обеда и, поправляя очки, стал раскладывать бумаги. Я пригласил его в рабочий кабинет, порог которого не переступал уже много месяцев, и мне было неуютно в холодном, плохо проветренном перед внезапным визитом помещении. Просторная комната казалась маленькой, даже несмотря на высокие, широкие окна: стены ее были обиты дубовыми панелями, а вся мебель выдержана в похожих мрачных оттенках; солнце уже давно ушло с этой стороны дома, и плотные тени просачивались внутрь прямо под захлопнутые створки. Я ерзал на жестком стуле, боролся с желанием вскочить и сбежать, мечтал вернуться в свою студию, чтобы продолжить новый эксперимент, но этот полноватый нервозный человек нарушал все мои планы. Я с отвращением смотрел на его лысину и на кипу документов,

а перед глазами плыли краски, которые я смешивал до его звонка. Интересно, а что будет, если...

Гость откашлялся.

— Месье Вердье, я должен вам кое-что сообщить. Это очень важная информация, потому прошу вас отнестись к моим словам с особым вниманием.

Очевидно, он заметил мою рассеянность и желание отделаться поскорее от нудных процедур. Я только кивнул. Делать было нечего.

— Вас счет заморожен, месье Вердье, — юрист тянуть не стал.

Я нахмурился.

— Почему?

— Ваши расходы достигли критической отметки. А по тайному завещанию вашего отца, — он вытащил лист и протянул мне, — вы не можете пользоваться своим счетом, пока не пополните его до определенного уровня.

Я принял документ, но буквы не хотели в понятные слова складываться. Я только недоуменно посмотрел на юриста.

— Счет откроется для списаний, как только вы пополните его на определенную сумму, — объяснил он.

— Что это за шутка? — не понимал я.

— Ваши расходы... — снова забубнил юрист.

— Я что, разорен? — вырвалось у меня.

В комнате повисла противная, липкая тишина. Снаружи доносился скрежет ножниц садовника. Вдалеке шумело шоссе.

— Не совсем, — помялся юрист. — Вы потратили слишком много... Остаток на счету есть, но вам не разрешается его расходовать, пока вы не пополните счет до определенной отметки, — юрист снова ткнул своим толстым красным пальцем в аккуратную отметку на гербовой бумаге.

Я уже не слушал. Осмысление приходило медленно.

— Но я должен найти огромную сумму! — я провел пальцем по череде нулей в документе.

— К сожалению, да, — кивнул юрист.

— И сейчас у меня нет ни цента? — уточнил я.

— Фактически — нет, — он беспокойно перебирал листы документов. — Однако баланс на вашем счету положительный.

— Но почему я просто не могу снять эти деньги? — не понимал я.

— По завещанию... — начал бормотать юрист, но я его прервал.

— Но это мой счет! Я знаю секретное слово, я знаю все пароли кредитных карт...

— Это ничего не меняет. Эта бумага... — юрист потер уголки глаз, как будто это могло придать ему сил для объяснения трудной темы глупому ребенку.

— Но чем же мне платить за мои занятия? Чем платить слугам?

— Придется затянуть пояс, — аккуратно предложил юрист.

— Но как же я его затяну, если у меня ничего нет? Осталось немного наличных, но этого не хватит и на месяц...

— Придется придумать, — как будто с сожалением произнес он.

Он сверкнул очками, и я понял, что ошибся: он смотрел на меня с плохо скрываемым пренебрежением. Он нервничал и немного заикался, но это не мешало ему отчаянно меня презирать: наследничка, который слишком долго жил без оглядки.

— Подождите, — я попытался не отвлекаться. Мысли этого клерка должны волновать меня сейчас меньше всего. — Я ведь могу продать что-то из имущества, так ведь?

— Нет, на это вы права не имеете, — отрезал он с внезапной суровостью.

— Да кто же за мной будет следить? — неожиданно рассмеялся я.

— Любая финансовая операция с вашим именем будет отменена, — начал он объяснять. — Вы не сможете официально продать ни одну скульптуру из вашего наследства. Конечно, никто не помешает вам найти покупателя на черном рынке, но, думаю, оказаться за решеткой вам было бы крайне нежелательно. Обратите внимание: за вами *будут следить*, и куда внимательнее, чем вам кажется.

Я нахмурился. Напоминало детектив.

— Но что же мне делать? — спросил я потерянно, но еще слабо осознавая свое положение.

Мне все казалось, что решение этой внезапной проблемы должно отыскаться просто и быстро.

— Заработать, — просто подытожил юрист и стал собирать свои бумаги, которые он толком и не использовал. Наверное, разложенные на столе, они морально поддерживали, ведь он мог заглянуть в любой из параграфов.

Я бездумно смотрел, как он сортирует листы по папкам. В руках я все еще держал бумагу, подписанную отцом. Что это? Странная игра с деньгами? Секретный замысел предусмотрительного родителя, призванный спасти непутового сына?... Спасти... Но как же я заработаю?

Узнав о моем положении, слуги ушли почти сразу. Сначала горничные, потом Кристоф («Простите, шеф», — бросил он, складывая фартук), а затем и старый верный Филипп («Я уже далеко не молод», — он пожал плечами). Остался один садовник. Но ему, кажется, не было дела ни до меня, ни до дома: его империей был сад, а пока он цвел,

жизнь для него продолжалась. На какие деньги он собирался существовать, я не понимал. Может, он отложил кое-что на черный день. Вот чего я не делал никогда, да и не думал, что такое может понадобиться!

Покинул меня и бухгалтер. «Нет средств — нет и работы для месье Моро», — равнодушно кинул он и повесил трубку. Очевидно, он с таким же безразличием следил за тем, как состояние на моем счету неотвратимо стремится к нулю. Наверное, нашел себе другое место задолго до конца. И ни разу не подумал оповестить меня о близком разорении! А может, он и сам был не так уж чист на руку?

Я стал лихорадочно копаться в тех счетах, которые смог отыскать. Они хранились в ужаснейшем беспорядке, и я не понимал ни цифры в этой финансовой абракадабре. Математика моей сильной стороной не была никогда. Оставив это бесполезное занятие, я стал метаться по дому в поисках сейфов. Один прятался за прованским пейзажем в кабинете, но он был пуст. Другой, как я помнил, вделали в стену одной из гардеробных на втором этаже. Я отыскал его не сразу, но куда более трудной задачей оказался код. Кабинетный сейф был мне знаком: отец использовал его при

мне не раз, и код отпечатался в памяти хорошо. Но второй?.. Я перебирал комбинации одну за другой: даты рождения, важные дни, суммы чисел... В конце концов я ткнул наугад номер собственного дома, и створка щелкнула. Внутри тоже оказалось пусто.

Покончив с сейфами, я перерыл свои вещи. Я выворачивал карманы брюк и пиджаков, перетряхивал ящики и шкафы, даже перевернул матрас. В результате на столе образовалась стопка помятых мелких купюр, а рядом — россыпь монет. У меня осталось около пятисот евро, и раньше такой суммы мне хватало на пару дней.

Вечером позвонил Ланс.

— Ты забыл о занятии? — поинтересовался он. — Уже половина восьмого.

— Прости меня, Ланс, — я схватился за голову. — Я пока что сделаю небольшую паузу.

— Паузу? — чуть не обиженно протянул он. — Но ты же потеряешь навык! Как же твой стиль?

— Это ненадолго. Я позвоню тебе, как только смогу.

На самом деле меня охватила паника. Я нервно сглотнул. Конечности похолодели.

Я не знал, когда смогу ему перезвонить.

Я не знал даже, как через неделю буду платить за свои обеды.

Положив трубку, я еще раз обошел дом в поисках возможного источника денег. Со стен на меня слепо смотрели многомиллионные картины; с угловых столиков — баснословно дорогие скульптуры. Я разглядывал антикварные стулья из резного дерева, диваны, обтянутые китайским шелком, хрустальные чернильницы, письменные принадлежности с малахитовыми вставками, мраморные каминные полки, столешницы с мозаикой из драгоценных камней, бронзовые подсвечники, старинные часы, украшенные серебряными фигурками птиц... Чем дальше я на все это смотрел, тем больше казалось, что меня заключили в золотую клетку. Ключ от ее замка я должен сделать из того же золота, и я мог бы переплавить прутья, но мне нельзя их трогать...

В конце концов взгляд упал на книги. О некоторых мечтали лучшие парижские музеи древностей, а некоторые стоили всего пару евро. Потом взгляд двинулся дальше. Мебель! Не антиквариат, а простые стулья на кухне. Или

техника: микроволновая печь мне ни к чему, обойдусь пока плитой... А может, и плита мне совсем не нужна? Все равно я не умею готовить, и сэндвич из багета с сыром и жамбоном — верх моих кулинарных способностей...

Чтобы не привлекать внимания, я мог бы начать с простого. Никакие договоры в интернете не потребуются... Размещу объявления на каком-нибудь бесплатном ресурсе, зарегистрируюсь под вымышленным именем... И как они меня вычислят? К тому же, готов спорить, угрозы юриста пустые. Кому я нужен со своими грошовыми книжонками?

Отвращение к самому себе поднялось во мне тяжелой волной. Я собираюсь торговать стульями! Какой абсурд! Что за чертова глупость?

А потом новое озарение вспыхнуло яркой искрой, и я хлопнул себя по лбу. Картины! Не те, что висят в холле, а те, что лежат в моей студии. Ведь я художник! Я стал настоящим художником благодаря выставке! Я получил сорок шесть хвалебных отзывов от ведущих парижских критиков, и теперь мои картины должны стоять целое состояние! Как же все просто, какой же я идиот! Заработать тем, что у меня получается лучше всего. Искусство!

Я бросился по лестнице на чердак, в спешке оступился, рухнул на ступеньки и ушиб колено. Однако боли я почти не почувствовал — так меня захватила идея собственного спасения. Хромая и морщась, я доковылял до студии, встал посреди комнатки и осмотрел свое будущее состояние. Я ликовал. Вот, что должно было вернуть так внезапно ускользнувшее богатство! Нет, мне не дано так бездарно упустить свою судьбу. Я рожден, чтобы купаться в деньгах, и никакие внезапные обстоятельства мне не помешают!

Я сразу принялся за дело. Разместить очередную рекламу я пока что не мог, но никто не мешал мне позвонить Лансу.

— Передумал? — усмехнулся тот в трубку, услышав мой голос.

— Понимаешь, — начал я. — Я хотел бы начать зарабатывать своими картинами. Я много написал, да и выставка имела успех. Не мог бы ты мне помочь?

На том конце провода повисло задумчивое молчание.

— Хочешь разместить их на продажу? — наконец спросил он.

— Да, — я кивнул. — Хотя бы парочку для начала. Ведь они так понравились критикам! Думаю, их можно продать довольно быстро.

Ланс снова помолчал, словно решал в уме труднейшую задачку.

— Я попробую, — сказал он. — Но, может быть, откроем выставку-продажу? Нужно будет снять помещение, дать новые объявления...

— Я не могу тратиться на рекламу, — прервал его я. — Что-нибудь попроще. Может, кто-то из твоих друзей захочет купить несколько моих картин? Наверняка ты знаешь каких-нибудь коллекционеров...

Ланс хмыкнул.

— Попробовать можно, — сухо проговорил он. — Но я ничего не гарантирую. Нужно подождать...

— Сколько? — нетерпение меня одолевало.

— Пару месяцев. Понимаешь, Леон, такие дела быстро не делаются. Пока я ищу покупателя, пока он принимает решение... — его голос звучал неуверенно.

— Но выставка же была такой успешной! — не унимался я.

— Конечно, — глухо отозвался Ланс. — В общем, я ничего не обещаю, но сделаю все, что смогу.

Мы попрощались, и я в задумчивости повесил трубку. Ланс словно бы сомневался, что картины можно продать, но почему? Сорок шесть хвалебных отзывов!

Я позвонил Эстель.

— Продать? Но они же так прекрасны! — изумилась Эстель.

— Они могут дать неплохую выручку, — ответил я.

— С каких пор вас волнуют деньги? — не понимала она.

— Мне показалось, что я могу начать зарабатывать... — пробормотал я уже не так уверенно.

— Конечно, успех был сногшибательный, и ваши картины разлетятся в два счета, но так быстро! Дайте им набрать цену. Еще несколько выставок — и вы станете самым модным художником сезона. Стоимость ваших работ взлетит до небес! — она рисовала мое будущее, захлебываясь словами.

— Я хотел бы начать продавать сейчас, — я был непреклонен.

— Как хотите... — разочарованно протянула она. — Я поспрашиваю друзей, где вам лучше разместиться...

— Пока что я не могу снять помещение.

— Но как же вы хотите найти покупателей?

— Может, передать картины в какую-нибудь галерею? Конечно, придется платить процент...

— И немаленький! — вставила Эстель почти яростно. — Давайте лучше откроем вашу собственную. Всего пара десятков метров, какой-нибудь милый уголок...

— Я не могу, — снова прервал я.

— Да что же вы за человек! — звонко воскликнула она.

— И мне хотелось бы повернуть это как можно скорее, — добавил я.

— Еще и срочно! Не уверена, что помогу. Я, конечно, расспрошу... Может, кто-то даст дельный совет... Но я просто не знаю, что сказать. Удивительно! — ее голос возмущенно звенел.

После разговора с Эстель я решил действовать сам: отыскал несколько сайтов бесплатных объявлений, сфотографировал несколько картин и разместил их на

продажу. Хоть что-то зависело от меня полностью! И Ланс, и Эстель звучали странно. Словно не могли или не хотели помочь, будто я не был их другом, не заплатил им щедро за помощь в организации выставки... Но со своими объявлениями я мог быть уверен: покупатель объявится обязательно. Не может не найтись! О моих картинах трубили на каждом углу. Неприятно вышло с растратой средств, но скоро все пойдет как раньше. Я нашел для себя удачное хобби и теперь смогу неплохо заработать! Но как же противно беспокоиться о деньгах, особенно когда все твои мысли о творчестве... Презренный металл.

С такими мыслями я и заснул.

Наутро я первым делом проверил объявления, но ответов не поступало. К обеду тоже стояла тишина, а к вечеру я забеспокоился. Может, все-таки попробовать идею с галереями? В конце концов, плевать на процент, пусть разместят хоть как-то!

Я позвонил в несколько мест, но меня встретили отказом. Все как один вежливо отвечали, что мой формат им не подходит. Я стал искать заведения попроще, но и там получил отказ: в ближайшее время новые работы не

принимаем. Не понимая, что происходит, я стал искать телефоны простеньких картинных лавок, и там мне впервые улыбнулась удача.

— Что за картины? — буркнули мне в трубку. — Кто автор? Несите завтра.

Я слегка оторопел от короткого разговора, да и голос звучал незаинтересованно, но картины взять согласились, и оттого стало немного легче на душе. Может, и невесть что, но нужно же где-то разместиться! Но как же странно, что все галереи, словно сговорившись, отказались брать мои работы...

Наутро я отнес три картины в лавку, которую отыскал вчера. Находилась она на окраине, чем пренеприятно меня удивила, да и помещение было крошечным, пыльным и душным. Колокольчик звякнул, когда я распахнул дверь, и в темной глубине комнаты что-то зашевелилось.

— Есть кто-нибудь? — спросил я в воздух.

Вышел старик в потрепанном пиджаке и воззрился на меня усталым взглядом.

— Я вам вчера звонил... Хотел бы продать картины,
— я замялся.

Я как будто мешал старику, отвлекая от безумно важных дел.

— Вы кто? — не очень любезно спросил он.

Я представился и развернул картины.

— В прошлом месяце я провел выставку, очень успешную... — мне казалось, я оправдываюсь.

Старик фыркнул:

— По пятнашке, может, и дам.

— По пятнадцать тысяч? — я неприятно скривился.

Старик поперхнулся возмущением.

— Пятнадцать евро!

Я посмотрел на него с непониманием. Из-за облака выглянуло солнце, и только теперь, когда лучи залили помещение, я понял, какая витрина грязная. Да ее, наверное, несколько лет не протирали!

— Пятнадцать евро? — переспросил я, не веря.

— Хотите шестнадцать? — усмехнулся он.

Я решительно стал заворачивать картины обратно.

— До свидания! — возмущенно кинул я.

До дома я добирался на такси, а когда заплатил, обнаружил, что стопка банкнот значительно похудела. Пересчитав деньги, я понял, что осталось у меня не многим больше пары сотен. Экономить я не умел, но подумал, что в следующий раз мог бы попробовать прокатиться на метро.

Дома было тихо и удивительно пусто. Как странно все поменялось, когда я остался один! Гулким эхом отдавались шаги, из сада доносилось пение птиц, шелестел фонтан... Я остановился посреди холла и прислушался: молчание давило на уши, и даже тихие звуки улицы не могли с ним поспорить. Я был один, и только где-то на том конце сада, наверное, орудовал ножницами садовник.

Я тряхнул головой. Абсурд! Стоит и дальше обзванивать галереи и лавки. Но не такие, как я увидел сегодня. Это какое-то надувательство! Одно дело — продать за пятнадцать евро микроволновую печь, но совсем другое — картину на миллион, о которой в прошлом месяце захлебываясь писали все критики Парижа.

А одиночество... Пора повидаться с друзьями. Они подскажут, что делать.

Мы собрались в ресторане, который выбрала Лилиан. Это была не сомнительная пивнушка, которую предложил Стил в прошлый раз, а вполне достойное место с оркестром и свежими устрицами из Бискайского залива, чему я искренне порадовался. Забывшись, я улыбался в предвкушении гастрономических изысков, но раскрыв меню, вспомнил, что смогу оплатить разве что салат. А завтра стоило наведаться в супермаркет и купить еды... Самому. Впервые в жизни.

Я все еще не мог поверить, что разорен. Это казалось временным, случайным состоянием... Уже через месяц все образуется, я был уверен.

К тому же пока не хотелось думать о трудном. В конце концов, я пригласил друзей, чтобы насладиться их компанией.

— Ну, как твои творческие потуги? — беззлобно хохотнул Стил, хлопая меня по плечу.

Я скривился:

— Неплохо, спасибо. Лучше расскажи о себе. Что с твоей группой?

Стил отмахнулся:

— А, все по-старому. Мне интересно другое: ты не зазнался от своего успеха? Выставка была высший класс!

Я сдержанно кивнул. Очень хотелось перевести тему, но друзья, как назло, возвращались к тому, о чем я не мог заставить говорить их раньше.

— Вообще говоря, просто оглушительный успех, — с восхищенно улыбкой качала головой Эдит. — И как тебе удалось?

— Ты теперь просто-таки знаменитость! — вставил Стил.

— «Цветочница» — чудо! — заливалась соловьем Лилиан.

Я хмурился. Жан, который сидел рядом, безмолвствовал. Кажется, у нас установилась новая дружба: молчаливая и равнодушная. Я косился в его сторону, ожидая хоть какого-то слова, пусть даже о погоде, но тот сосредоточился на перекладывании кусочков сахара в хрустальной вазочке. Играла тихая музыка, струился приглушенный свет, официанты улыбались мягко и добро, и все вокруг казалось таким чудесным, таким счастливым... Кроме хмурого лица Жана, конечно.

Я откашлялся.

— Хочу продать пару картин, — начал я. — Подумал, почему бы и нет. Раз уж они всем так понравились...

— Отличная идея! — подхватила Лилиан. — Несколько миллионов лишними не будут!

Я повел плечом, будто хотел отмахнуться от странной злободневности ее слов.

— Может, вы знаете кого-то, кто захочет купить?..

Но они не знали.

— Лилиан, а ты не хочешь взять «Цветочницу»? — пришла мне в голову идея.

— С удовольствием! — она рассмеялась.

Я замер. Неужели впередсмотрящий увидел сушу?..

— Только если по дружбе. Бесплатно, — добавила она.

Я сник.

— Станный ты какой-то, — заметил Жан. Я повернулся к нему почти с радостью. Может, он наконец готов со мной разговаривать без оскорблений?

— Дерганный, усталый, — продолжил он.

Я нервно рассмеялся:

— Да, ерунда. Временные трудности.

Разговор ушел в другое русло, но Жан нет-нет да поглядывал на меня подозрительно. Я больше отмалчивался, все время возвращаясь мыслями к полупустому кошельку, но друзья веселились и без меня. К концу обеда счет, по обыкновению, пододвинули ко мне, но я положил лишь грязную двадцатку.

— Да ты сегодня жмот, — присвистнул Стил. — А мы?

— Я немного поиздержался, — осторожно объяснил я.

Все взгляды обратились на меня: нахмуренный — Стила, разочарованный — Лилиан, настороженный — Эдит, удивленный — Жана.

— Это как? — не понял Стил. — У тебя нет пары сотен?

— Нет, — выдавил я.

Они с видимым недоумением стали доставать свои кошельки, а мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Я понимаю, просьба необычная... — замялся я. — Но, может быть, у кого-нибудь есть пара тысяч в долг? Я

хочу снять небольшую галерею, выставить картины на продажу...

Вряд ли стоит ждать помощи от Ланса и Эстель. Возьмусь-ка я сам за свою судьбу.

Друзья молчали. Лилиан прятала глаза, Эдит копалась в сумочке, Стил допивал свое вино. Только Жан вымолвил:

— У меня есть.

Я изумленно на него уставился. Кажется, именно ему все мои художественные начинания не нравились больше всего...

— Вернешь, когда будет удобно, — добавил он. — Я попрошу перевести на твой счет завтра утром...

— Нет! — я прервал его слишком резко, и Жан вздрогнул. — Лучше наличные...

— Как хочешь, — сухо отозвался он.

Разошлись мы в неловком молчании. Лилиан даже не кивнула мне вслед, Стил протянул руку как-то сконфуженно, а Эдит глянула на меня почти с жалостью. Жан выглядел абсолютно непроницаемо, но что-то между нами изменилось, я это чувствовал. Он попрощался со мной

прохладно, однако ответ на мой призыв о помощи заставлял думать, что теперь все будет иначе. Может, он изменил свое мнение о моих картинах? А может, просто показывает свое превосходство? Или он и вовсе ни о чем не думал, ведь такие деньги для него — мелочь? Но остальные даже рта не раскрыли, даже взглянуть в мою сторону не хотели. Удивительно, все как один! Кроме Жана.

Почти всю ночь я искал в интернете место для галереи. Выходило куда дороже пары тысяч, но я надеялся, что Жан не откажет мне в небольшой надбавке. Я выбрал крошечную студию в приятном артистическом квартале, а наутро получил конверт от друга: в нем лежали двадцать пятисотенных банкнот. Было печально видеть курьера, а не самого Жана, но возмущаться было нечего: он дал мне куда больше, чем я просил.

Я тут же договорился о встрече с арендодателем, а к вечеру подписал все бумаги. Мне с лихвой хватало средств, чтобы снимать помещение месяц, а также давать скромную, но вполне достаточную рекламу. Остатки я собирался пустить на текущие расходы. Ситуация налаживалась, и, выставив картины, я стал терпеливо ждать. Должно же это наваждение когда-то закончиться!

Однако мои ожидания не оправдались. Посетителей приходило немного, и я изводился от скуки, сидя целый день за столом, словно банальный конторский служащий. Поначалу я открывал утром ставни, напевая себе под нос от предвкушения. К концу месяца просиживал до полуночи, только бы застать хоть еще несколько посетителей. Они лениво бродили меж перегородок, а потом молчаливо выходили. Некоторые задавали пару вопросов, но покупать не спешили. Другие интересовались стоимостью, но теряли всякий интерес, как только я называл сумму. В конце концов я предлагал назвать свою цену. Они цокали языком и говорили о сотне или двух. Я качал головой, а они без особой печали уходили. Я решил, что дело в недостаточной рекламе, и пустил остатки денег на новые афиши и модули в газетах. Теперь мне приходилось экономить на еде, лишь бы протянуть до первого щедрого покупателя, и я жалел, что отпустил ту пожилую даму, которая была готова дать мне семьдесят евро за «Цветочницу». Сейчас мне не помешали бы и такие деньги, но больше никто свою цену не предлагал. Люди входили, осматривались и выходили. Бродили, останавливались, изучали, наклоняли головы и... уходили.

Дело не шло.

Совсем.

Часть вторая

Глава первая

Новая квартира была небольшой, но после особняка казалась крошечной. Теперь я распоряжался всего лишь двумя спальнями, узенькой столовой, кухней и единственной ванной, но оплачивать счета за дом я больше не мог, а эта маленькая, но удобная квартирка в центре Парижа вполне отвечала моим вкусам и полупустому кошельку. Поначалу я присматривался к новостройкам на окраине, но потом понял, что, каким бы отчаянным мое положение ни было, жить в безликих бетонных коробках, словно крыса, я не мог. Серое однообразие прямых линий одинаковых кварталов выводило меня из себя. Вот уж какво настоящее отчаяние! Я сбежал, так и не посмотрев ни одной квартиры, а потом нашел эту.

Она была наполнена ароматами прошлого, под ногами скрипел паркет, на стенах висели уже давно

вышедшие из моды обои, а высокие окна от пола до потолка прятались за витыми прутьями псевдобалкончиков. Старые деревянные шкафы в кухне сначала повергли меня в настоящий ужас: пожилая хозяйка ремонтом интересовалась мало, а висящие на одной петле дверцы ее беспокоили и того меньше. Скучная мебель в других комнатах была выдержана в том же духе гордой старины: выглядела угрюмо, но служила, пусть и из последних сил. Лампа в столовой светила масляно-желтым, тусклым светом, и вечерами в углах, словно грязь, собирались густые, плотные тени. Матрас на кровати в главной спальне был проеден молью и выбивал клубы пыли, стоило по нему хорошенько стукнуть. Пустой книжный стеллаж в коридоре рухнул в первый же день, когда я решил поставить на него несколько безделушек, в порыве ностальгии захваченных из особняка. Но все эти мелочи, вызывая поначалу непонимание и страх, представлялись совсем незначительными, стоило мне выглянуть в окно. Я все еще жил в центре Парижа, и эта квартира, скрипя каждой трещиной, казалась мне стариком-сказочником, который едва мог разогнуться, но рассказывал такие истории, которых не знал ни один свежестроенный, пахнущий краской, бетонной пылью и деревом дом.

Лифт в решетчатой клетки, которую огибала винтовая лестница, уже давно не работал, и потому каждый день я поднимался к себе пешком. Поначалу взбираться на пятый этаж казалось дикостью, а потом я привык. Каждое такое восхождение даже казалось мне маленьким приключением, и, добравшись до своей двери, я мысленно ставил себе очередную звездочку, вознамерившись к концу месяца накопить на несколько созвездий. Старый матрас я заменил на новый, выкинул рухнувший стеллаж, а мутно-желтую лампочку в столовой к концу первого месяца и вовсе перестал замечать. Я потихоньку обустроивался и, просыпаясь каждое утро от солнечных лучей, бьющих сквозь щели в жалюзи, ненадолго забывал, в какую попал передрыгу.

За это новое, пусть и не очень роскошное жилье я был обязан Жану. Конечно, я только и говорил о своем банкротстве, и не расслышать отчаяния в моем голосе мог разве что глухой, но о том, чтобы снова попросить у друзей в долг, я и не думал. Никогда еще я не жил в займы: моей совести хватало и той суммы, которая бесследно ушла на затею с выставкой-продажей. Было в этих повисших в воздухе цифрах что-то мерзкое, липкое. Однако мне было

нужно на что-то жить дальше, и Жан, видя, как остатки моих средств тают, выписал мне чек, наотрез отказавшись даже разговаривать о возврате.

— Эти же деньги ты когда-то дал мне в казино, — отрезал Жан. — Считай, что я возвращаю свой долг.

Ответить было нечего.

С этими деньгами я перебрался в новую квартиру и обустроил ее по своему вкусу, стараясь не шиковать, как привык, но и не отказывая себе слишком строго в приятных и необходимых для настроения мелочах. Я попытался вести бюджет, записывая расходы в блокнот, но быстро сбился и забросил это занятие, пообещав себе просто «быть аккуратным». Ездить на метро в рамках новой экономии было выше моих сил, потому я забрал из поместья одну из служебных машин — черную крошечную Пежо, которая бензина потребляла совсем немного, а как средство передвижения за неимением более привычных альтернатив вполне годилась.

Попытки продать свои картины я не бросил, но успеха не добился. Галереи, как и раньше, или молчали, или ссылались на излишнюю загруженность, а я задумчиво

пересматривал вырезки статей о моей первой и последней выставке, уже не веря, что она когда-то была реальностью. Я стал искать работу, разыскав академическую выписку о курсах, которые я успел изучить за свою недолгую учебу на юридическом факультете, но и это пока что плодов не приносило. У меня не было ни оконченного образования, ни опыта, а с такими данными я годился разве что подносить кофе или драить полы, но я упорно рассылал резюме, надеясь хоть кому-то понравиться настолько, чтобы меня приняли хотя бы на самую низкооплачиваемую стажировку, где я смог бы получить немного опыта и денег.

За все это время ни Лилиан, ни Стил, ни Эдит с Китом не навестили меня в новой квартире. Может быть, я немного преувеличивал, описывая ужасы, с которыми мне пришлось бороться: засорившийся сток в ванной, из-за которого вода стояла три дня, пока я пробовал то одно средство из супермаркета за углом, то другое, или расшатавшиеся планки паркета при входе, за которые я зацепился носком ботинка и чуть не расшиб себе нос, или ключ, сломавшийся прямо в старом замке, из-за которого мне пришлось вызывать слесаря, едва говорившего по-французски... А может быть, им не совсем нравились моя

новая привычка везде смотреть на цифры и кривить нос на заведения, которые задирали цены уж совсем неприлично. В этом было что-то невозможно занудное, и меня самого тянуло хоть разок плюнуть на все и покутить по-настоящему, как в старые добрые времена. Но потом я заглядывал в кошелек, вспоминал, что на столике в прихожей лежат неоплаченные счета за месяц, в ванной кончается мыло, а в кухне больше нет ни грамма чая, да и кофе подходит к концу, и мысли о веселой пьянке увядали, так и не распустившись.

Зато с Жаном, несмотря на нашу последнюю ссору, все складывалось совсем по-другому. Может быть, ему нравилась моя квартира с ароматом старого паркета, по которому ходили одно за другим несколько поколений, а может, неторопливые посиделки с хорошим вином, которое он приносил под мышкой, пришлись ему по душе не меньше меня. Старая холодность сгладилась, а когда о картинах и выставке мы не заговаривали, казалось, что все снова по-старому. Ни следа не осталось от сдержанного молчания, от хмурого, напряженного, будто бы раздраженного взгляда. Мы просиживали вечера у запахнутых окон с бокалами вина, слушая воркование

голубей под крышей, звуки скрипки из ресторана неподалеку, шелест фонтана в конце улицы и пересвист птиц в кронах каштанов.

Иногда мне казалось, что, если бы не Жан, я остался бы совсем один. Занятия по истории искусства, живописи Возрождения и скульптуре закончились, как и уроки Ланса. Он еще звонил мне раз или два, но, услышав о моем непрестом положении, бесследно пропал. Телефон Эстель молчал, к тому же я не так уж и рвался услышать ее голос снова. Чем больше я вспоминал эту женщину, тем чаще в голову приходило слово «искусственность». Наши последние разговоры совсем не вязались с первыми встречами и казались какими-то пластиковыми, ненастоящими, будто и ее голос, и ее саму заменили. Разочарование, скомканные паузы — словно она раздумывала, стоит ли вообще быть со мной знакомой. Лилиан все отнекивалась, рассказывая об очередном знакомом, с которым они собирались в Испанию, Стил вместе с Китом репетировали круглые сутки, а Эдит готовилась к очередному экзамену, утонув в учебе. Зато Жан, стоило мне заглянуть к нему, всегда откладывал дела в сторону. Он все еще работал над каким-то проектом, вот-вот

готовясь его воплотить, но оставлял свои бесчисленные планы, чертежи и наброски, чтобы спуститься в подвал за новой бутылкой вина и долго, весело спорить, какое мы сегодня попробуем.

Как-то я возвращался в город после одного из таких вечеров у Жана. Лил такой дождь, что дворники не справлялись, а лобовое стекло тут же заливало так, что я почти ничего не видел. Мокрые улицы были безлюдны, и на дороге я за эти полчаса встретил всего три автомобиля. Мы с моим маленьким Пежо едва тащились, а я мечтал поскорее оказаться в сухом, теплом уюте дома, где можно будет принять ванну, завернуться в толстое пуховое одеяло и улечься спать.

Я встал на светофоре и невольно засмотрелся на одинокую фигуру девушки на автобусной остановке. Было поздно, транспорт едва ходил, и вокруг не было ни души. Она покорно стояла, высматривая в темноте огни спасительного автобуса, а по стеклянной крыше колотил ливень. Одетая она была чудно: цветная куртка, несуразная полосатая шапочка, кроссовки. За спиной виднелся огромный рюкзак, который она так и не скинула на мокрый асфальт, несмотря на то что, видимо, стояла долго. Эта

девушка больше напоминала бродяжку, но в ее облике было что-то до странности гармоничное. Промокшая до нитки, с тяжелым рюкзаком, она заложила руки в карманы и переступала в лужах, словно пританцовывала, и, кажется, подпевала себе под нос. Ее губы шевелились, как будто она или разговаривала сама с собой, или вправду пела, а в глазах, на которые все время падали мокрые пряди из-под шапочки, не было ни капли усталости. Я разглядел все это только потому, что дождь, будто специально, ослаб, но тут загорелся зеленый. Меня ждала горячая ванна и мягкая постель, но я так рванул сцепление, что бедный Пежо, дернувшись, заглох. А я тут же принял решение.

— Садитесь, — крикнул я в усилившийся ливень, распахнув дверцу. — Вы тут всю ночь стоять будете. Давайте я вас подвезу.

Девушка поколебалась мгновение, скинула рюкзак, бросила его на заднее сиденье и плюхнулась рядом со мной.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Надеюсь, вы не завезете меня, куда не нужно.

Она весело улыбнулась, стягивая шапочку и убирая с лица мокрые волосы.

— А куда нужно? — тут же с улыбкой отозвался я.

Девушка назвала адрес.

— Там живут мои друзья, — объяснила она, ерзя на сиденье. — Это недалеко. Я не успею промочить вашу машину насквозь.

Я усмехнулся.

Когда мы прибыли, девушка, отблагодарив меня, выскочила под козырек, но я отъехал не сразу. Она слишком долго ждала у двери, нажимая на кнопку домофона, а потом вытащила телефон и позвонила, но и теперь ей никто не ответил.

— Никого? — поинтересовался я в открытое окно.

— Тишина, — она недоуменно пожала плечами.

— Вы их хорошо знаете? — спросил я.

— Не очень. Мы познакомились в интернете. Они, скорее, знакомые, чем друзья... — она задумчиво смотрела на запертую дверь.

— Что же вы думаете делать?

— Что-нибудь придумаю, — улыбнулась она, подтягивая лямки рюкзака.

Уверенность испарялась, и она уже не выглядела так спокойно, как на автобусной остановке, где я ее встретил. Она нервно поглядывала вокруг, в темноту пустой мокрой улицы, а я представил, как она, натянув шапочку на уши, устраивается ночевать на скамейке в ближайшем парке.

— Уже полвторого, — я посмотрел на часы. — В такое время вам даже в гостинице никто не откроет. Тем более что ее еще нужно найти. Я не хочу, чтобы вы поняли меня превратно, но я могу вас приютить.

Она взглянула на меня недоверчиво.

— У меня две спальни, — кивнул я. — Вы вполне можете занять одну из них.

Я и сам не понимал, зачем ее приглашаю. Она была странной, нелепо одетой незнакомкой и вполне могла бы оказаться воровкой или сумасшедшей. Ведь чего только не случается! Но у нее был такой потерянный, тусклый взгляд, что я невольно отбросил все подозрения. Куда она сейчас пойдет? Где будет спать? Разве могу я взять и просто так уехать, чтобы она смотрела мне вслед? Мне, случайному знакомому, который довез ее из одной бесполезной точки в другую. К тому же огромный рюкзак явно говорил, что она

путешественница. Вряд ли ей хочется нагружать свои хрупкие плечи лишним скарбом, вынесенным из квартиры доброго случайного знакомого.

— Ну что, согласны? — я снова распахнул перед ней дверцу.

Она поколебалась еще немного, теребя завязки от лямок рюкзака.

— У меня есть мятный чай, — улыбнулся я. — Отлично прогревает после такого ливня.

Она рассмеялась:

— Ну, раз мятный чай...

— Есть еще и черный, и белый, если хотите. И жасминовый.

— Нет-нет, чай с мятой вполне подойдет, — она весело наклонила голову, усаживаясь рядом.

Мокрый рюкзак снова отправился на заднее сиденье.

— Я недавно переехал, — объяснил я. — Только обустраиваюсь. Так что вы уж простите небольшой беспорядок.

Девушка закатила глаза:

— У мужчин в квартирах всегда беспорядок.

Я подумал добавить, что раньше у меня всегда было чисто и аккуратно, но благодаря не моим усилиям, а прислуги, но решил промолчать. Как-то плохо это годилось для начала знакомства. Впрочем, и для продолжения тоже.

Девушка была явно не из тех, кто не умел о себе позаботиться. Поднявшись в квартиру, она аккуратно сложила свои вещи в комнате, разложила промокший рюкзак, развесила мокрую одежду на батареях и переделалась в сухое, которое только сумела у себя отыскать. Я оставил чайник кипятиться, вынул чашки и чай, а сам отправился в ванную. Когда я снова заглянул на кухню, она уже сама заварила чай и тихонько сидела в углу с полной кружкой.

— Хотите молока? Лимон? — я распахнул холодильник.

— Нет, спасибо, — она снова мягко улыбнулась.

Я налил чая и себе, сел напротив и стал наблюдать за незнакомкой. Оказавшись на чужой территории, она вся как-то подобралась: сидела на краешке стула, сама первой не заговаривала, да и вообще вела себя со всей возможной скромностью непрошеного гостя. В ее облике чувствовалось что-

то южное, но я никак не мог разобрать, откуда моя гостья родом. У нее была смугловатая кожа, темные ресницы, пухлые губы, и она могла бы сойти и за итальянку, и за испанку, но акцента я так и не услышал, в конце концов решив, что она француженка. У нее было красивое, открытое лицо без грамма макияжа, и одета она была так же: чуть небрежно, просто и удобно. Волосы у нее еще не высохли, и она мерзло куталась в свою шерстяную кофту на больших пуговицах.

— У меня, к сожалению, нет фена... — извинился я.

— Мне совсем не холодно, — прервала меня незнакомка. — Только выпью чаю, и все будет отлично.

— Могу предложить вам свитер, — не унимался я, поглядывая на ее синеватые от холода губы.

— Все хорошо, — улыбнулась она. — Прошу, не беспокойтесь. Все в порядке.

Она упорно не хотела принимать мою помощь, и это было даже забавно.

— Кстати, меня зовут Леон, — я вспомнил, что мы так и не представились.

— Луиса, — кивнула она.

Я еще хотел спросить, откуда она и куда собирается, но Луиса встала, отставив пустую чашку, извинилась за усталость, еще раз поблагодарила и отправилась спать.

На следующее утро квартира оказалась пуста, но на кухне я обнаружил вымытую, еще не высохшую посуду, а во второй спальне — вещи моей ночной гостьи. Судя по всему, она позавтракала и ушла, но собиралась вернуться. Мои предположения подтвердились, когда я отыскал записку на зеркале в прихожей. Луиса в который раз благодарила меня за гостеприимство и обещала вернуться к вечеру, искренне надеясь, что не затруднит меня такой задержкой. Может быть, она хотела еще раз заглянуть к своим несостоявшимся друзьям, а может, искала гостиницу. Или ни то и не другое, и у нее были какие-то свои дела в городе. В любом случае мне не терпелось расспросить, кто она такая и откуда. Ее имя говорило мало, а речь и одежда — и того меньше. К тому же что-то в странной гостье неуловимо меня зацепило. Отчасти в этом было виновато любопытство: я встречал мало девушек, похожих на Луису. Все женщины, которых я знал, были настоящими женщинами во всех смыслах этого слова: ухоженные, изысканно одетые, причесанные по последней моде, аккуратно покрашенные и уверенные в

своей привлекательности, которая преподносилась мужчинам как приз, за который стоило побороться. Исключение составляла разве что Таня, но она была моделью и работу свою любила. Да, в Италии она казалась простой, как сама природа: не думала ни над макияжем, ни над нарядами, и ей это не только шло, но и нравилось. Но стоило ей вернуться на подиум, и, как я теперь уже понимал, ее глаза загорались жадным огнем, как будто ей не терпелось быть увиденной во всей своей красе, которую оттеняли новые платья, безумные прически и очередная фантазия визажиста. Да, в день нашего с ней поцелуя Таня запросто сбежала от своего агента, даже не задавая вопросов о том, кто я и что мне нужно, и это ее сумасбродство меня пленило. Но раз за разом, украденная мной, она возвращалась в гримерку, чтобы примерить очередной образ, с которым можно было поиграть на подиуме. А Луиса... Хотя что я знал о Луисе. Она лишь мелькнула передо мной быстрой, непонятной вспышкой и оставила больше вопросов, чем ответов.

Она вернулась под вечер в самом радужном настроении и, скинув куртку, стала раскладывать на кухне пакет с продуктами.

— Хоть чем-то отплачу, — улыбнулась она через плечо. — Утром я украла у вас завтрак, так что самое время вернуть долг: я приготовлю ужин. Только предупреждаю сразу, — подмигнула она, — готовить я совершенно не умею.

Я уселся рядом, с интересом наблюдая за тем, как она управляется с кусочками куриного филе.

— Духовка, надеюсь, работает? — поинтересовалась она.

Я пожал плечами:

— Не пробовал.

— Значит, за свою стряпню я краснеть не буду, — весело отозвалась она.

— Откуда вы, Луиса? — поинтересовался я.

Девушка развернулась ко мне и в очередной раз улыбнулась. При этом щеки у нее забавно и мило округлились, а улыбка утонула в ямочках.

— Давайте на «ты», — попросила она.

Высохшими ее темные волосы прихотливо вились, а пряди то и дело застилали лицо, словно им нравилось доставлять неудобства своей шаловливостью, но девушка не

заправляла их за уши, а только без капли раздражения чуть встряхивала головой. Пальцы у нее были длинные, ловкие, а ногти обрезаны под корень. Она работала быстро, проворно, и мне подумалось, что с маникюром у нее такого бы не вышло: что, если ненароком обломает ноготь?.. Одета она была так же просто, как и вчера: джинсы и бесформенная вязаная кофта, под которой невозможно было угадать ни грудь, ни талию. Но о собственной привлекательности она словно бы и не заботилась.

— Подожди минуту, — вдруг сказала Луиса, откладывая мясо.

Она выскользнула из кухни и так же быстро вернулась, на ходу затягивая волосы в пучок.

— Так удобнее, — она наклонила голову. — Так о чем ты говорил?

Я заметил, что она даже не поглядела на себя в зеркало, не пригладила волосы — просто стянула пряди, как получится, и все. Я вспомнил Бьянку, которая трепетала над случайно выпавшим из прически волоском и переживала до слез, когда ее тщательно выпрямленные волосы начинали

виться от влажности. Луису такие вещи, судя по всему, волновали в последнюю очередь.

— Откуда ты? — спросил я.

— Я пока не нашла места, которое назвала бы домом, — призналась Луиса, раскладывая на доске овощи. — Но родилась я в Испании. В Мадриде.

— Почему этот город для тебя не дом? — недоуменно поинтересовался я, зачарованно следя, как летают ее руки над кусочками овощей.

— Я жила там недолго. Немного после рождения. И еще пару лет, пока не исполнилось восемнадцать. Мы много путешествовали. Вся семья, — она вырезала сердцевинку помидора. — Мой отец — посол.

Я кивнул, не сводя с нее глаз.

— Стран я насмотрелась, но все казалось мало. Я просто привыкла перебираться с одного места на другое. Нигде дольше нескольких лет не жила. Все приедалось, казалось серым и скучным, а когда отец говорил, что мы едем дальше, — лучше подарка и не было.

Она вытащила пакетики с травами и стала их по очереди нюхать.

— Тимьян или розмарин? — задумчиво протянула она.

Я лишь пожал плечами, ожидая продолжения рассказа.

— Ну, а после совершеннолетия я отправилась путешествовать сама. Родители против не были, они и от моих братьев уставали так, что никаких сил не оставалось, — она усмехнулась. — С тех пор я бываю у них разве что на Рождество, и то если получится. Нужно еще столько всего посмотреть!

Я недоуменно спросил:

— Но на что же ты живешь? Тебе помогает отец?

— О, нет, — в ее голосе на мгновение мелькнуло раздражение, но тут же исчезло. — Никаких денег от родителей! Это мое правило. Я и сама справляюсь. Зарабатываю то тут, то там. Знаешь, как в школах Индонезии нужны учителя английского? А если соврать, что я из Лондона, получаюсь настоящей англичанкой, а им и придаться не к чему. На самом деле не такое уж это и вранье. Я жила в Англии несколько месяцев, и попробуй меня теперь по произношению вычислить.

Она подмигнула мне через плечо:

— Передай-ка сыр.

Луиса стала натирать половину золотистой, ароматной головки и спросила:

— А где бывал ты?

Я подумал о поездках вслед за Таней, но ничего, кроме стен номеров, припомнить не мог. По вечерам мы немного прогуливались, но я плохо помнил названия и достопримечательности, поглощенный своей возлюбленной. Зато я хорошо помнил Сицилию. Ведь там мы пробыли несколько недель, а уж этого времени мне хватило, чтобы в памяти отложилось хоть что-то... Красные апельсины, соленое море, до рези в глазах яркое солнце!..

— Мне понравилось на Сицилии, — ответил я.

— И что ты там делал? Плавился под солнцем? — хихикнула она.

— Ну... — я замялся, — в общем-то, да.

— А что-нибудь экзотическое? Индия, Китай, Непал?

Я нахмурился.

— Мне больше всего понравилось в Японии, — она улыбнулась моему замешательству. — Вот уж страна, в

которую хорошо бы однажды вернуться. Но ненадолго! — она шужливо подняла указательный палец в воздух. — На пару месяцев. Больше мой желудок не выдержит. Знаешь, что они едят?

Я помотал головой.

— Вот и я не знаю. Понятия не имею, что ела все те полгода, что там прожила. У них нет ни мяса, ни теста — ничего. Зато есть рыба, рис и что-то совершенно невообразимое. Пожалуй, что-то невообразимое у них все. *Моти*, например. Слышал о таком?

Я снова отрицательно покачал головой.

— Это десерт. Вернее, *может быть*, это десерт. Рисовая лепешка, иногда с начинкой. Хуже всего, если со вкусом зеленого чая. Вот уж гадость! А вот что мне понравилось — это *такояки*: осьминог в жареном шарике. Уж из чего этот шарик, не знаю, но вкусно!

Она облизнулась.

— А еще *окономияки*. Приходишь в ресторан, садишься за стол и сам себе жарить лепешки из того, что закажешь. В центре каждого стола плита, а на нее выкладывается капуста, рыба, лапша... Да что угодно!

Ужасно там жарко, — призналась она весело. — Тебе обязательно нужно съездить в Японию! Я жила в Наре. Это старый город недалеко от Осаки, очень красивый, и храмы там потрясающие. Но лучше всего олени.

Я непонимающе поднял брови.

— Олени в этом городе священны. И их, кажется, больше, чем людей. Бродят по улицам и никого не боятся. И не отстанут, пока не угостишь.

Я усмехнулся. Луиса поставила мясо в духовку и заметила:

— Ну, вот, все работает. Вот увидишь, мы сегодня поужинаем!

Она все рассказывала и рассказывала, а я замороженно слушал. Мой опыт путешествий не шел ни в какое сравнение с тем, что успела увидеть Луиса. За чопорной Японией последовали Филиппины: белоснежный песок, изумрудно-лазурная вода, длинные пальмы вдоль побережья, будто бы украденные из самого рая... Потом оплетенная лианами Камбоджа, полная небоскребов и грязи Индия, красный песок Иордана, удивительно белокожие марокканские девушки...

— Я думала, в Африке солнце никому не оставляет шансов, — хихикнула она. — Ничего подобного! Моя подруга-марокканка боится солнца больше, чем один мой знакомый швед. Белая кожа, белоснежная!

Где она только ни бывала! А сколько знала историй! Я успел полетать в десятках самолетов, но мне начинало казаться, что я никогда не выходил из дома. А Луиса объехала весь свет.

— В Перу я прожила целый год, — продолжала она. — Ты видел пирамиды майя?

Я помотал головой, чувствуя себя все глупее и глупее. Когда духовка щелкнула и на столе появилось дымящееся блюдо, Луиса снова переключилась на Азию.

— В Китае люди очень странные, — заметила она. — Никогда не выдадут тебе ничего напрямую. Ни за что не обидят и слова не скажут неприятного, а потом за спиной только что не проклянут. Никогда не поймешь, о чем они думают: то ли ненавидят, то ли всю жизнь бы с тобой прожили. Тебе побольше мяса или овощей?

Луиса стала раскладывать кусочки по тарелкам, а я удивленно следил, как ловко она управляет: так быстро,

так легко, будто ее пальцы летают. Это проворство очаровывало и казалось почти представлением, и я никак не мог оторвать от нее взгляда, с восторгом рассматривая руки, растянутый свитер, небрежно убранные волосы, которые все же упрямо рассыпались, отчего она то и дело заправляла новые пряди за уши. У нее было удивительно приятное лицо, но дело было совсем не в аккуратных чертах или правильных линиях. Главное — изумительная мимика: стоило ей улыбнуться, нахмуриться, задуматься, и лицо стремительно менялось, как будто передо мной появлялся новый человек.

Но больше всего мне нравилась ее непосредственность. В Луисе было что-то от простоты ребенка: она не задумывалась об условностях, и ее словно бы ничего не сковывало, не тяготило, не тревожило. Она вела себя просто, как будто знала меня целую вечность, и мы уже давно стали лучшими друзьями. Не следила за тем, как может выглядеть, какое впечатление может произвести. Не осталось ни капли неловкости прошлого вечера, когда она была гостьей. Теперь, получив права на духовку и кухонные приборы, она хозяйничала.

Блюдо оказалось и вправду простым, но ничего вкуснее в последнее время я не ел. Еще бы — магазинные сэндвичи и круассаны из булочной за углом вряд ли могли бы потягаться с настоящей горячей пищей, которую приготовила специально для меня прекрасная женщина.

Еда отвлекла Луису от разговоров ненадолго, и она продолжала упоенно рассказывать. Я же, витая в облаках, стал представлять ее портрет на холсте. Мазки красного и оранжевого на черном — почти пламя в жерле печи. Больше движения, чувства, порыва! Распустить волосы, чтобы кудри рассыпались по плечам. И улыбка! Мне нужна ее чудная улыбка, когда щеки округляются за ямочками... Я хочу видеть совсем не пошлый образ испанской танцовщицы с кастаньетами. Мне нужно куда больше... Страсть и огонь! Но не на поверхности, не напоказ. Это должен быть бутон нераспустившейся розы. Затаенный восторг, готовый вот-вот вырваться наружу...

— Леон, ты совсем не ешь, — заметила Луиса. — Остынет. Или тебе не понравилось?

Уголки ее глаз чуточку опустились, будто она расстроилась, но я решительно отодвинул тарелку:

— Ты чудесно готовишь. Но у меня появилась одна идея... И она не может ждать.

Одержимость замыслом была, наверное, так очевидна, что Луиса засмеялась:

— Что же это за идея?

— Можешь мне немного попозировать?

— Я? — она прыснула. — Да что ты... У меня и одежды никакой особенной нет.

— Не нужно, останься в том, в чем ты сейчас. Пожалуйста! Я просто обязан тебя нарисовать!

— Обязан? — она задумалась. — Тогда я не могу тебе отказать.

Мы оставили ужин недоеденным. Я поставил давно забытый мольберт, вытащил краски и кисти, усадил Луису поудобнее и приступил к работе. Она не могла сидеть спокойно, но мне это было только на руку. Она словно бы рождалась в движении, а попроси ее застыть — и половина очарования испарится.

Луиса была прекрасна. Живая, подвижная, она то улыбалась, то делала серьезное лицо, что-то говорила, шутила, а я улыбался в ответ. Она казалась совсем не такой,

как Эстель — моя первая и единственная модель. Та позировала, не шевелясь, и будто бы даже не моргала, застыв в осознании своей прелести. Луиса о таком не задумывалась. Она не позировала и уж вовсе не думала о том, как бы усесться, чтобы получилась удачная поза и выгодный ракурс. Я ловил незаметные движения ее губ, изгиб шеи, игру света на тонком носике, но они не застывали на холсте, а словно перетекали, как если бы были рябью на воде в солнечных бликах. Но самым прекрасным был удивительный контраст темных, красно-черных тонов в ее одежде и свежих, по-детски светлых — в ней самой. Простота, отсутствие наигранности виделись мне пастельными оттенками желтого и розоватого, которые оттенялись резкими мазками алого и огненно-оранжевого, почти черного и коричневого. Странное сочетание. Не пылкая соблазнительница, но вовсе и не наивный ребенок, а нечто, гармонично застывшее посередине, нисколько не противоречащее ни одному, ни второму.

— Можно взглянуть? — спросила Луиса, хитро улыбнувшись.

Я покачал головой:

— Нельзя смотреть на незаконченные картины.

— Кто это тебе сказал?

Она поднялась на ноги и направилась к мольберту.

— Но так ничего не получится! — почти возмутился я.

— Получится, — махнула она рукой. — У тебя такие глаза — просто не может не получиться.

— Какие?

— Почти безумные, — подначила она. — Поймал музу?

Луиса отвела мою руку с кистью, чтобы получше разглядеть работу.

— Я не могу тебя рисовать, если ты бродишь по комнате, — пожаловался я, на самом деле только больше вдохновляясь. Вблизи ее черты виделись совсем иначе, и мне хотелось добавить новых штрихов. — Подожди-ка... — попросил я, накладывая новые мазки.

Она в восхищении смотрела, как я работаю кистью. Мне хотелось поскорее поймать новое движение, и я торопился, смешивая цвета, выпрямлял новые линии, смотрел на нее, а потом возвращался к холсту.

— Ты давно пишешь? — спросила она, зачарованно глядя, как я поглощен работой.

— Не очень. Я пробовал разные стили... У меня даже была одна выставка, но дело не пошло.

— Почему же? — изумилась она.

— Не знаю, — я пожал плечами.

Разбираться в причинах своего бесславного провала перед Луисой совсем не хотелось. Она замолчала, задумчиво рассматривая меня, мои руки и холст.

— Еще немного, — пообещал я.

— Что ты, — она улыбнулась. — Мне совсем не трудно.

Увидев картину, Луиса немного притихла. Она больше не крутилась на месте, заливисто смеясь и перебирая пряди волос, но я почти закончил и накладывал последние штрихи, прорабатывая детали. Я все меньше смотрел на свою модель и все больше — на холст, и удивительное ощущение подъема не покидало меня. Я помнил, что, заканчивая рисунок Эстель, чувствовал простую завершенность. Теперь я как будто только начинал и украдкой поглядывал на Луису, думая, что мог бы

написать еще с десятков ее портретов. Ее живая мимика и подвижность будто бы заключали в ней сотню самых разных образов, и мне хотелось рисовать еще и еще.

— Ты просто отличная модель, — выдохнул я.

Сейчас я мог говорить лишь банальности, все мысли ушли в картину.

— А мне кажется, я совершенно не умею позировать, — усмехнулась она.

— В этом и весь смысл, — кивнул я.

— Не представляю, как можно рисовать подвижный объект, — хихикнула она. — Ничего же не поймать!

— Как раз наоборот.

Я выводил последние линии, с неохотой представляя, что вот-вот оставлю кисть. Я задумчиво рассматривал лицо Луисы, и в голове роились все новые и новые образы. Мне не хотелось говорить, и она молчала, словно понимая, что происходит. Я отсчитывал удары между стуком настенных часов, и казалось, время внезапно замедлилось.

— Я бы рисовал тебя всю ночь, — признался я тихо.

Луиса кивнула, но серьезно, совсем не собираясь шутить, как делала весь вечер.

— Тебе бы стоило рисовать чаще, — отозвалась она наконец. — Почему ты бросил?

Я не отвечал, застыв с кистью. Казалось, если я сейчас отложу ее, перешагну какой-то странный порог, а пути назад уже не будет.

— Готово? — спросила она.

Я кивнул. Теперь она любовалась своим отражением на холсте, где я запечатлел куда больше, чем показывало ее лицо в одно мгновение, и я был почти уверен: она восхищена, причем куда искреннее, чем Эстель. Но положить палитру я боялся. Стоял позади нее, вцепившись в кисть, как будто в ней было мое спасение, и ожидал вердикта.

Однако Луиса не сказала ничего. Она развернулась и взглянула на меня — внимательно, оценивающе, почти сурово. У нее были ореховые глаза. Издалека казалось, что они почти черные, а вблизи были видны янтарные и золотистые пятнышки, которые как будто плясали вокруг хрусталика, когда она меня разглядывала, быстро перебегая взглядом с носа на подбородок, к губам, а потом вниз и снова вверх — с запястий на плечи.

На мгновение я почти забыл, кто эта женщина и почему она здесь, рядом со мной. Я утонул в ее взгляде, потерялся, и память стала рассыпаться. В углу стрелки часов отстукивали секунды, за черным окном вдалеке приглушенно взревел мотор, где-то за перекрытиями включили неторопливую музыку. Я внезапно ощутил легкий аромат ее духов и почти удивился: со всей ее естественностью и близостью к природе она позволяла себе пользоваться такой обманкой, как духи? Но аромат был прекрасным, и мне захотелось податься вперед, только бы ощутить его сильнее. Простой, тонкий, в нем было что-то от сладкого росистого утра на опушке, усыпанной кустиками ландышей. Я почти ощущал запах зеленовато-белых, едва распусившихся цветков, похожих на колокольчики, и казалось, стоит лишь протянуть руку — и один из них можно сорвать. Если бы я мог к ней прикоснуться, только прикоснуться! Она совсем близко, так близко...

Глава вторая

Наутро я проснулся с мыслью, что просто обязан впечатлить Луису по-настоящему. Я вспомнил о дорогушей, знаменитой кондитерской, недалеко от которой жил, и, оттолкнув мысли о счетах и необходимых покупках, поднялся с решимостью устроить настоящее пиршество. И когда, как не утром, есть пирожные? Тем более что так хочется есть, а на голодный желудок бланманже у Люксембургского сада покажется просто божественным! Вряд ли Луиса пробовала что-то подобное, ведь цены там просто немислимые, а это значит, ей предстоит новое открытие.

Она снова собрала волосы в пучок и натянула на ходу оранжевый пуловер. От него перед глазами слегка плясали круги, но я не был уверен, точно ли в этом виноват один пуловер.

— Куда мы идем? — поинтересовалась она.

— Это потрясающее место, — пообещал я.

Погода была под стать настроению: полуденное солнце заливало улицу, просыпая на мостовую сквозь кроны каштанов пятнистую тень, птицы заливались в ветвях, и пока мы шли, я беззаботно считал туристов с

фотоаппаратами. Луиса и сама на них немного походила: удобная обувь, простые джинсы, собранные волосы. Но у нее не было фотоаппарата, зато я собирался восхитить ее не видами, а кондитерскими изысками места, которое мне так настоятельно рекомендовал Жан. Я пытался рассказывать Луисе о зданиях, которые мы миновали, но она со смехом прерывала меня, заканчивая историю сама. Она знала куда больше меня и, очевидно, приехала в Париж не впервые. Мне стало немного обидно, что мне никак не удастся поймать восхищение в ее глазах, но я был уверен, что все еще впереди. Я совсем позабыл о восторге, который увидел в ее взгляде вчера, но не был уверен, чем именно она так впечатлилась, поэтому был полон решимости восполнить пробел способом, который знал лучше всего.

Кондитерская казалась роскошнее дворцового зала. Зеркальные потолки, золоченые ограды вдоль рядов столиков, красные ковры у огромных витрин, заставленных всевозможными сладостями. Луиса чуть нахмурилась, но все же пошутила, указав в сторону пирожных:

— Хотела бы я быть маленькой. Лучшего завтрака для ребенка и представить нельзя.

Мне сразу подумалось, что сюда водят детей только очень обеспеченные родители, но промолчал. В зале было пусто, только тихо играла фортепианная музыка.

— Мы попробуем все! — объявил я.

Луиса прикусила губу:

— Я бы взяла одно желе...

— Не обязательно доедать, — улыбнулся я. — Мне нисколько не хочется портить твою фигуру.

— Мы могли бы взять вот эти птифуры... — протянула она неуверенно.

— Глупости, — махнул я рукой. — Я угощаю! Ты должна выбрать свое любимое и вернуться в Париж в следующий раз именно ради него.

Я тут же вспомнил, что Луиса здесь только проездом, и прикусил язык. Не хотелось думать, что ей придется скоро уехать, а спрашивать, когда именно, не тянуло. Портить момент тоскливыми беседами о планах было лишним, а навязывать свое гостеприимство — преждевременным. Подождем, что она скажет после бланманже, которое так расписывал Жан!

— Но не слишком ли это дорого? — осторожно поинтересовалась Луиса, когда мы уселись за столик.

Солнечное утро пьянило, и меня потянуло на откровенность.

— По правде говоря, я к такому привык, — признался я. — Моя семья никогда особенно не нуждалась. Вообще-то, даже совсем наоборот. У меня есть особняк в центре города...

Луиса наклонила голову, размешивая сахар в своем капучино.

— Что же случилось?

— Дела пошли не совсем так, как я думал... Я ищу работу и пытаюсь найти свое место. Мой счет заморожен, но это только временно. Я должен заработать немного денег, чтобы его разморозили, и я уже на пути, — я улыбнулся собственному рассказу. Он звучал так легко и просто, что я и сам поверил, что все мои проблемы решатся раньше, чем я успею от них устать.

— Зачем же ты повел меня в такое место? — почти испуганно спросила Луиса.

— Но оно же удивительное! К тому же угостить такую девушку, как ты, я могу позволить себе всегда, — горделиво соврал я, надеясь, что Жан сможет одолжить мне еще немного.

Луиса ничего не ответила, вернувшись к своему кофе.

— Тебе нужно начать с клубничного торта. Или нет, «Монблан» у них лучше всего! — я в ожидании поглядывал на витрины позади столика. — Настоящие десерты можно найти только в Париже. Одно крем-брюле чего стоит. Проще простого, а весь мир в восторге!

Я продолжал болтать о каких-то потрясающих кулинарных изысках, а Луиса кивала, иногда мягко улыбаясь.

Мы попробовали столько всего, что в конце я не мог соблазниться даже на фруктовую корзиночку, которую заметил на витрине в самом начале. Мы отправились гулять по саду, и я рассказывал то о себе, то о друзьях, то о местах, где мы с ними бывали. Я больше не пытался рисоваться в глазах Луисы историями об архитектуре или знаменитых жильцах домов, мимо которых мы проходили.

Зато рассказы о моей жизни она слушала, не перебивая, и мне казалось, что ей интересно. Иногда она задавала вопросы, и я продолжал с еще большим жаром. Как давно я вот так не выговаривался! Жан знал обо мне все, и ничем новым его удивить было нельзя. И о картинах я с ним говорить не мог, а вот от Луисы мне эту тему прятать было нечего. Я заговорил о своих попытках, уроках с Лансом и курсах в университете, и она будто бы оживилась.

— А почему ты начал рисовать? — спросила она, перебив мою болтовню о занятиях.

Я стал мысленно прокручивать назад месяцы моих художественных метаний и с трудом припомнил, что началось все с разочарования в Тане.

— От скуки, — признался я.

Луиса хмыкнула:

— Разве не от вдохновения рождается творчество?

Блики на холсте перетекали из темных красок в светлые, и картинка колебалась, будто живая. Я с упоением накладывал мазок за мазком, и под моей кистью рождалось нечто удивительное, как будто это писал не я, а кто-то другой управлял моей рукой. Я переводил взгляд с Луисы —

живой, настоящей, на ту, что рождалась под моей кистью на картине, и трудно было понять, какая из них прекраснее.

— Да, пожалуй, — я кивнул, возвращаясь из воспоминания.

— Но начинал ты со скуки? — с непонятной серьезностью в голосе переспросила она.

Я хотел пробормотать в свое оправдание, что скука была лишь следствием, а причина крылась куда глубже. Ведь я был так несчастен после расставания с Таней. Но отчего-то язык не повернулся, как будто я хотел соврать и не мог. Вместо этого я заговорил о выставке: стал расписывать грандиозные приготовления, которые развернулись вокруг моих картин, толпы людей, которые пришли на них посмотреть, и шоу, которое устроила Эстель. Я все еще плавал в каком-то воображаемом мире, где все было просто и воздушно, и оттого даже эти воспоминания не вызвали во мне возмущения, как это бывало обычно. Луиса слушала, под нашими ногами тихо шуршал песок, а я все рассказывал и рассказывал...

— А я пою, — вдруг сказала она. — Только не проси меня спеть, прошу тебя, — тут же добавила она поспешно. — Не здесь и не сейчас. Ненавижу делать что-то по заказу.

Я немного опешил от неожиданного признания, тем более что мы говорили совсем о другом, но мне стало интересно.

— Ты поешь для себя или для кого-то?

— Когда как. Больше люблю для себя, но мне нравится и выступать.

— Готов поспорить, у тебя потрясающий голос, — заметил я, уже мечтая услышать ее исполнение.

— Говорят, что неплохой, — отозвалась Луиса.

— Наверное, за это можно выручить неплохие деньги, — подумалось мне.

Она не ответила, и дальше мы шли в молчании. Потом я вспомнил, как пытался продать свои картины, и стал со смехом это расписывать, не замечая, что Луиса кивает и улыбается все реже. Я припомнил старика и пятнадцать евро, которые тот предложил за мои творения, бесконечные попытки найти настоящую галерею, а потом — собственную, в которую почти никто не заглядывал.

— Да, это странно, — протянула она. — Покажешь «Цветочницу»?

Когда мы вернулись домой и Луиса увидела картину, понять, что она думает, было еще труднее, чем вчера. Она покачала головой, отошла, снова приблизилась, взгляделась в линии, опять шагнула назад и спросила:

— А остальные?

Из студии в особняке я забрал только «Цветочницу», да и то лишь потому, что еще втайне надеялся продать именно ее.

— Здесь у меня их нет, — ответил я. — Но они похожи. В таком же стиле, в такой же технике.

— Понятно, — Луиса натянуто улыбнулась.

Глава третья

Я понял, что картина ей не понравилась. На свой портрет она смотрела не так. Я мог бы обманывать себя, оправдывая вчерашний блеск в глазах тем, что на холсте было ее изображение, но вместе с тем мне самому не верилось, что Луису можно заподозрить в склонности к

самолюбованию. Нет, ей было совершенно все равно, как выглядит она сама и тем более — на портрете. Луиса была не из тех пустышек, которые умеют плакать лишь о сломанном ногте, смазанном макияже или непослушных прядках, выбивающихся из прически. Но вчерашняя картина ей пришлась по вкусу. Я готов был об заклад биться. А вот «Цветочница»... Неужели я так многому научился с тех пор? Но ведь я не брался за краски ни разу!

Луиса избегала смотреть мне в глаза, а вечером стала собирать вещи.

— Мне пора, — объяснила она. — Пора двигаться дальше.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил я, не зная, что именно пошло не так. Неужели дурацкая «Цветочница» ее так разочаровала?

— Я и так задержалась, — она весело-виновато глянула в мою сторону, но тут же снова занялась рюкзаком. — Время не терпит. И план тоже.

— Какой план?

— Мой план, — она затянула завязки, защелкнула замки на рюкзаке и осмотрелась по сторонам: — Ничего не забыла?

— Но куда ты пойдешь на ночь глядя? — спросил я недоуменно.

— Какая же это ночь? — она кивнула на заходящее солнце, — И вечер еще не начался. Мне действительно нужно идти. Надеюсь, я не очень тебя обременила своим случайным визитом. Очень уж все незапланированно получилось.

— Разве ты планируешь? — робко улыбнулся в ответ.

— Немного, — она подняла рюкзак, перекинула через руку свернутую куртку и вышла в холл. — Спасибо, что приютил.

Луиса внимательно посмотрела мне прямо в глаза, положив руку на плечо.

— Найди себя, Леон, — проговорила она тихо.

— Я как раз стараюсь, — глупо и как-то смущенно отшутился я. — Уверена, что не хочешь остаться на ужин? Мы могли бы сходить в один ресторан неподалеку...

— Нет, спасибо, — она качнула головой. — Мне пора.

— Тебя проводить?

Я путался, не зная, что нужно делать в таких случаях. Я с трудом понимал, что произошло. Почему она решилась прийти сюда позавчера ночью и почему так уходит? Но если на первый вопрос можно было найти десятки ответов, то последний объяснению не поддавался. Мне упорно казалось, что я что-то не так сделал, а может быть, что-то не то сказал. Утром она была такой счастливой! Улыбалась так же, как вчера вечером, так же весело и хитро смотрела в мою сторону. А теперь — простая вежливость случайной знакомой, которая неожиданно появилась на моем пути и так же просто и быстро с него сойдет. Конечно, у нее есть свой план. Наверное, это даже План. Кто я такой, чтобы спрашивать, в чем он состоит и куда она теперь отправится. Но кое-что я все-таки очень хотел спросить.

— Могу я попросить твой телефон?

Луиса уже перешагнула порог, обернулась и улыbnулась словно бы снисходительно:

— Не стоит. Что, если я буду в Австралии, когда ты позвонишь? Представляешь, какой тебе выпишут счет?

— Но ты же вернешься однажды в Париж? — я не мог сдаться так просто.

— Конечно, — она наклонила голову. — Если что, я знаю, к кому стучаться.

Луиса улыбнулась в последний раз и отвернулась. Я слышал, как затихают ее шаги на ступеньках, слышал стук входной двери, а потом — тишину. Потом я спохватился и бросился к окну, чтобы посмотреть на нее сверху, но она уже завернула за угол, и только яркая ткань ее свитера мелькнула в наступающих сумерках.

Я и сам не понимал, почему уход Луисы казался мне каким-то незавершенным, неправильным. Как будто я не поставил где-то точку, а вот она сделала это запросто, будто обманула, хотя ничего и не обещала. Неуместное это было ощущение, ведь я знал, что она снова скоро отправится в путь. Никто не говорил мне, что она проведет следующие полгода в Париже. Тем более в *моем Париже*. Она не обещала, что останется хотя бы еще на одну ночь. Она ничего не говорила о своем Плате, ровным счетом ничего, так что я не имел никакого права недоуменно сидеть посреди своей старомодной кухоньки, вдыхая призрачный

шлейф ландышевых духов с мыслями о том, что должен бы вдыхать этот аромат еще не раз.

Я сидел долго. Очертания предметов в сгущающихся сумерках было видно все хуже, а я возмущался собственной неосознанной самонадеянностью, которая целые сутки нашептывала мне, что Луиса особенная.

Какая же она особенная, если я так толком и не узнал, кто она такая? Да, мы проболтали весь вечер и все утро. Да, я ее нарисовал. Да, вчера она смотрела на меня так серьезно... Но сколько часов мы провели вместе? Тридцать шесть? Тридцать? Даже и двух суток не вышло. Не круглая какая-то сумма. Неправильная. И о чем мы говорили? О странах? Об улицах Парижа? О пирожных? О моей треклятой выставке?... Да я так и не понял, кто такая — эта Луиса! Зачем она путешествовала, от чего бежала, что искала? Что заставляет людей вроде нее бросать дом и искать новый? Чем плох был старый и какой такой потрясающий новый можно найти на это необъятной планете, где каждое следующее место только враждебнее предыдущего, потому что все нужно начинать с самого начала? Друзья, знакомые, семья... Все заново. Опять и опять. Каждый раз — одно и то же. С чистого листа. И

сколько же она хочет таких листов написать? Сотню? Две сотни?..

Я злился. Сам того не осознавая, я злился. Я бы так не сумел. Не смог бы вот так мотаться по миру, не зная, где остановиться. Не получилось бы у меня перебегать от одного случайного знакомого к другому. Я и представить себе не мог, что можно променять Жана на десяток других, едва знакомых Жанов, которых я встретил бы по пути. Ведь они были бы совсем не *Жанами*. А Лилиан, Эдит, Стил? Где они теперь? Где те мои друзья, которых я знал столько лет и так в них верил? Отчего получилось, что я забился в скрипящее паркетом гнездо под крышей дома в центре Парижа — совсем один, покинутый всеми, кроме старика Жана?

Да ведь я сам такой же, как она! Бродячий пес без собственной стаи, которая разбежалась, стоило странным обстоятельствам как следует пальнуть в небо. Но Луиса умеет убегать. Умеет искать. А я — нет.

Мне отчаянно захотелось вскочить с места, броситься вслед и упросить уехать с ней. Словно я был маленьким ребенком, которого можно запросто взять с

собой. Но ведь у меня и не было ничего — лишь эта съёмная квартира, которая мне не принадлежала, несколько полок, тумбочка, матрас и новые занавески в спальне. Еще, правда, была «Цветочница», которой я прочил такое блестящее будущее. Моя надежда, мое спасение!

Я вскочил с места, метнулся в спальню, схватил картину и разорвал ее в клочки. Хорошо, что я писал ее на бумаге, а не на холсте, — подумалось мне.

Потом я шагнул к застывшей на мольберте Луисе. Ее глаза весело шурились, губы растягивались в улыбке, которая округляли щеки с ямочками; она хитро смотрела через плечо, развернувшись назад, и на ней был тот же яркий свитер, в котором она сегодня уехала. Я протянул к ней руку и замер.

Она была совсем не такой, как «Цветочница».

Луиса уехала, а аромат духов в квартире остался. Я все думал о ней, пытаюсь дорисовать в воображении недостающие детали истории, и никак не мог оставить эту странную загадку. Я непременно хотел ее решить, чего бы это ни стоило, как будто это могло помочь мне самому. Увижу ли я ее когда-нибудь? Вряд ли. Так зачем раскрывать

ее тайну? Осталась бы в прошлом, как все женщины, которых я встречал. Только она совсем не похожа на остальных! Казалось странным ставить Луису в этой нелепой полосатой шапочке рядом с роскошной Бьянкой, рядом с длинноногой Таней. Она и роста совсем невысокого, и никаких невообразимых украшений не носит, и нет ничего особенного в ее чертах, пусть назвать ее некрасивой я никак бы не мог. Она мне понравилась, а вот я ей совершенно не понравился — иначе бы осталась, вот уж точно. И этот ее План... Что, если где-то недалеко от Непала у нее есть особенный знакомый, к которому она приезжает чуть чаще, чем к остальным? А может, это какой-нибудь малазиец, с которым она ловит рыбу на озере Бера? Или австралиец, который учит ее серфингу? А чему мог бы научить ее я? Я только и мог, что болтать о своих картинах, которые совершенно не впечатляли Луису. Одна «Цветочница» чего стоила! В кондитерской она откровенно скучала, да и прогулка ее мало порадовала. А потом она так быстро сбежала, не сказав и десятка слов. Хотя чего я ожидал?

Пора думать о собственном положении.

Неужели родители Луисы не настаивают, чтобы она получила образование? Нашла стабильную работу? Сделала карьеру? Сколько она может заработать в своих разъездах? А сколько ежедневно тратит? Хорошо, если в новом городе есть знакомые, — невозможно же вечно жить в гостиницах! Или она не задумывается о теплой постели и горячем завтраке, за которые нужно платить? Что, если она вполне умеет спать в парках на скамейках? Но ведь одежда у нее совсем не как у бродяжки: чистая, выглаженная. Не особенно модная, но что я, в конце концов, смыслю в женской моде... Она определенно отдает предпочтение удобству, а не изяществу.

И все-таки неужто родители не скучают по Луисе? Видеться раз в год? Надолго она у них остается? На неделю? На две? Да и что я знаю об их отношениях? Быть может, они вовсе не отпускали ее в большое путешествие. Возможно, она просто сбежала, поставив родных перед фактом. В первые несколько лет не заглядывала, опасаясь, как бы они ее не заперли в старой детской, чтобы она образумилась и «стала человеком». Или это лишь домыслы...

Что же она ищет? Каким должен быть ее новый дом? Какой должна быть ее новая семья? Если она вообще хочет ее завести... Она совсем не похожа на девушек, которые считают минуты до дня, когда наденут заветное кольцо. Я был готов поспорить, что если бы Луиса и собралась когда-то замуж, то ее платье было бы или протестующе-оранжевым, или вообще не было бы никакого платья, а вместо него — протертые джинсы и простенькая футболка. Я усмехнулся этому образу, но тут же себя одернул: что за глупые мысли? Какое мне дело, в каком наряде она выйдет замуж и выйдет ли вообще? Может, и не нужен ей никакой дом. Может быть, лучшая цель — весь мир. Менять комнаты, города, страны, полушария каждые полгода. Ведь это так захватывающе! Увидеть все, что только возможно! Каждый уголок, все расы и народности, культуры, обычаи и привычки... Какую книгу можно было бы написать! По главе на каждую страну, на каждую букву алфавита... Сколько же сил нужно иметь, чтобы путешествовать вот так! Она не боится неизвестности, не страшится новых мест, не опасается чужаков... А сколько она знает! Ей не понадобилось образования, чтобы заткнуть меня за пояс в

разговорах, а ведь я учился на таком престижном факультете!

И что же получается в итоге? Кто я? Слабак. Трус. Я испугался жить на окраине родного Парижа и смог вынести только знакомый центр. Да, раньше я мог рвануть в любую точку мира, стоило только захотеть. Раньше. Когда у меня были деньги. Но что я могу теперь? Способен ли я сейчас махнуть вот так запросто в совершенно чужую страну, обустроиться там ненадолго, найти работу, отыскать новых друзей и быть счастливым? Ведь я не сумел устроиться даже здесь, в Париже. Я держался за Жана, безуспешно рассылал резюме работодателям уже несколько месяцев и бесконечно страдал. Конечно, радостей у меня было достаточно: яркое солнце, вид из окна, вино, которое приносил Жан... Но это были моменты. Случайные минуты, вырванные из цепочки длинного дня, который должен был смениться новым, совершенно таким же — пустым и безнадежным.

Отыскать бы работу, но все попытки без толку... И почему я не мог высидеть еще пару лет на своем юридическом факультете? Диплом, который меня

совершенно не волновал раньше, теперь решил бы столько проблем...

Трус и слабак. Вот и все.

Мысли о собственной бесполезности заставили меня надолго засесть за просмотр объявлений о работе. Я отредактировал резюме, наворотив с три короба о навыках и «желании развиваться», и листал описания вакансий, пока перед глазами не зарябило. А потом я понял, что в чем-то очень похож на Луису. От этой мысли я замер и улыбнулся, отодвинув ноутбук.

Ведь я тоже люблю путешествовать. Мне не удалось облететь половину земного шара, как сделала она, но я вполне мог бы это сделать, пусть и не в таких экстремальных условиях, как она. Я тоже бросил прошлое, как и Луиса. Я стремлюсь к творчеству, как и она.. Как же все-таки жаль, что я не услышал ее голоса!

Я вернулся к портрету и еще раз удивился, каким он получился непохожим на то, что я отобрал в свое время для выставки. Да что там выставка, рисунок Луисы не походил на одну мою картину, которую я написал до того! И чем

больше я смотрел на ее лицо, тем яснее понимал, что безумно хочу ее заполучить.

— Да ты совсем ополоумел, — с легкой улыбкой покачал головой Жан.

Я примчался к нему без приглашения и, беспокойно меряя кабинет шагами, стал расписывать, что произошло за эти два дня. Жан отодвинул свои наброски и весело смотрел на меня поверх кипы бумаг. Он всегда работал допоздна, когда не заглядывал ко мне, и не раз говорил, что именно ночью думается лучше всего.

— Она странная, понимаешь, — говорил я. — Как из другого мира. Если бы ты встретил инопланетянку, ты бы наверняка захотел увидеть ее снова!

Жан усмехнулся:

— Очередная красotka, понятно.

— В этом-то и дело, что она совсем не такая, как Бьянка... как те модели твоего друга... даже не такая, как Таня! — объяснял я.

— Не чередная? — мягко удивился Жан.

Да, она не была очередной. Не поглядывала на меня с затаенным интересом, с хитрой, кокетливой улыбкой. Не засматривалась на меня. Не слушала с восхищением, которое легко читалось в глазах влюбленных девушек. Мы шутили и смеялись, но делали это как-то легко и просто, по-дружески. Без тайн и загадок, без долгих особенных взглядов, свойственных романтическому настроению. Я был для нее случайным знакомым. А она...

Я покачал головой.

— Я должен ее отыскать.

— Очаруешь ее тысячей роз, рассыпанных вокруг крыльца отеля? — предложил Жан.

Я кивнул:

— А почему бы и нет.

— Ты что, ничего не понял, да? — Жан сощурился.

— Что я должен был понять? — нахмурился я.

— Ты пригласил ее в самую дорогую кондитерскую Парижа и предложил целое меню. Хорошо, что на ужин пригласить не успел: на такое мероприятие пришлось бы брать кредит... Который тебе бы не дали, — Жан вздохнул.

— Я все верну, обязательно верну! — воскликнул я.
— Сегодня я разослал резюме в еще десять компаний, кто-то да ответит!

— Не в этом дело, — Жан встал и положил руку мне на плечо. — Ты пытался очаровать роскошью ту, которой она не просто не нужна. Твоей Луисе это великолепие поперек горла. Думаешь, ей плохо жилось в семье консула? Уверен, во время путешествий они в таких гостиницах ночевали, которые даже тебе не снились. И что потом? Она ушла, закинув за спину рюкзак. Сам подумай: она ищет что угодно, но не хрустальные стаканы и позолоченные вилки.

— Значит, я ее зря угощал? — протянул я задумчиво.

— Не зря. Но с пирожными перестарался, — Жан сочувственно сжал губы.

Я молчал. Теперь я и сам видел, какой простой и очевидной была ошибка: я выбрал обычный способ — пустить в глаза пыль. У Луисы к этой пыли был иммунитет. Плевать она хотела на рассказы о моем былом богатстве! Она молчала не потому, что восторгалась. Ей было все равно. Ей было нечего добавить. Да, наверное, и не хотелось. Она оживлялась, когда я говорил об искусстве,

потому что сама им интересовалась. И как же она внимательно посмотрела на меня, когда увидела собственный портрет! Вот что ей пришлось по вкусу, вот чем нужно было ее очаровывать!

— Она подумала, что я бестолковый юный наследник, который сам ничего не стоит, — прошептал я.

Жан с сожалением кивнул:

— Именно так она и подумала.

— Вот почему она так быстро уехала и так холодно просталась, — все это время ответ был на поверхности. Какой же я идиот! — Но я совсем не такой глупый наследник!.. — пролепетал я, беспомощно смотря на друга.

Жан рассмеялся, и в его глазах заплясали веселые искорки.

— Пойдем-ка поужинаем. Я угощаю. С самого утра ничего не ел — работа спорится!

Я без слов поплелся за другом, но презрительное слово «наследник», произнесенное мной же, все крутилось в голове и не давало покоя. Что, если это правда? Ведь я не просто трус и слабак. Во мне нет ничего

интересного и сколько-нибудь полезного, кроме приятной, как я надеялся, внешности. Правда, еще есть картины... Но с ними я не понимал ничего. Могу я писать или нет? Получается у меня или все, что я выставил несколько месяцев назад, на самом деле глупая мазня и расход бумаги? А может, я пока не нашел себя и все мои старые попытки — лишь тренировка? Или все хвалебные отзывы на мои картины были ненастоящими, и Ланс вместе с Эстель просто-напросто за них заплатили, чтобы я продолжал в том же духе, спонсируя новые и новые выставки? От этой мысли мне стало так мерзко, что я тут же ее отбросил. Сколько же нужно усилий, чтобы такое выдумать и воплотить. И ведь познакомился я с ними случайно. И сам попросил помочь с живописью. Никто меня не упрашивал и не заставлял. Добыча сама сунулась им в руки! Да нет. Невозможно. Слишком уж смахивает на одну их параноидальных теорий заговора, которыми теперь так увлекаются. И отчего нужно обязательно винить кого-то другого, но не себя?..

Я сел в машину Жана и слушал его рассказы о новом ресторане, который он обнаружил совсем недавно, но

понимал мало. Все мысли крутились вокруг того, что он сказал несколькими минутами раньше.

Я не только не привлек Луису. Я ее оттолкнул. И теперь, если я захочу ее найти, она даже не посмотрит в мою сторону. Кивнет, вежливо улыбнется и так же вежливо попрощается. Зачем я ей?

Глава четвертая

На следующее утро мне на почту пришло приглашение на собеседование. Я даже вздрогнул, заметив среди обычных рекламных писем одно, помеченное «важным». Я открыл его, пробежал взглядом пляшущие строчки и тут же бросился искать свой костюм. Рубашка помялась, галстука нигде не было, и я пожалел, что забрал из особняка только один комплект. Особенной надобности я тогда в костюмах не испытывал, а на собеседования вполне хватило бы и одного. Только теперь он едва годился даже для того, чтобы просто выйти из дома. Потом я вспомнил, что так и не ответил на приглашение, и метнулся обратно к ноутбуку. В письме я был сдержаннее, но в голове так и

стучало: конечно, я приду, конечно! Сегодня, в два. Я успею купить новую рубашку. Таковую и гладить не нужно. Ведь у меня даже нет утюга... И галстук, мне нужен галстук!

Я был готов к половине второго. Выглядел неплохо, чего не скажешь о том, что творилось внутри. Я никогда не ходил на собеседования и не представлял, чего ожидать. Я долго думал, стоит ли распечатать резюме, но потом решил, что если меня пригласили, то оно уже есть у менеджера по персоналу. Потом я попытался принять самый спокойный вид, на который только был способен, занервничал, но остановился на мысли, что в юридической фирме работают обыкновенные люди. Многие из них наверняка никогда не покидали пределов Парижа. А я, пусть и не как Луиса, но все же попутешествовал и посмотрел на мир. Мне не потягаться кругозором с ней, но, может быть, получится с ними? В конце концов, кто они такие? Конторские крысы, которые литрами пьют мерзкий кофе из автомата в холле, портят зрение над кипами бумаг и с нетерпением ждут августа, чтобы отправиться с семьей в невыносимо скучное путешествие на какое-нибудь озеро в горах. В голове забила предательская мыслишка: неужели я должен стать таким же? Но я тут же отбросил ее, смахивая с пиджака

несуществующие пылинки. Посмотрим, кем я стану. Может быть, это маленькое начало чего-то огромного и значительного. Может быть, я когда-нибудь встану во главе этой фирмы...

Поглощенный сладкими мечтами о разрешении всех моих трудностей, я добрался до здания, где размещалась нужная компания. Я сверил адрес, посмотрел на часы и кивнул. В бой!

Однако стоило мне войти внутрь, как вся уверенность улетучилась, как дым. Секретарша приняла меня холодно. Она предложила присесть с таким выражением лица, будто впервые в жизни попробовала лакричную конфету, а потом с крайне заносчивым видом занялась своими ногтями. Ждал я долго. В приемной, кроме меня, сидело еще человек шесть. Я понял, что не один претендую на должность помощника. От этой мысли мне стало не по себе, и я подумал, что сейчас мне совсем не помешала бы чашка кофе даже из самого дешевого автомата. Но в приемной не было ни кофе, ни чая, ни даже воды. Никто не предлагал мне печенье или хотя бы мятные леденцы. В приоткрытое окно неслись приглушенные звуки

улицы, но в приемной было так тихо, что слышно было, как мой сосед справа барабанит пальцами по подлокотнику.

Прошло больше двух часов, пока мы с секретаршей остались в комнате одни. За заветной дверью разговаривали с последним моим соперником, и я начал по-настоящему нервничать. О чем они говорят? Какие вопросы ему задают? Когда он вышел, мне стоило пойти за ним и, поймав под локоть, попытаться расспросить. Но рассказал бы он что-то? Вот так просто? Да нет, вряд ли. И я продолжил барабанить пальцами по подлокотнику кресла так, как делали до меня мои соседи.

Наконец дверь открылась. Мой конкурент с непроницаемым лицом скользнул мимо, а я вымученно поплелся в кабинет.

Помещение было светлым и просторным, а вот человек, который сидел за столом, выглядел хмуро и скучно. Коротким кивком он указал на стул напротив и сразу поинтересовался:

— Ваше резюме?

Ни приветствия, ни дежурного «как поживаете». Я замялся.

— Не принесли?

Он посуровел и скрылся за компьютерным монитором.

— В следующий раз вам стоит позаботиться о резюме, — холодно объяснил он, раскрыв мое досье на компьютере. — Не у всех работодателей есть время, чтобы печатать каждый день сотню лишних бумажек.

Я поерзал на стуле, понимая, что начало не самое блестящее.

— Итак, Леон, — начал он. — Что вы можете о себе рассказать? Чем вы особенны?

Мне подумалось, что он мог бы прочитать обо мне в резюме, но говорить этого не стал. Вместо этого я крепко задумался. Чем я особенен? В самом деле, чем? Я вырос в богатой семье, которая никогда ни в чем не нуждалась. У меня было множество женщин, одна красивее другой. Я сам был очень даже привлекателен. У меня было много друзей...

На этом я про себя запнулся, и в голову поползли непрошенные мыслишки.

У меня *было* много друзей. Вот уже почти год, как у меня всего один друг — Жан. Чем я интересуюсь? Вином по вечерам? Покером? Красивыми женщинами? Нет, это вряд ли можно назвать увлечениями. Живопись? Да, пожалуй. Но что я о ней знаю? О, да я столько всего выучил на курсе истории искусства и других занятиях в университете! Отлично, но хороши ли оттого мои картины? К тому же я бросил эти курсы, так и не дойдя до конца... А «Цветочница», изюминка моей выставки, которую устроили Эстель с Лансом? Ее теперь нет...

— Так что же вы можете о себе рассказать? — настаивал сидящий за столом мужчина.

Я взглянул на него, с трудом выбравшись из своих спутавшихся мыслей, и стал мямлить:

— Я учился на юридическом факультете Сорбонны...

— Учились, — почти улыбнулся он. — Но не доучились?

— Мне пришлось оставить университет... по семейным обстоятельствам.

— Что же вы делали дальше?

— Мне хотелось найти другое занятие...

Я понял, что бормочу так, будто оправдываюсь перед строгим учителем, и мне лет десять, а не в два раза больше.

— Другое? Что же вы делаете здесь? — притворно изумился мужчина.

Я замолчал. Хотелось сказать, что мне очень нужны деньги, а его фирма единственная согласилась рассмотреть мою кандидатуру.

— Давайте поставим вопрос так: почему вы хотите у нас работать? — его голос звучал все холоднее и холоднее.

— Я хочу получить немного опыта... — забормотал я.

— Немного? Почему так неамбициозно?

— Ну, мне хотелось бы получить столько опыта, сколько возможно. Я хочу попробовать себя... — продолжил мямлить я.

— Попробовать? — прервал меня мужчина. — Кем вы хотите стать?

— Ну... профессионалом, — выдал я.

— Отлично. Тогда попробуйте взять вот эту ручку.

Я потянулся за предложенной мне ручкой и тут же остановился в нерешительности.

— Вот именно, — мужчина убрал ручку. — Вы *попробовали*. Но не взяли. Вы точно так же хотите *попробовать* стать профессионалом?

Я замотал головой.

— Что вы, месье... Я лишь хотел сказать...

— Я знаю, что вы хотели сказать, — отрезал мой собеседник. — Идем дальше. Какие вы ставите перед собой цели?

— Цели? — переспросил я в непонимании.

— Да, жизненные цели, — кивнул мужчина.

На этот вопрос я мог ответить без колебаний.

— Я хочу твердо стоять на ногах и не нуждаться, — выпалил я.

— Значит, вам все равно, кем работать?

— Почему же... Я учился...

— Да-да, — снова перебил мужчина, — в одном из самых престижных университетов страны. Думаете, это важно?

— Нет... То есть, да. В каком-то смысле, — отозвался я, окончательно путаясь.

— Ответ неверный, — отрезал собеседник. — Так почему вы выбрали юриспруденцию?

Я уже не знал, что сказать. Я отчаянно не подходил этому недружелюбному кабинету, да и приемной перед ним я тоже не подходил. Я не вписался бы ни в одно помещение в этой фирме. Казалось, все здесь против меня.

Я молчал слишком долго, и мужчина попытожил:

— Думаю, на этом мы можем закончить. Мы с вами свяжемся. До свидания.

Я поднялся на ноги и, минуя секретаршу, в отвращении полирующую ногти, подумал, что никто со мной не свяжется.

Выходил на улицу я в полном отчаянии. Я не ответил достойно ни на один из вопросов. Неужели я и вправду не могу связать двух слов по делу? Вот уж глупость. Я же совсем не дурак...

В свою квартирку я вернулся в унынии. Снова проверил почту, но ничего, кроме очередного рекламного проспекта и предложения пятидесятипроцентной скидки, не пришло. Я с тоской удалил ненужные письма и стал смотреть на экран, словно от этого на нем внезапно могло

появиться следующее приглашение. Однако ни вечером, ни наутро ничего не изменилось, и я спрятал костюм, повесив рубашку как можно аккуратнее, а галстук положив рядом — только бы не потерять в следующий раз, когда он понадобится. Верилось в это мало, и все последующие недели подтверждали мои опасения. Я был никому не нужен и потому просто бродил по улицам, рассматривал на дверях кафе и ресторанов листки с предложениями мест повара, бармена, официанта и все крепче задумывался. Нет ничего постыдного в том, чтобы носить стаканы с коктейлями и тарелки с бифштексами. Возможно, я даже смогу подзаработать на чаевых. Говорят, если хорошо стараться, за один вечер может выйти вполне себе кругленькая сумма... Но работать руками? Весь день проводить на ногах? Бегать, как все эти студенты-недоучки или совсем простые ребята без высшего образования, которые и говорят-то с каким-то немислимым акцентом, хотя родились во Франции? Сколько я протяну среди этих деревенщин, обслуживая *других*? Ведь это *мне* всю жизнь прислуживали, а теперь я должен стать таким же, как Филипп, Коринн, Кристоф?..

А потом я подумал, что Луиса наверняка работала официанткой не раз. Никто не задерживается на таких

местах надолго, а для девушки, которая не знает, где проведет следующий месяц, такая должность идеальна. Только вот я-то знаю, где буду в следующем месяце...

За обедом я рассказал Жану о собеседовании. Мы ждали свой заказ на террасе небольшого ресторанчика в центре, куда я взял обыкновение приходит после полудня.

— И нужен тебе этот офисный планктон? — спросил Жан, когда я закончил.

День выдался теплым, и из-за солнечных очков, которые он не снимал, я с трудом мог понять выражение его лица.

Я пожал плечами:

— Мне нужны деньги. Как-то же я должен разморозить свой счет.

— Сколько ты разослал резюме? — поинтересовался Жан.

— Десятки... — протянул я невесело.

— Вот-вот. Мне кажется, ты не там ищешь.

— Думаешь, мне стоит снова попытаться продать картины?

Жан отставил стакан, не ответив.

— Пойду в официанты, — обреченно вздохнул я. — Уж не знаю, сколько лет придется бегать с подносами, чтобы мой счет снова открыли, но, похоже, другого выхода нет.

Между столиками появилась улыбчивая девушка в форменном фартуке.

— Весенний салат?

Я смотрел, как она чуть не двумя пальцами придерживает огромное блюдо.

— Мне, — кивнул Жан.

— Паста болоньезе, — уже утвердительно улыбнулась она, ставя рядом со мной тарелку.

Я проводил ее взглядом.

— Она выглядит не так уж грустно, — отметил я.

— По-моему, ты слишком себя ограничиваешь, — покачал головой Жан. — Я не буду ничего советовать, потому что нет ничего лучше собственного выбора, пусть даже ошибочного, — он подцепил вилкой лист базилика и стал его рассматривать, словно остался один на один с салатом, а я уже встал из-за стола и удалился. — Свобода — вот что прекрасно. Сейчас я работаю над одним платьем...

Ни одного колючего шва, никаких стягивающих поясов или манжетов. Вот такая тебе нужна свобода.

Я посмеялся:

— Ну, платье мне точно не нужно.

— Ты же понимаешь, о чем я, — укоризненно покачал головой посерьезневший Жан.

— Но разве я и без того не был всю жизнь свободен?
— подумал я вслух.

— А мне кажется, наоборот.

— Не понимаю.

В последнее время наши с Жаном разговоры приобретали все более явственный философский налет, и от этого я начинал нервничать. Мне не нравилось углубляться в собственные мысли, но вместе с тем я со страхом догадывался, что именно там, на дне сознания, хранится ответ на один из главных вопросов, который меня теперь занимал: что делать дальше? А еще я вспоминал Луису, так странно и внезапно задевшую меня за живое, и представлял, как бы она поступила на моем месте. А это невольно рождало новые и новые размышления.

— Что бы ты выбрал: провести ночь за покером в казино или за городом, в полях, любуясь на звездное небо? — спросил Жан.

— За покером, конечно, — кивнул я. — Что я, звезд не видел?..

— А я бы лучше полюбовался на небо, — протянул Жан. — Но мы разные люди, и в этом все дело. Хотя от покера в свое время я тоже не откажусь.

— Да причем тут звезды? — я совсем потерялся и стал раздражаться. — Какой от них толк?

— А ты съезди разок, — посоветовал Жан. — Попробуй природу на вкус. И увидишь, какой в ней толк.

Я нахмурился:

— Но причем тут свобода?

— Что для тебя важнее: вдохновение или деньги? — Жан снял очки и посмотрел на меня в упор.

Я наконец-то увидел его глаза. Взгляд у него был холодный, как в тот вечер нашей последней крупной ссоры больше года назад. Мне хотелось сказать, что деньги (ведь как иначе я разморожу счет?), но я задумался. Вспомнил, как писал портрет Эстель. Тогда я впервые ощутил

настоящее вдохновение. Правильные, изящные линии ее тела ложились на холст так, словно я наконец-то нащупал ниточку в полотне мироздания и оно, молчавшее всю мою жизнь, само отозвалось на призыв. Как будто я наконец-то нашел верный ответ на какой-то вопрос, который меня всегда мучил. Но это было ничто по сравнению с тем, как я писал портрет Луисы. Она рождала в моей голове десятки, сотни новых образов, и казалось, передо мной — волшебный неиссякаемый источник чего-то невыразимо прекрасного, чудесного до детской непосредственности, но вместе с тем зрело-великолепного. Она была как цветовой спектр, как миллиарды оттенков и полутонов, перетекающих друг в друга, из которых выбирать можно целую вечность. Один взгляд на нее пробуждал сознание, заставлял мысли двигаться быстрее, еще быстрее, и мне казалось, что я ни за что не угонюсь сам за собой. Я задыхался, не зная, с чего начинать и где заканчивать. Она раскрывала передо мной весь мир — она и ее портретное воплощение, которое медленно проступало под новыми и новыми мазками. Это был мир, совсем мне не знакомый, словно только что открытая чужая вселенная, которую можно было исследовать и исследовать долгие годы. И

вместе с тем каждый новый миллиметр этого мира был как глоток живительной влаги в пустыне.

Жан смотрел на меня вопросительно, а я все молчал. И чем больше проходило времени, тем теплее становился его взгляд.

— Закажем еще воды? — Жан снова надел очки и обернулся в поисках официантки. — Ну и жаркий сегодня денек.

В его голосе больше не было ни намека на укор.

Мы продолжили обед в молчании. Я погрузился в задумчивость, когда нас окликнули, и я не сразу узнал знакомый голос.

— Лилиан! — Жан улыбнулся.

Оставив груды пакетов под столиком, она упала на стул и обмахивалась салфеткой, но, заметив нас, пересела на уголок стула рядом.

— Какая встреча, — она заглянула в наши тарелки. — Пируете? — она кокетливо наклонила голову и откинула волосы. — А я здесь на минутку. Пьер зашел проведать брата, он держит этот ресторан. Ну и жара сегодня! Я с ног сбилась.

— Покупки? — слабо улыбнувшись, поинтересовался я.

Лилиан кивнула.

— Пьер очень мил. А вот эти, — она выставила ножку, демонстрируя новенькие бирюзовые туфли, — я просто не смогла положить обратно в коробку. Божественно, правда?

— И кто этот Пьер? — спросил Жан без особого любопытства.

— О, мы познакомились позавчера, — она хихикнула. — В книжном магазине, в секции путеводителей. Я все мечтаю слетать на Сейшелы, а он, представляете, просматривал книгу как раз об этих островах!

— Я так полагаю, вы скоро туда отправитесь? — спросил я.

— Обязательно, — глаза Лилиан блеснули. — Такие совпадения не случайны!

«За счет Пьера, конечно, — подумал я. — Удачное совпадение».

— Ну, я побежала, — бросила она. — Нужно еще найти новый купальник!

Подруга вернулась за свой столик, когда к нему подходил высокий, довольно блеклого вида мужчина. Он забрал покупки, и Лилиан, махнув нам на прощание, последовала за ним.

— Этому типу загар не помешает, — беззлобно заметил Жан.

А меня взяла досада. Неужели эта женщина была одной из моих лучших подруг? Она смотрела на новые туфли с куда большим обожанием, чем на своего очередного знакомого. Если бы перед ней сейчас вырос тот самый мужчина, который проводил со мной последнее и пока что единственное собеседование, что бы она ответила на его вопрос о жизненной цели? О чем она мечтает? Заполучить дом на Бора-Бора и мужа побогаче, чтобы не беспокоиться, как оплатить счета за следующий месяц?

Я мотнул головой. Откуда такие мысли? Меня никогда не беспокоили вкусы и увлечения Лилиан. Да, ей нравилась красивая жизнь. Но и мне тоже. Ей нравились

мужчины, от которых был толк. А мне нравились женщины, которым я сам мог принести пользу...

Меня передернуло. Неужели я когда-то был на месте такого Пьера?

Я с ужасом вспомнил собственное упоение от мысли, что покорю Луису самыми лучшими пирожными Парижа, заказанными в один присест. Ведь я сам играл роль точно такого же Пьера! Только Луисе мои подношения были совсем ни к чему, в отличие от Лилиан, которая с удовольствием принимала подарки и скромничать не собиралась.

— А что та девушка, — Жан прервал мои размышления. — Луиса, кажется. Все мечтаешь ее отыскать?

Я представил, что сейчас вместо Лилиан передо мной предстала Луиса. Без Пьера, правда, и без груды обновок. В простых кроссовках, а не в туфлях на высоком каблуке. С волосами, безразлично убранными в пучок на затылке. В каком-нибудь бесформенном платье безумной расцветки вроде тех, что так любили хиппи. На нее будут

смотреть и с усмешкой указывать пальцем, а ей будет все равно.

Я покачал головой.

— Уже позабыл? — протянул Жан все так же беззлобно.

Я улыбнулся:

— А что я ей скажу?

— К примеру, что она тебе нравится, — развел руками друг.

Я неопределенно повел плечом. Появись сейчас передом мной Луиса, она бы поспешила испариться. Сбежала бы, натянуто улыбнувшись. Такой, каким она меня узнала, я был ей не нужен.

В кронах каштанов на аллее зашелестел ветер, и в голосах улицы, слившихся с этой волной, мне послышался смех Луисы. Она тут же ясно возникла перед моими глазами: в джинсах, в темно-красном свитере, в едва различимом аромате ландышевых духов — такой, какой была в последнюю нашу встречу. Я отодвинул стул и решительно поднялся на ноги, оставляя у тарелки плату за обед.

— Спасибо за компанию, Жан. Мне пора.

— Ты куда-то спешишь? — удивился он.

— Да, — улыбнулся я.

Образ Луисы все еще стоял перед глазами, а дома меня дожидался новый холст.

Глава пятая

За следующую неделю появились еще три портрета. Я видел Луису так ярко, будто она все еще позировала мне. Вдохновение казалось неиссякаемым, и я с трудом отрывался, чтобы перекусить, а ночью отправлялся спать с сожалением. Потом я стал замечать, что шум города из открытого окна меня раздражает. Шум проезжающих по улице машин, крики прохожих, звуки с террас ресторанов отвлекали. Я закрывал створки, но шум не исчезал, а только становился немного тише. Тогда я передвинул мольберт подальше от окна, надеясь, что несколько метров спасут от назойливого звона столовых приборов и гомона обедающих, но все бесполезно. Я попытался работать ночью, когда на улицу опускалась глухая спасительная тишина, но

искусственное освещение никуда не годилось. В конце концов я вспомнил слова Жана о полях и звездах, и мне в голову пришла идея. Я собрал кисти, краски, мольберт с холстами, сложил это все в свой крошечный автомобиль и отправился вон из Парижа.

Я всегда был типичным городским жителем. Суэта толпы и движение мне нравились. В этом была жизнь. Ничто не останавливалось ни на мгновение, и от вечной круговерти красок мне и самому казалось, что я двигаюсь, даже если на самом деле стою на месте. Сонные, неподвижные сельские пейзажи меня не притягивали. В них было что-то глухое, застывшее — так мне казалось.

Но теперь все словно бы стало меняться. Проезжая здание Оперы, Триумфальную Арку, оборачиваясь на шпиль Эйфелевой башни, я хотел лишь поскорее убежать. В разгар дня в центре было яблоку негде упасть от туристов, праздных гуляющих и офисных служащих, которые оставили свои рабочие столы на блаженный час обеденного перерыва. А я только сильнее нажимал на педаль газа, чтобы выбраться из этой толчеи как можно скорее.

Я не знал, куда еду. На трассе включил радио погромче и даже не смотрел на указатели. Мне было, в общем-то, все равно, Руан это будет, Гавр или Амьен. Куда лучше даже местечко совсем без названия.

Через пару часов я уже ехал по узенькой сельской дороге, которая едва делилась на две полосы. Пока встречных не было, я ехал быстро. Когда впереди кто-то появлялся, притормаживал, останавливался у обочины и ждал, пока он проедет мимо. Это было даже забавно: я забирался в настоящую глушь. Шоссе петляло в зеленом коридоре раскидистых крон, пока не вывело к реке. Справа простирались незасаженные, дикие поля, а слева дорога подступала чуть не к самой воде. Я подождал, пока она вильнет вбок, оставляя реку позади, и остановился. Место выглядело самым подходящим.

Я поставил мольберт на берегу, спрятавшись от солнца под ветвями, и присел на корни рядом. Больше не было слышно гула мотора и музыки, только вода легко шелестела, набегая мелкими волнами на берег. Солнце играло бликами на водной ряби, и пятна света колыхались в листве, на коре, на оставленном мной холсте. Я закрыл глаза, но даже так видел отсветы солнечных зайчиков.

Пахло влажной землей с берега, свежестью и высушенной на солнце травой.

Я снова представил Луису: ее улыбку и внимательный взгляд, когда она следила, как я заканчиваю ее первый портрет. В ту минуту я ей нравился. Вот таким я был ей нужен! Ухватив это чувство взаимности, на мгновение мелькнувшее в ее глазах, я встал и принялся за работу.

Река тихо набегала на корни ивы, склонившей свои ветви прямо над поверхностью, в вышине с протяжными криками проносились стрижи, в поле заливались стрекотом цикады, а из-за деревьев за пустой дорогой на меня с улыбкой смотрела Луиса.

Закончил я только после заката. Я ловил остатки дневного света, накладывая последние мазки, и удивлялся, как по-другому теперь рука вела кисть. Из пальцев пропал страх, я больше не боялся провести кривую линию или дать более густой цвет, чем нужно. Я просто рисовал так, словно эту картину никто, кроме меня, не увидит и никто не осудит, а потому нечего опасаться.

Уже совсем стемнело, когда я стал складывать мольберт. Дневные цикады поутихли, зато зашумели другие, ночные звуки. Появился ветер, и листья на ветвях ивы, под которой я провел день, зазвенели, словно крошечные монетки. На реке поднялась волна. На небо пока еще не напоззли тучи, хотя погода менялась. Но если она и должна была испортиться, то не сейчас. Я еще мог полюбоваться на загорающиеся звезды, которые одна за другой собирались в созвездия.

Я так и стоял, задрал голову к небу, замороженный раскинувшимся надо мной сверкающим полотном. Никогда еще я не видел столько звезд. В городе они меркли от света фонарей, и само небо казалось грязно-желтым. Здесь же оно было бархатно-черным, глубоким, как сама бездна, и звезды загорались пронзительно-яркими точками. Казалось, это крошечные отверстия, проделанные острой иглой в толстом ковре небосвода.

Я оторвался от чудесного зрелища, только когда шея затекла, а глаза заслезились. Пора было возвращаться домой. Но вокруг творилось что-то почти сказочное: колыхалась трава в поле, шевелились ветви леса, который тянулся вдоль реки и отодвигал дорогу вбок, позади бежала

вода. Я стоял как замороженный, словно впервые все это видел, и не понимал, что делать со всей красотой, которая меня обступила. Такую бы нарисовать — всю до дна: со звуками, шепотом и шелестом, до самого последнего листочка, не видного в полумраке, до последней песчинки на берегу, которая слилась с остальными в одно темное покрывало. Руки дрожали, представляя движения кисти и точки мазков. Я задыхался. Не умею! Я так не умею! Досада взяла меня за горло, и я обернулся к машине. До Парижа несколько часов пути, а между тем за целый день у меня во рту и маковой росинки не было. Вот бы по пути где-то поужинать, хоть в самой обычной придорожной забегаловке...

Захлопнув дверь и усаживаясь в привычном уюте теплого автомобиля, я скривился. Я голоден как собака, но ужинать в придорожной кафешке в такой глуши я не буду. Если потороплюсь, успею в любимый ресторан на моей улице, а там подают самую лучшую пасту в Париже, а именно ее мне сейчас и не хватает для полного счастья.

Кивнув, я завел автомобиль и тронулся.

Река, поле и полное звезд небо остались позади. Я снова возвращался в Париж.

— Счет? — улыбнулась уже знакомая белокурая официантка.

— Да, — я кивнул. — Паста сегодня потрясающая. Хотя нет, она всегда такая.

Официантка рассмеялась:

— Да, вы у меня только ее и заказываете. Не хотите в следующий раз попробовать что-то новенькое?

— Разве что другую пасту, — отозвался я.

Она весело хмыкнула и убежала за чеком.

Только оплатив счет и засобиравшись домой, я понял, что ужасно поторопился. Голод отступил, и мне стало противно. Я так спешил обратно в свой Париж, когда еще пару часов назад открыл что-то, как я всегда думал, чуждое мне. Я так хотел снова отведать любимой пасты на террасе знакомого ресторана, глотнуть немного вина, чтобы отвлечься... Вот только отвлечься от чего? Обычно вино действовало успокаивающе: стоило взять в руки бокал, и все вопросы о деньгах, счетах или новом долге Жану

отступали. Однако сегодня я о них и не задумывался. Я и так целый день отвлекался. Река, поля, ивы отодвинули все мелкие переживания в дальний угол, презрительно фыркнув. И теперь я не ощущал инородности при мысли о «скучной» природе. Да, все это было совсем другим, диаметрально противоположным тому, к чему я привык. Но я ведь не знал иного. Мне снова хотелось оказаться там, под полным звезд небом, и заснуть, считая созвездия.

Наутро я пробудился от шелеста писем, со стуком упавших на коврик под дверь. Зевая, я отправился в коридор и, разбирая конверты, пошел заваривать кофе. Реклама, реклама, еще реклама... А вот это белое письмо с неприятным отправителем стоит распечатать.

Оказалось, я уже больше года не оплачивал какой-то дополнительный счет за квартиру. Я и знать о нем не знал, а теперь держал в руках письмо, которое обещало чуть ли не выселение. Я возмутился и отбросил бумагу подальше, занявшись кофе. Что за дополнительный счет? Откуда? И как я могу о нем знать, если и в глаза никаких бланков не видел?.. Но позже, оставив пустую кружку, я все же придвинул обратно письмо и ужаснулся сумме! Не хватало мне отыскивать новую квартиру, когда я так хорошо

обустроился здесь! Теперь я знаю тут каждый метр улицы, каждый ресторанчик, каждое кафе, каждый каштан на аллее! Отсюда две минуты до метро (хотя я все же предпочитаю старину Пежо), десять — до красавицы Эйфелевой башни, а с балкона открывается совершенно прекрасный вид на крыши. К тому же и цена за эту квартиру вышла совсем невысокой. Других таких предложений в центре я не встречал.

Раздраженный, я отправился разбираться со счетом. Мысли о звездах и картинах вылетели из моей головы без остатка. Я позвонил Жану, но тот не брал трубку, и я решил поехать к нему сам. Ища знакомый Пежо в ряду припаркованных у обочины автомобилей, я вдруг увидел официантку, которая обслуживала меня в моем любимом ресторанчике. Она махала с террасы, весело улыбаясь.

— Не хотите пообедать? Суп-пюре с креветками сегодня потрясающий!

Я покачал головой:

— Рановато еще, — и улыбнулся.

А потом нахмурился.

— Что ж, тогда жду вас на ужин, — она словно бы и не заметила моей перемены.

— Вы же ищете официантов, верно? — вдруг спросил я на одном дыхании, даже не успев толком подумать.

Девушка тоже спрятала улыбку.

— Ищем. Всегда ищем. Никто надолго не задерживается. Кажется, я одна тут работаю уже почти год.

— Возьмете меня? — просто спросил я.

Она снова засмеялась:

— Шутите?

— Нет, — серьезно ответил я.

Она сдвинула брови и оглядела меня с ног до головы.

— Хорошо, я провожу вас к Полю. Он у себя.

Занять у Жана мне все-таки пришлось. Счет с долгом требовал выплаты до следующего месяца, а, как ни старайся, так быстро огромную сумму, что от меня требовали, я заработать не мог. Но Жан улыбнулся, услышав, что я устроился на работу.

— Будешь подносить напитки? — посмеялся он.

Я кивнул:

— Пока что. Другого выхода у меня нет.

— Не так уж это и плохо. На чаевых можно заработать куда больше, чем тебе заплатит этот жмот Поль!

— Все-таки странно прислуживать другим, — вздохнул я.

— Какие средневековые у тебя представления! — покачал головой Жан. — Сейчас двадцать первый век. Свобода, равенство и братство. Слуг нет уже давно.

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Прислуживать... Ты слишком заиклился на этой мысли. Любая работа — в каком-то смысле служба, — Жан похлопал меня по плечу.

— А как же твой проект? Твои выкройки? Наброски? — спросил я.

Жан хмыкнул.

— Это другое дело. Хотя... — он задумался. — Я служу музе.

Я рассмеялся.

Работать в ресторане, куда я раньше ходил только поужинать, было странно, но вместе с тем интересно. Теперь я знал, что обычно садился за пятый столик на террасе, а если шел дождь — за третий в зале. Пришлось выучить не только названия из меню, но и состав блюд до последней щепотки приправ. Я обнаружил, что типов кофе бывает куда больше, чем я представлял, и с любопытством смотрел, как бариста вливает молоко в темную гущу эспрессо, чтобы потом вывести белой струйкой на поверхности аккуратное сердечко. Аннет, белокурая официантка, которая меня обычно обслуживала, взялась мне помогать; она хитро улыбалась и подтрунивала над моей неуклюжестью. В первый же день я едва не разбил поднос с целой стопкой тарелок, но Аннет успела подхватить его прежде, чем я успел подумать, что трачу зарплату, еще ее не заработав.

Особенно оживленно бывало после полудня — тогда я едва успевал, часто путая одного посетителя с другим. Как-то я не меньше пяти минут стоял посреди зала с тарелкой пазлы, не зная, должен ли я ее отнести пожилому господину с тростью или высокому меся с усами. В конце концов Аннет толкнула меня под локоть и кивнула на усача,

а я еще долго ухмылялся, спрашивая, не следит ли она за мной. Она слегка покраснела и отшучивалась.

Чаевые оставляли разные, и я быстро распрощался с мыслью, что в два счета отдам Жану свой долг. Состояния тут было не заработать, особенно на тех скрягах, которые оставляли пару центов, словно на это можно было что-то купить. Хотя, возможно, им было просто лень собирать мелочь. А вот студенты не оставляли ни евро просто потому, что и сами в них нуждались. Зато пожилые парочки, туристы и хорошо одетые дамы на чаевые не скупилась, потому я подлетал к их столикам с особой готовностью и широкой улыбкой. Остальным я тоже, конечно, улыбался, но уже выучил, от кого можно ждать вознаграждения, а от кого лишь «спасибо».

Я не сразу привык подниматься к определенному часу и одеваться в форменную одежду и еще долго отгонял презрительные мысли о слугах и господах, стараясь не раздумывать, кем же из них я являюсь. Но хуже всего была усталость. После целого дня на ногах или в перерывах, когда зал пустел, я с облегчением плюхался на барный стул и сидел неподвижно, пока меня кто-то не звал.

Жан приходил ко мне обедать чуть ли не каждый день. Я смеялся, что он может и не рассчитывать на скидку, а тот улыбался:

— Просто интересно смотреть, как ты работаешь.

Я делал страшное лицо и грозился отдать его столик Аннет, а Жан лишь дружелюбно подтрунивал:

— Она с тебя глаз не сводит. Неужели ты так хорошо работаешь? Она просто налюбоваться не может.

Я оборачивался, перехватывая ее взгляд, а она легко улыбалась. Жан между тем с театральной печалью замечал:

— Жаль, что ты никак не можешь забыть свою путешественницу. Может, она тебе вовсе привиделась?

Я качал головой:

— Не привиделась.

И Жан с неодобрением вздыхал, все же улыбаясь:

— Что она с тобой сделала, скажи на милость?

Я пожимал плечами, а к Жану меж тем возвращался серьезный вид:

— Ты же знаешь, можешь и не возвращать долг. Сколько раз ты нас всех угощал!

— Не говори про «нас всех», — кривился я. — А про «не возвращать» и думать забудь. Я сказал, что верну, значит, верну. Тем более что работать мне даже нравится...

— Что ты говоришь? — изумлялся весело Жан. — Его Величество решили, что физический труд им вполне по зубам!

Я смеялся:

— Да ну тебя!

Но это было правдой. И мне нравилась не столько сама работа, сколько чувство причастности к жизни, которую рождала суэта в ресторане. Я все время был занят и кому-то нужен. Конечно, и дружба с Аннет оказалась приятным дополнением: она помогала мне, даже когда сама была занята по горло. Иногда я расстраивался, что зря обманываю ее, подавая ложную надежду, ведь я-то все время думал о Луисе. А затем мысленно пожимал плечами, успокаивая шепчущую совесть тем, что никаких особых знаков внимания ей не оказываю. Мы просто хорошие приятели, а мне сейчас так не хватает друзей.

Удивительно, но после целого дня работы на ногах я возвращался к своему мольберту словно бы с новыми

силами. Оставляя подносы, тарелки, вилки и свой форменный фартук в ресторане, я поднимался к себе, как будто день только начинался: забывал, что ноги едва держат, брался за кисть и словно бы улетал далеко-далеко.

В выходные я выводил свой Пежо с парковки и отправлялся куда глаза глядят. Каждый раз — немного дальше, чем в прошлый. Я никогда не бывал в этих местах и открывал для себя все новые и новые дороги, крошечные городки и деревни. В один из таких дней я проезжал мимо старой, полузабытой фермы и загляделся на древний дом хозяина. Здание возвышалось среди полей, словно скала в океане. Плющ увивал стены, спускаясь на окна и застилая свет в комнатах. Маленький прудик у самой двери зарос ряской и кувшинками, совсем позеленев. Старые, кривые вишни, посаженные давным-давно чуть поодаль, уже не плодоносили, а только гнули ветви под собственной тяжестью с такой обреченностью, словно мечтали однажды переломиться от усталости. Но все это, дышавшее стариной и запустением, заливал такой яркий, такой полный жизни свет, что я невольно задержал дыхание. Над полями колыхался аромат высушенной травы, нагретой коры, каких-то сладких цветов; мимо с жужжанием проносились пчелы,

а в небе плавали птицы. Краски так и захлестывали, словно эти поля были настоящим океаном: зеленые, красно-оранжевые, желтые, а поверху — бирюзовая лазурь, на которой взбитыми подушками — белые, плотно собранные ветрами облака.

Поначалу мне подумалось, что дом давно заброшен: слишком уж буйно росла трава, подступая к самому порогу, поднимаясь до подоконников и там сплетаясь в странном согласии с плющом. Но потом я заметил старика, который медленно пересекал то, что раньше называлось садом. Издалека я разглядел его выдающуюся соломennую шляпу с широкими полями, рубашку с закатанными для работы рукавами, брюки на подтяжках с болтающимися штанинами. Когда он повернулся в мою сторону, подслеповато щурясь, я увидел, какое загорелое, темное у него лицо. Но каким бы старым, изборожденным морщинами оно ни было, я различил на нем затаенную, простую улыбку человека, не спрашивающего, зачем он живет и хорошо ли. Когда старик скрылся в доме, скрипнув дверью, я вдруг отчаянно захотел через много-много лет оказаться на его месте. Найти вот такой старый дом с какой-нибудь немыслимой историей и зарости вместе с ним травой

в этом буйстве красок, запахов и света. Оставить все, что я знал раньше, и рисовать в лугах, в лесах, у рек и озер, а в дождливые дни — в мансарде, полной паутины, муравьев и, может быть, голубей. Я бы и пальцем не тронул старые, поеденные плесенью стены; никакой штукатурки или краски. Я оставил бы все как есть, чтобы ненароком не прогнать этот дух природы, света и красок — самой жизни. Вот тогда, окруженный таким пейзажем, с мыслями об одной женщине, я бы стал рисовать по-настоящему.

Усмехнувшись, я тронулся в путь, оставив старый дом позади. Все эти ароматы, звуки и солнечный свет ударяли в голову, и я сходил с ума, вдыхая всей грудью, купаясь в солнечных лучах, представляя бесчисленные краски на холсте. Каждая травинка, каждый листок и ветвь так и умоляли меня остановиться, встать поля, зажмуриться и раствориться в водовороте той жизни, которую они знали всегда, но с которой я сам был едва знаком. Они обещали меня научить тому, что не смогли ни Ланс, ни профессора из университета. И я учился. Оставляя машину в самых живописных местах, которые только мог отыскать по пути, я делал зарисовки, одну за другой. Но это были не пейзажи.

Безмолвно, мимолетно, призраком — на каждой картине меня преследовала Луиса. Моя муза.

Глава шестая

Жюли нравилось наблюдать, как я завтракаю. Она сидела рядом, с интересом наклонив голову, и с тенью улыбки следила, как я сначала готовлю яичницу с овощами, потом завариваю себе кофе, а затем устраиваюсь с нехитрым завтраком у окна. По утрам, если успеть, на подоконнике можно было застать полосы солнечного света. Потом он уходил в комнату, которая выглядывала окнами на юг, и оставался там на целый день, если небо не думало хмуриться. Дожди здесь случались редко, и пора бы устать от бесконечного солнца, но мне было мало: лучи преображали все вокруг и заставляли напевать под нос, и я даже тарелки мыл с улыбкой, а это занятие я ненавидел всеми фибрами души.

Жюли все косилась на улицу, предвкушая нашу традиционную утреннюю прогулку по парку, где ей иногда удавалось выпросить у меня мороженое. Вообще-то

подобные вещи врач ей запретил, строго предписав придерживаться диеты, но она смотрела на меня такими нежными, такими просящими глазами, что я плевал на все эти медицинские штуки и покупал ванильный рожок у Пьетро, который каждый день стоял со своим лотком у статуи с тремя нимфами. Мы с Пьетро неторопливо обменивались последними новостями, а потом Жюли звала меня дальше. Обычно мы проходили парк насквозь, чтобы выйти с другой стороны к реке. За мостом город кончался, и дорога под деревьями уходила по холмам все выше и выше, пока не терялась вдалеке у подножия горного массива. Горы здесь начинались совсем невысокие, но уже осенью они одевались белоснежной шапкой снега, а на закате и восходе окрашивались такими изумительными тонами, что я нередко проводил часы на открытом воздухе, рисуя с натуры очередной акварельный пейзаж. Краски расплывались, перетекали и загорались на бумаге всеми цветами радуги, а Жюли, устроившись у самого моста, подглядывала через мое плечо, как я орудую кистью. Пока я рисовал, она терпеливо ждала, не проронив и звука, сколько бы я ни провел за мольбертом. Жюли была самой верной собакой, какую можно представить.

Вот и сегодня она долго сидела у ног, пока я расправлялся с завтраком, а потом — с грязными тарелками, и даже не заскулила, хотя мы сильно опаздывали. Проснулся я поздно, голова плыла от духоты, и даже распахнутое окно нисколько не помогало. Этим утром я и сам не отказался бы от мороженого Пьетро — такая стояла жара. Мне не терпелось поскорее выйти из квартиры и отправиться куда-нибудь в лес, что начинался под холмами за рекой: работать в такую погоду дома было чистейшим сумасшествием.

Запирая дверь квартиры, я встретил мадам Брюни, которая спускалась по лестнице с верхнего этажа.

— Доброе утро, Леон! — заговорила она, останавливаясь на моей площадке. — Ну и погодка сегодня. И лифт не работает. А я, как назло, забыла дома кошелек. Второй раз спускаюсь!

Я сочувственно улыбнулся. Старушка Брюни была милейшей особой. Слишком говорливой, но я так привык слышать ее шаркающие шаги на каменной лестнице, что без них перестал бы чувствовать себя как дома.

— И вам доброго утра, мадам Брюни, — ответил я.

Жюли что есть силы крутила хвостом, приветствуя старушку.

— Что за чудесный пес, — проворковала она, глядя ее по носу. — Только полноват он у вас, полноват.

— Да, мадам Брюни, у лабрадоров так часто. Такая уж порода, — объяснил я.

— А я смотрю, вы его мороженым в парке подкармливаете, — она погрозила мне пальцем.

Я улыбнулся. Мадам Брюни знала все и вся, и ничто не могло ускользнуть от ее взгляда.

— На прогулку? — поинтересовалась она. — Лучше покидайте-ка палку. Глядишь — и сбросит немного.

Я кивнул:

— Вы правы, обязательно, — И мы распрощались.

Я любил говорить с ней. Мадам Брюни — добрая, в общем-то, безобидная, и одновременно с характером. Многие считали ее вредной старушенцией себе на уме, мне же она казалось при всем этом довольно милой. А ведь лет десять назад я улизнул бы от болтовни мадам Брюни, едва слышав знакомые шаги на верхней площадке. Теперь мне даже интересно было послушать, что она расскажет.

Сегодня она еще не успела разжиться ежедневной дозой сплетен и слухов, но встретить я ее вечером — наш разговор не окончится бы так быстро.

Зажав под мышкой мольберт, краски и кисти, а в другой руке крепко держа поводок Жюли, я двинулся вниз. Жюли, несмотря на свою полноту, очень любила гоняться за птичками, и это было особенно неудобно, когда я держал ее на поводке. Если зазеваться, вырвется — и пиши пропало. Правда, прибежит обратно на первый же зов, но стоит снова чинно зашагать по дорожке, как сразу забудет, что пообещала вести себя примерно, и рванет поводок, чтобы наброситься на очередного воробья. Все было бы ничего, если бы не объемистый мольберт, который я придерживал другой рукой. С такой ношей забавы Жюли становились особым упражнением.

Поравнявшись с лотком мороженщика, я помахал Пьетро.

— Ванильное для Жюли? — поприветствовал он, потрепав собаку по ушам.

— Нет, Пьетро, сегодня только для меня. Пожалуй, фисташковое.

От небольшой прогулки я уже успел позабыть, что недавно завтракал.

— Но Жюли? — в расстройстве развел руками Пьетро. — Нехорошо! Какие глаза!

Я помотал головой:

— Нельзя. А себе я возьму два шарика.

Пьетро оживился и стал набирать мороженое в рожок.

— На пленэр? — он кивнул на мой мольберт.

— Да, есть у меня на уме пара пейзажей, — кивнул я, забирая мороженое.

На самом деле я приглядел всего одну картину. Она тревожила и вызывала неясное волнение, но в этом ощущении было куда больше счастливой грусти, чем печальной. Я пересек парк, оставил город за мостом и прошел чуть подалее под сенью деревьев, пока лес не стал редеть, поднимаясь в гору. Забравшись по каменным ступенькам повыше, я оказался на смотровой площадке. Из-за ветерка здесь было чуть прохладнее, чем внизу. Я устроился под корнями старого дуба и разложил мольберт, оглядываясь по сторонам. Отсюда открывался прекрасный

вид: долина, ряды черепичных крыш, зеленые квадратики садов и серые ленты дорог. Но мне нужен был единственный дом на западе, где кончался город и начинались поля.

Огромную территорию за витой изгородью расчерчивали ровные дорожки, делили между собой альпийские горки садов и выстриженные под шар деревья парка. Сам дом казался огромным даже отсюда: можно было разглядеть окна всех трех этажей, каждую печную трубу на остроконечной крыше и башенки боковых комнат, которые придавали дому сходство с замком. Но не сказочность и даже не красота привлекали меня в этой постройке. Эта показная роскошь меня скорее отталкивала, а дом, казалось, вот-вот лопнет, раздуваясь от гордости за самого себя. Но во всех этих аккуратных, вычерченных за немалые деньги деталях плана поместья было что-то отдаленно знакомое.

Это поместье напоминало мне мое собственное, потерянное год назад. Особняк передали благотворительной организации, потому что я так и не успел выполнить условия завещания. Поначалу я сильно опечалился, но потом осознал, что ничего, принадлежащего мне самому, не потерял.

Я уже давно покинул Париж, и, приехав тогда посмотреть на отобранный особняк, не почувствовал ничего, похожего на нежность к знакомым улочкам и зданиям по соседству. Я взглянул тогда на садовника, который ровнял изгородь, словно ничего не произошло и дому не предстоит теперь стать какой-нибудь школой или центром специального обучения. Он даже не помахал, увидев меня на улице. То ли не узнал, то ли не вспомнил, что тут кто-то когда-то жил и этим кем-то был я. Казалось, он ничего не заметил: ни смены хозяина дома, ни меня, проходящего за воротами, которые для меня теперь были заперты.

Я обошел поместье по кругу, заглянул в окна моей спальни, столовой и кухни, в окна кабинета, где слушал роковое завещание, которое отобрало у меня права на этот роскошный дом... А потом я развернулся и пошел обратно к машине, надеясь поскорее убраться из забитого автомобилями, дышащего пылью и раскаленного металлическим солнцем узких улиц города. Здесь мне было не место, как и в этом особняке. Все-таки он уже давным-давно не был моим. Да и был ли когда-то? Ведь я никогда не

стремился сюда так, как спешат домой, представляя, что это единственное место, где можно укрыться от всех забот.

Пожалуй, таким для меня стало то место, где я устанавливал свой мольберт. Уже после «Цветочницы», после первых опытов с набросками, после отъезда Луисы. Сначала таким «замком» была моя первая съемная квартира в центре Парижа, но я быстро от нее устал. Париж давил на меня все больше и больше, а зарплаты официанта едва хватало на то, чтобы покупать самую простую еду, платить за жилье и потихоньку отдавать долг Жану. Я распрощался с Аннет, которая отпускала меня не без сожаления, и отправился в путь. Новым убежищем стал крошечный городок на границе с Испанией, где за квартиру я платил в два раза меньше, где всегда пекло солнце, где я знал чуть ли не всех и каждого и где любое место, куда я выходил с мольбертом, было самым прекрасным на земле. Я написал бесчисленное количество пейзажей: местность была в этом смысле самая подходящая и в разное время дня дарила новые краски, которые делали одну и ту же картину, нарисованную сегодня, совершенно не похожей на вчерашнюю. Ритм жизни в этом городке отличался от парижского разительно, и я думать забыл о шуме, пыли и

вечной суете, которая отличала столицу и отталкивала от нее. К тому же я наконец полностью сосредоточился на живописи, и мне даже удалось устроить несколько выставок. Они были совсем крошечными, как и все в этом городке, но уже после первой я смог продать две картины, а к четвертой меня уже хорошо знали и даже обращались с заказами. Платили, конечно, совсем не столько, сколько могли бы в Париже и сколько я ожидал когда-то выручить за «Цветочницу». Но даже этих крох мне вполне хватало на жизнь. А самым главным оставалось то, что каждый день я занимался делом, которое полностью меня поглощало. Я больше не просыпался с беспокойством за счета или с мыслями о поиске работы. Моя работа всегда была под рукой и приносила больше удовольствия, чем какое-либо развлечение, которое я мог себе найти. Я полностью вернул долг Жану, несмотря на его протесты, и теперь ощущал себя по-настоящему свободным человеком.

Я прожил в этом городе уже восемь лет и ни минуты не жалел о своем выборе. Жизнь моя поменялась, потому что иначе и быть не могло: Парижу я больше не нравился, и он терпел меня с трудом. Раньше, когда я не задумывался о деньгах или картинах, все было для этого города проще. Он

выносил меня, когда я платил за все, не глядя на ценники и чеки, не следя за тем, как мои деньги тратят другие.

Мы с Жаном провели нечто вроде расследования: разобрались все-таки, что произошло с теми бесчисленными произведениями искусства, что украшали стены комнат, коридоры и лестницы в моем старом особняке. Подозрения, что в этом темном деле была замешана прислуга, оправдались, но на глупенькую Коринн, старика Филиппа и вечного молчуна Кристофа я еще мог махнуть рукой: они никогда не были мне особенно близки. Да, Филипп появился в особняке раньше, чем я родился, а Кристоф готовил еще для моих родителей. Но я не знал, чем они живут, никогда не интересовался их жизнью, как и они — моей. Для них это было самым собой разумеющимся: положение не позволяло расспрашивать лишнее о тех, кто платил им за работу. А вот я мог бы быть с ними полюбезнее. Но даже если бы я вел себя немного по-другому... Дело было во всем этом несметном богатстве, которое каждое утро маячило перед их глазами, — доступном, стоит лишь протянуть руку.

Но я не винил их, в отличие от основного предателя. Меня не поразило предательство прислуги — людей, в

общем-то, чужих. Куда большим разочарованием стало осознание того, кто за этим стоял: аферу с подменой картин придумала хохотушка Лилиан! Это она все организовала, посулив немалую долю прислуге.

Поначалу думал, что это какая-то чудовищная ошибка. Ведь я знал ее столько лет и всегда искренне подружески любил. Только к концу нашего знакомства я стал замечать прагматичность красавицы Лили в отношениях с окружающими людьми, особенно с мужчинами. Она словно питала к ним какую-то затаенную неприязнь. Как будто давным-давно во всех разочаровалась, не отыскав того, кто соответствовал бы ее идеалу, и теперь легко использовала любого, кто ей интересовался, будь то романтическое влечение или простая дружба. Возможно, за этим стояло большее. Я слышал от Эдит что-то о добряке-отце Лилиан, которого она чуть ли не боготворила, но тот умер, когда ей было четырнадцать, и с тех пор она о нем и слова не сказала. Эдит и сама не знала подробностей. Однажды она заглянула к подруге и, пока ждала ее в холле, случайно подслушала телефонный разговор тети Лилиан, с которой та жила. Саму подругу Эдит, конечно, не расспрашивала. Но в

отце было дело или нет, это никак не могло оправдывать Лилиан.

Я и раньше видел, с какой беззаботной улыбкой она жонглировала мужчинами и каким-то неведомым мне способом добивалась от них удивительных подарков: начиная от роскошных ужинов в дорогих ресторанах и заканчивая виллой где-то на острове у Лазурного Берега, которую она заполучила от одного из своих последних воздыхателей. Но теперь я осознал, с какой легкостью она забирала то, что ей хотелось на этот раз, и с каким отвращением и равнодушием отталкивала уже бесполезного мужчину. Но ведь мы-то с ней были друзьями...

Хм, «друзьями». Я никогда не делал ей особых подарков и разве что платил за всех, когда мы вместе обедали. Пару раз мы выбирались в путешествия вроде того, что я устроил после расставания с Таней, но этот кутеж совсем не равнялся по стоимости целому острову в теплом французском море. Однако Лилиан знала о моем богатстве: я никогда особенно не прятался, да еще и показал ей когда-то цифры, которые оставил оценщик предметов искусства. Сделал я это то ли в шутку, то ли на спор. Тогда я значения этой сценке не придал, но Лилиан, очевидно, что-

то задумала. Она знала, рядом с кем проводит столько времени, и подобралась ко мне умело, ловко — совсем не с той стороны, с какой я мог бы ожидать.

Она перепродала весь мой антиквариат, заказав какому-то голодающему художнику грошовые подделки, и теперь на ее счет перекечевала немаленькая сумма. А я не только лишился денег, но и окончательно потерял подругу. Дело было сработано так гладко, что мы с Жаном ничего не смогли доказать полиции. Никаких камер слежения в доме не стояло, прислуга хранила молчание, а сама Лилиан возмущенно округляла глаза. Было уже поздно.

Впрочем, судьба все же отомстила Лилиан за меня. Когда мы учились в Сорбонне, она не раз заговаривала о своей мечте: завести пса, которого она будет любить так, как никого из людей. Она и в самом деле купила собаку — гончую с такой роскошной золотистой шерстью, что любая красотка могла бы позавидовать. Лилиан души в ней не чаяла: собака спала в отдельной комнате, пила специальную очищенную воду и раз в неделю посещала собственного парикмахера. Но вскоре после того, как вскрылся обман с картинами, собака угодила под машину. Лилиан была

безутешна, а я лишь немного жалел животное, которое попало не в самые добрые руки.

Со Стилом, Эдит и Китом я больше не общался. Стил отказался помочь мне, хотя вполне мог, да и я ему не раз одалживал. А у Эдит своих средств было не так много. К тому же она рассталась с Китом с таким чудовищным скандалом, что еще долго приходила в себя, не думая ни о чем другом. Спокойная и рассудительная, Эдит не выносила подобных эмоциональных всплесков, а вот Кит — другое дело: для него единственным способом закончить отношения был скандал. Узнав, что они больше не вместе, я попытался успокоить Эдит и как-то ее подбодрить, но она отмахивалась от любого знака внимания. Вскоре после того я встретил ее в кафе с каким-то незнакомцем, и она хохотала так, как никогда раньше. Очевидно, предпочитала другой способ отвлечься, а я был совсем ни к чему. Я еще звонил Эдит пару раз после той случайной встречи, но она разговаривала со мной сухо и кратко, а потом просто перестала брать трубку.

Тогда от всех перемен мне было горько и больно, но теперь я только улыбался. Все, что когда-то повергло меня в шок и трепет, оказалось лучшим, что случилось в моей

жизни. Все должно было поменяться, и за это я был искренне благодарен.

Теперь я продавал свои картины, пусть совсем не по тем ценам, что когда-то хотел, но продавал. К тому же я чувствовал, что сейчас они более правильные, более... настоящие. Я перестал думать, как бы найти свой стиль и выписать верные линии, больше не читал о великих художниках и знаменитых течениях. Я просто рисовал, как указывало мне сердце, но уже совсем не так неумело, как свои первые картины. Все-таки уроки Ланса мне помогли: я поставил руку, а в остальном просто нужна была душа. И муза. Я не раз вспоминал Луису, мягко улыбаясь своей порывистой наивности, с которой когда-то ее встретил. Теперь я вел бы себя совсем не так, но разве судьба дает второй шанс? Все это глупости. Зато та призрачная Луиса, что поселилась музой внутри меня, по-настоящему помогала, и каждая новая картина выходила чуточку лучше, чем предыдущая.

Что до Ланса и Эстель, мы с Жаном выяснили немало интересного и про них. Ланс считался прославленным художником и провел не одну выставку, но весь его успех был купленным, выдутым из ничего. Эстель

платила за его выставки и хвалебные отзывы, а потом сводила с желторотыми юнцами, желающими научиться рисовать и восхищенными его успехами (и я был таким!). Они отстегивали ему немалые суммы, он возвращал Эстель процент, а потом они запускали новую выставку, чтобы поддержать мнимый успех. То же самое она сделала и со мной: оплатила не только мероприятие, но и все статьи, вышедшие в журналах и газетах, все отзывы и критические обзоры обо мне и моем творчестве. За мой счет, конечно. Вот только успех у меня получился такой же, как у Ланса: мыльный пузырь — да и все. Мои картины ничего не стоили. Ни техника, ни идея — ничего. Эти наброски были простейшими рисунками, на которые способен любой ученик средней школы, мало-мальски грамотный в живописи. Зато шумиху вокруг них Эстель подняла такую, что я ни минуты не сомневался в собственной гениальности, продолжая отстегивать Лансу новые и новые суммы.

Теперь я понимал, что Жан был прав, смотря на мои художественные попытки со сдержанным презрением. Спустя эти годы он извинился передо мной за заносчивость,

и не раз. Но я осознавал, что прощать тут нечего: раньше я действительно не писал ничего стоящего.

Теперь Жан приезжал ко мне нечасто, занятый своим любимым делом. Его дебютная коллекция, которую он задумал десять лет назад и над которой так упорно работал, имела большой успех. Тогда я уже уехал из Парижа, и Жан звонил мне чуть ли не каждый день, чтобы поделиться очередным хвалебным отзывом или новостью о предложенном контракте. Он витал в облаках от радости, что его труд оценили, а потом признался, что несколько идей он взял из моих первых абстрактных полотен.

— Я должен был сразу сказать тебе, — пробормотал он в телефонную трубку, и я представил, как смущенно он выглядит.

— Да ладно, — улыбнулся я. К тому времени Жан извинился уже восемь раз. — Как картины эти пятна никуда не годились, а вот узоры для платья вышли самые подходящие.

Я слышал, как Жан ухмыльнулся:

— Ты уж прости, что так вышло. Я все думал о твоих картинах, думал... — говорил он. — Эти рисунки у меня из головы не шли. Как-то само получилось...

— Значит, все-таки было в них что-то? — подшутил я.

— Нет, картины вышли ужасные, — Жан виновато усмехнулся.

Он не поменял своего мнения о моих первых попытках, но теперь меня это не задевало. Мнение поменял и я, и очень этому радовался. Только Жан смог открыть мне глаза, но прийти к осознанию пришлось все-таки самому.

Закончив рисунок, я посидел еще немного на каменном ограждении площадки, любуясь на закат, и отвлекся, только когда Жюли заскулила. Она терпеливо сидела у моих ног, но хвост ее так бешено подметал землю, что я невольно улыбнулся:

— Устала?

Жюли кратко твякнула, словно соглашалась.

— Ну, идем.

Она вскочила с места и бросилась вниз по тропинке.

— Жюли! — позвал я.

Она нехотя вернулась и с явной неприязнью покосилась на поводок в моих руках.

— Уж прости, — наклонил я голову. — Хочешь, сходим в бар к Алонсо?

Она завертела хвостом еще сильнее.

В этот бар я ходил часто, особенно когда приезжал Жан. Он стоял не на главной улице, и там было не так шумно, как в других заведениях, так что поговорить, не перекрикивая друг друга, можно было вдоволь. Ну, а Жюли особенно любила это место потому, что ей разрешали улечься под моим стулом, а не покорно ждать снаружи, заглядывая в распахнутую дверь.

— Самый лучший друг — собака, — говорил Алонсо, трепля Жюли по голове. — Может быть, налить ей немного виски?

В его речи, как и у Пьетро, тоже слышался легкий акцент, да и в убранстве помещения сквозило что-то испанское. Темное с красным и ярко-оранжевым — это

невольно рождало воспоминания о Луисе, но я упорно уговаривал себя, что хожу сюда не за образами из прошлого.

Я смеялся:

— Не стоит. Говорят, женский организм переносит алкоголь куда хуже, чем мужской.

— Нужно было пса заводить, — парировал Алонсо.

— Налей-ка лучше мне двойной, — отзывался я.

Я оставил мольберт и подсыхающую картину дома, а потом отправился в бар. К ночи прохладнее не стало, и я заказал в стакан побольше льда.

— Ну и весна, — покачал головой Алонсо. — Огонь!

Я с опасением отозвался:

— Что же будет летом?

— А у меня сразу двое уволились. Будто сговорились, — пожаловался Алонсо. — Скоро я здесь один останусь.

— Когда-то я работал в ресторане, — задумчиво и весело проговорил я.

— Не хочешь снова попробовать? — подмигнул Алонсо.

— Нет, спасибо, — я покачал головой. — Мне хватает.

— Чем занят? — поинтересовался он.

Было еще рано, и в баре собралось совсем немного посетителей, так что Алонсо был рад со мной поболтать.

— На меня тут воспоминания нахлынули, — с полуулыбкой признался я. — Сказки о прошлом в рисунках о настоящем.

Именно таким был и дом в долине: чужие стены невольно напоминали о том, что я давным-давно потерял.

— Любопытно, — кивнул Алонсо, хотя я мог поклясться, что он вряд ли что-то понял. Пожалуй, об искусстве лучше всего говорить с Жаном. — Любопытно, как и вон та красotka, что глаз с тебя не сводит.

Он незаметно кивнул на другую сторону барной стойки. Там сидела блондинка с такой белоснежной кожей, что сразу становилось ясно: она не из этих мест.

— Не хочешь ее угостить? — поинтересовался лукаво Алонсо. — Ей наверняка стоит показать достопримечательности...

— А разве у нас есть достопримечательности? — хохотнул я.

— Тогда, может быть, та? — он многозначительно посмотрел на кого-то за моей спиной.

Я осторожно обернулся. Из-за столика в глубине зала, окруженная болтающими подругами, на меня поглядывала другая девушка, — смуглая, с темными волосами и черными глазами — наверняка испанка. Я невольно вздрогнул, припомнив Луису, и засмотрелся.

— Годится? — улыбнулся Алонсо.

Я вздохнул. Она годилась, очень даже годилась, и походила на Луису безумно. Именно ее я невольно искал в тех девушках, что мне встречались.

— Так что? Закажешь ей коктейль? — напомнил о себе Алонсо.

— А тебе лишь бы денег выручить! — воскликнул я с притворным укором. — Уж сделай ей коктейль, ладно.

— Тебе нужно развлечься, — уже серьезнее кивнул мне Алонсо. — А то бродишь с собакой и картинами, как безумный.

— Я самый счастливый человек на земле! — возмутился я.

— Уверен?

Я отвернулся. Отчасти потому, что не хотел продолжать разговор, отчасти для того, чтобы снова взглянуть на девушку в глубине зала. Если прищуриться и представить на месте этого дурацкого строгого платья простой яркий свитер с джинсами...

— Готово! — Алонсо передал поднос подошедшему официанту. — Скажи, что от этого месье, — он кивнул на меня.

Я весело покачал головой. Девушка улыбнулась, принимая бокал у официанта, и чуть заметно кивнула мне. Я посидел немного, допивая свой виски, а потом на стул рядом пересела она.

— Хотела поблагодарить, — кивнула она на коктейль. — Мой любимый. И как вы угадали?

Она чуть наклонила голову, щурясь в улыбке. Черные глаза, темные волосы, и кожа в полумраке бара смуглая-смуглая... Если бы не это глупое жеманное платье!

— Многие любят «Маргариту», — я пожал плечами.

— Но я — особенно, — отозвалась девушка.

Она томно растягивала гласные в словах, и я неприятно поежился: Луиса со звуками так не играла.

— Может, хотите пройтись? — она откинула волосы изящным жестом и глянула на меня как-то особенно глубоко.

Я снова невольно содрогнулся. Моя муза так не кокетничала, но прогуляться и самому хотелось. Виски я уже допил, заказывать что-то еще не тянуло. Я оставил на стойке несколько монет и позвал:

— Жюли!

Брови девушки удивленно изогнулись.

— Жюли? — и тут же заметила пса, выскользнувшего из-под барной стойки. — У вас собака! — почти обрадованно добавила она. — Какая красавица!

Я с легкой улыбкой ждал, пока новая знакомая оставит в покое уши моей Жюли и прекратит осыпать ее нежностями.

— Какая же ты умница! — девушка потрепала ее по голове. — И давно она у вас?

Из голоса исчезло все кокетство.

— Пять лет, — ответил я. — Вернее собаки не найдешь.

— Представляю, — она все еще восхищенно оглядывала Жюли, а та счастливо виляла хвостом. — Меня, кстати, зовут Исабель.

— Леон, — представился я.

Мы вышли на улицу. Тут было заметно теплее, чем в баре с кондиционером, и Исабель стала изящно обмахиваться ладонью. Я вздохнул. Флиртовать с ней совсем не тянуло. В ней было много темных, почти черных, страстных красок, но если у Луисы они гармонично ложились рядом с непосредственными, яркими и солнечными, то Исабель прикладывала особое усилие, чтобы казаться томно-загадочной.

— Ну и жара, — пожаловалась она. — Даже для здешних мест... Не припоминаю такой весны, а ведь я прожила здесь всю жизнь.

— Как же вы оставили своих подруг? — тут же вспомнил я, обрадовавшись перемене темы. Обсуждать погоду мне порядком надоело. — Они вас отпустили?

Исабель махнула рукой:

— Мы собираемся каждую неделю. Ничего особенного.

— Уже успели все обсудить? — улыбнулся я.

Девушка кивнула.

— И о чем вы обычно говорите на таких встречах? — спросил я, не зная, о чем еще завести речь.

— Сплетничаем, — она пожала плечами. — Очень часто — о мужчинах.

Исабель особенно улыбнулась, посмотрев на меня. Я кисло отозвался тем же.

— Так чем вы занимаетесь, Леон? — поинтересовалась она.

Я уже придумывал, как бы аккуратно от нее ускользнуть, но поговорить о картинах я готов был всегда.

— Я художник, — ответил я и вздрогнул.

Впервые я назвал себя именно так. Никогда до этого не задумывался, кто я. Да, я писал картины, но ведь многие рисуют, и многие занимаются этим только в свободное время. Я же посвящал краскам и холсту целые дни напролет.

— Как интересно! — воскликнула Исабель. — И что же вы пишете?

— Сейчас я задумал небольшой цикл работ. Это пейзажи, — объяснил я. — Но немного необычные. В них будет спрятано чуть больше, чем просто изображение долины, леса или озер. Я пытаюсь вплести в них мои воспоминания...

— Как это? — не поняла Исабель.

— Красками. Цветами, оттенками, — ответил я. — Это сложно объяснить...

— Отчего же, — Исабель наклонила голову. — Вы просто изображаете те чувства, которые в вас пробудила природа.

— Не совсем, — нетерпеливо проговорил я. — Это воспоминания. Они не имеют почти ничего общего с пейзажем. Разве что одна деталь, которая и натолкнула меня на воспоминание.

— Все равно же — чувства, списанные с того, что вас окружает, — нахмурилась Исабель.

— Нет-нет, — я терялся оттого, что никак не мог объяснить, что задумал. — Я добавляю новых красок. Их на самом деле нет. Ну, вот, представьте этот фонтан, например,

— я указал на нимф, возвышавшихся на пересечении дорожек темного парка. — Какие бы вы выбрали цвета?

Исабель задумалась.

— Черный, коричневый, немного серого, — отозвалась она неуверенно.

— Так он выглядит на самом деле, — кивнул я. — А мне приходит в голову счастливое воспоминание, и я рисую его залитым золотым светом. Теперь понимаете?

— Фантазируете, — подытожила она весело, довольная тем, что наконец-то меня поняла.

— Нет... — бессильно ответил я.

Она ничего не поняла. Объяснять дальше смысла не было.

— Ну, а вы чем занимаетесь? — спросил я, только бы она не задала новый неуклюжий вопрос о картинах.

Она с увлечением заговорила о своей работе, но я уже не слушал. Я только отстраненно кивал и иногда поддакивал, а Жюли тянула поводок. Исабель была безумно похожа на Луису внешне. Но все остальное... Я отчаянно захотел тут же, прямо сейчас от нее избавиться.

— Ну, что же, время позднее, — заметил я, когда мы вышли из парка. — Жюли пора спать, да и мне тоже. И вам советую, — я улыбнулся как можно теплее.

— А как же ваши картины? — вспомнила Исабель.
— Покажете?

Я поморщился:

— В другой раз. Завтра мне рано вставать...

— Но вы же художник! — почти оскорбленно отозвалась Исабель.

Как же бездарно я пытаюсь от нее убежать. Или это она не понимает намеков?

— Да-да, — быстро ответил я. — Но мне еще столько всего нужно сделать... Спокойной ночи. Может быть, встретимся в баре в следующий раз.

— Мы встречаемся с подругами по средам, — тут же повеселела Исабель. — Запомните!

Я кивнул. Конечно, по средам. Сегодня же среда...

С огромным облегчением я поднялся к себе в квартиру. Я порядком устал от этой погони за призраком Луисы. Уже давно стоило понять, что я ее не найду. И не только ее саму — даже замены мне не отыскать. Все

девушки, которые хоть чуточку походили на Луису, казались мне дешевыми подделками. Мелодия будто бы та, но нет-нет да и скользнет палец на фальшивую ноту, заденет не ту клавишу, и как будто круги по воде расходятся — нет уже той самой чистой картинки.

А сколько денег мне предлагали за первый портрет Луисы, что я написал с натуры! Из моих новых картин, вдохновленных музой, эта сулила самую кругленькую сумму. Очевидно, было в ней что-то особенное, концентрированное, но такого я больше написать не смог. Я вспоминал Луису, ее наклон головы, ее голос, ее страсть и внутренний огонь, притушенный легкой непосредственностью, и по памяти выходило неплохо, но совсем не так, как с натуры. Вот если бы я встретил ее еще раз...

Я помотал головой, гоня наваждение.

Тот портрет я так и не продал: слишком уж много он для меня значил. Стоило на него взглянуть — и вдохновение захлестывало так, будто я видел Луису вживую. Что до картины... Вот умру, и наследники выручат за нее неплохие деньги. Хотя какие наследники...

Жюли скулила над миской, ожидая вечерней порции своего диетического корма.

— Сейчас-сейчас, — улыбнулся я.

В последнее время я слишком сильно ударился в воспоминания. Мне нравилось думать о прошлом как о складной истории, у которой есть завязка, развитие сюжета, кульминация, а где-то дальше, уже в будущем — развязка. Какая она, я не знал, да и есть ли? Слишком самонадеянно думать, что каждая жизнь — вот такой правильный сюжет, который можно вписать в стандартную, красивую схему.

Мои дни мало отличались друг от друга, и я даже не различал будни и выходные. Мне нравилось работать по настроению, а настроение писать картины у меня было всегда. Иногда, правда, погода хмурилась, и мне хотелось просто бродить с Жюли вдоль набережной, по узким улочкам старого города, по шоссе, уходящему в холмы. Но и тогда я работал: собирал вдохновение.

Я мог встретить мадам Брюни, поесть мороженого у Пьетро, сходить к Алонсо или остаться дома — все равно мои дни походили один на другой, как близнецы. Но

называть свое существование однообразным мне не хотелось, ведь одинаковым в каждом дне было то, что я называл своим любимым делом.

Вот и сегодняшнее утро мало отличалось от предыдущего. Я неторопливо позавтракал, собрал мольберт и отправился с Жюли за новым пейзажем. У Пьетро обсудил погоду и новую семью, которая поселилась выше по дороге.

— Четверо сыновей! Четверо! — довольно воскликнул Пьетро. — По три шарика на каждого. Еще ни дня не пропустили. Вот бы все так!

Я улыбнулся удаче Пьетро:

— Тебе бы стоило открыть кафе-мороженое. Ведь неплохо же получается!

— Что ты, — покачал головой Пьетро. — Откуда деньги? Слишком сложно. И здесь покупают.

Я усмехнулся. Вот уж чему научила меня жизнь, так это изобретательности. Что я только не попытался продать восемь лет назад, только бы снова разбогатеть! Но Пьетро, очевидно, нужно другое: ему и в этом парке нравится продавать мороженое. А что же я сам?

Тряхнув головой, чтобы отогнать пустые философствования, я двинулся дальше.

Я снова угостил Жюли мороженым, и она довольно облизывалась; про завет мадам Брюни я позабыл.

— Вот все вы так, — слышалось позади, и я обернулся.

Мадам Брюни грозила мне пальцем.

— Ваш пес еще толще, чем вчера! — она хмурилась.

Я виновато усмехнулся:

— От вас, мадам Брюни, ничего не укроется!

— Пообещайте, что заставите его хорошенько побегать. Мне нравится этот пес, хочу видеть его и дальше.

— С ней все будет хорошо, — рассмеялся я. — Она и так много двигается.

— Знаю-знаю, ходите с ней в холмы, — тут же сказала мадам Брюни. — А вы видели развалины старой крепости к востоку? Отличный пейзаж получился бы.

Я заинтересованно посмотрел в сторону холмов.

— Они видны, если подняться по второй дороге, — объяснила она. — Вы уж нарисуйте, очень красиво.

Я задумчиво поблагодарил старушку и отправился искать вид на развалины. Иногда мадам Брюни бывала удивительно полезной: пейзаж и вправду открылся чудесный: замок стоял в долине, к подножию с холмов серпантинном спускалась дорога, а прямо перед ним, расчерчивая зелень на ровные полосы, тянулся виноградник. Я устроился с мольбертом в перелеске, жалея, что никак не могу подобраться ближе. Но там, где часть пейзажа загораживали деревья, отлично справлялась фантазия. Здесь я не вспоминал о прошлом, а просто рисовал и совсем не хотел думать о своем большом замысле.

К вечеру я вернулся, напевая под нос, оставил картину сохнуть и с чувством завершенности пошел бродить по городу. Я даже подумал, что стоило бы подарить рисунок мадам Брюни, но потом мне пришло в голову, что развалины замка удивительно подходят для моего цикла. Лучше символа для моего прошлого и не найдешь... Я усмехнулся, качая головой. Отчасти Алонсо прав: только о картинах и думаю. О картинах и о Жюли.

Я закончил раньше, чем обычно, и еще не стемнело. Для коктейля рановато, но я вполне мог выпить у Алонсо

кофе. Подходя к его бару, я все думал, какой лучше заказать: простой эспрессо, сладкий латте или горьковатый шоколад, но войдя внутрь, растерял все свои мысли.

За стойкой стояла Луиса.

В первое мгновение я подумал, что мне показалось. Ведь я только вчера о ней думал, встретив Исабель. Потом мне было подумалось, что это сама Исабель. Зачем дожидаться следующей среды, когда можно найти меня у Алонсо уже в этот четверг? потом я моргнул — нет, это была не очередная заманчивая подделка! Это была Луиса!

Волна воспоминаний нахлынула на меня. Я снова срисовывал линии ее носа и скул, снова укладывал аккуратные мазки у ворота ее свитера, снова прописывал пряди ее волос. Она насмешливо смотрела на меня с холста, выглядывала из-за деревьев на берегу реки, куда я впервые отправился за вдохновением от природы, стояла за моей спиной, когда я уже здесь, в этом городке, рисовал первый пейзаж для нового цикла. Она всегда незримо оставалась со мной — такая, какой я ее запомнил или хотел запомнить. Я понимал, что вполне могу ошибаться, что я мог вовсе и не знать ее настоящую, ведь мы были едва знакомы. Но она так

идеально подошла на роль музы, которой мне не хватало, что я просто не мог ее отпустить. Сама того не ведая, она вела меня, указывая верный путь. Именно она выгнала меня из пыльного Парижа и привела в этот крошечный, забытый всеми городок на границе Испании, к которому шла единственная узенькая дорога в холмах. Именно она заставила меня забыть о богатстве и убедила бросить попытки его вернуть. Именно она дала мне вдохновение создавать то, что выходило похожим на настоящее искусство.

Именно Луиса — такая странная, внезапная знакомая из далекого прошлого, которую я случайно увидел на автобусной остановке под дождем. Луиса, которая не беспокоилась о том, как уложены ее волосы или во что она одета. Луиса, которая жила удивительной жизнью перелетной птички, свободная и счастливая.

И теперь я ее нашел.

Я подошел к стойке, скованный нерешительностью. Я не знал, как себя вести, и не представлял, вспомнит ли меня Луиса. Мне даже хотелось, чтобы она не вспомнила: так я мог бы познакомиться с ней заново. За эти годы я

сильно изменился, и ни к чему ей было напоминать о старом Леоне, которого она предпочла поскорее оставить.

Она не смотрела в мою сторону, и я тихо встал за высоким мужчиной в шляпе, для которого она готовила кофе. Тот с нетерпением барабанил пальцами по столешнице, а Луиса то и дело поглядывала на него с улыбкой. Может, хотела успокоить, а может, посмеивалась над его спешкой. Жюли устроилась под барным табуретом рядом и постукивала меня по ноге кончиком хвоста, словно подзадоривала: вот же он, твой момент истины!

Я недоумевал, что Луиса здесь делает, и искал глазами Алонсо. Уж он-то должен мне все объяснить. Наконец я нашел его в глубине зала, но мужчина в шляпе уже схватил свой кофе и скользнул прочь. Подошла моя очередь.

— Что желаете? — поинтересовалась Луиса.

Она глянула на меня с пустой, вежливой улыбкой, которой обычно одаривают незнакомцев. Она меня не узнавала, я понял это сразу.

— Горячий шоколад, пожалуйста, — попросил я и стал следить, как она работает.

Движения у нее были быстрыми, слаженными. Она готовила шоколад не в первый раз и, очевидно, работала бариста и раньше.

— Рано ты сегодня, — Алонсо хлопнул меня по плечу, подойдя сзади.

Я невольно вздрогнул и улыбнулся.

— У меня пополнение, — словно гордый родитель, произнес Алонсо. — Не думал, что найду бариста так быстро. Не могу нарадоваться.

Я кивнул, забирая свой шоколад:

— Да, тебе повезло.

На самом деле это я ощущал себя ребенком, который в рождественское утро готовится открыть долгожданный подарок. Я не мог отвести глаз от Луисы, и Алонсо подмигнул мне, тихо поинтересовавшись:

— Кажется, ты нашел ту, что искал?

Я взглянул на него с широкой улыбкой:

— Да.

Алонсо довольно хохотнул. Он не знал, насколько прав, а я никогда не рассказывал ему о Луисе, да и теперь не

собирался. Я просто тихо наблюдал за ней, устроившись за стойкой и попивая свой шоколад.

— Ну, тогда не буду тебе мешать, — сказал Алонсо.
— Только не думай, что пьешь в такой день за счет заведения, — он снова весело похлопал меня по плечу.

— А я и не думаю, — усмехнулся я. — От тебя другого и ждать нечего.

— Вот и правильно, — довольно подытожил Алонсо и удалился на кухню.

Я остался с Луисой. В зале уже заняли несколько столиков, но за стойкой больше никого не было.

— Вы здесь первый день? — поинтересовался я.

Она протирала кофе-машину, но оглянулась на меня с легкой улыбкой.

— Да, первый. Заглянула днем и сразу устроилась. Думаю осесть в этом городке на пару месяцев.

— Так вы не отсюда? — я решил не подавать вида, что знаю ее.

— Нет, я из Мадрида, — ответила она без тени усмешки.

Все-таки она меня не помнила.

— А вы? — спросила она тут же.

— Я живу здесь уже восемь лет, — отозвался я.

— Тогда, наверное, знаете здесь всех?

— Многих — пожалуй. Но не всех.

— Мне всегда казалось, что в маленьких городках успеваешь познакомиться с каждым, — заметила Луиса. — Я сама ни в одном месте подолгу не оставалась.

Я чуть притворно изумился и спросил:

— Так чем же вы занимаетесь?

— В основном подрабатываю, — она указала на ряды чашек для эспрессо, которые теснились у кофе-машины. — То здесь, то там. То в кафе, то вот в таком баре. Это удобно.

— Почему?

— Не люблю задерживаться. К тому же владельцы не против живой музыки. Это привлекает посетителей, — она пожала плечами.

— Так вы поете?

— По выходным.

— Но для настоящего голоса не слишком ли мелко выступать в кафе?

— Что вы, — она рассмеялась. — Настоящий... Обычный голос. Мне просто нравится петь, и у меня неплохо получается. Вот я и пою, когда могу. Но делать из этого что-то большее... — она, поморщившись, помотала головой. — К тому же мне нравится свобода.

Я улыбнулся. Пожалуй, Луиса несколько не изменилась.

— Я обязательно приду сюда в субботу, — пообещал я. — Я должен услышать этот ваш «обычный голос».

Она наклонила голову и стала протирать одну из чашек.

— Но суббота не так уж и скоро, — заметил я. — Во сколько вы заканчиваете?

Она оставила чашку, взяла новую (и без того чистую) и улыбнулась:

— Через час.

— Тогда я вас подожду, не возражаете? Покажу вам город. Вечером, конечно, совсем не то, что днем... На освещение тут особенно не тратятся. Но пару мест вы просто обязаны увидеть уже сегодня, — проговорил я быстро.

Я немного нервничал. Я-то изменился, но вот заинтересуется ли Луиса новым мной? Увидит в нем что-то любопытное? И что, если ответит отказом?

— Что же это за места? — спросила она, взглянув на меня в упор.

В прошлый раз я предложил ей лучшую кондитерскую в Париже. На этот раз я не собирался потратить на наше свидание ни цента.

— Вы видели реку? Ночью с моста потрясающий вид. А еще — миндальные деревья. У набережной есть один сад, и вы просто обязаны его увидеть. Деревья только-только зацвели.

— Миндальные деревья? — она отодвинула чашки для эспрессо и оперлась о стойку, с трудом сдерживая смех.
— Вы предлагаете мне смотреть на деревья?

— На деревья *в цвету*, — попробовал оправдаться я, не очень понимая ее веселость. — Это удивительно красиво...

— Я думала, вы говорите о памятниках или домах, — хихикнула она.

— Ну, если вам интересны памятники, я поведу вас в парк. Но сейчас так темно, что толку будет мало. Хотя мне кажется, что и днем его не больше.

— Такие уродливые?

— И скучные, — кивнул я. — В этом городе нужно или смотреть на миндальные деревья, или любоваться на реку, или забираться в холмы и рисовать долину. Вот и все, что тут можно делать.

— Вы, я так понимаю, следуете этому списку каждый день? — Луиса смотрела на меня с любопытством.

— Я давно уже не наблюдал за рекой...

— ...а миндальные деревья зацвели недавно, так что посмотреть на них вы еще не успели, — продолжила она за меня.

— ...а вот рисую долину я каждый день, это правда, — закончил я.

Я говорил со всей серьезностью, на которую был способен. Луиса смеялась. Я ей понравился — это было заметно. Она заинтересованно оглядывала меня, а я допивал остатки шоколада, старательно делая самые крошечные

глотки. В конце концов, нужно было чем-то себя занять, иначе бы и я расплылся в глупой улыбке.

— Так вы художник? — спросила она.

— Да, — я кивнул.

Теперь я был в этом уверен на тысячу процентов.

— И мне очень нужно подпитать свою музу видом чудесных цветов, — добавил я с той же обстоятельной серьезностью.

— Придется вам помочь, — согласилась она. — И давайте я сделаю вам еще одну чашку, — она кивнула на мой шоколад. — Вы уже полчаса пытаетесь допить один глоток.

Я не выдержал и рассмеялся. Она тоже.

Мы смеялись всю дорогу до реки и замолчали, только когда выбрались на самую середину моста и засмотрелись на огни, плывущие в черных волнах. Фонари уходили изогнутой линией вдаль по набережной, отражались в воде, и казалось, что внизу — другой, перевернутый мир. Река шумела, перекатываясь на порогах под мостом, а дальше поверхность выравнивалась, лениво стекаясь треугольником в ровное зеркало. У самой

набережной, над отражением фонарей, в воде разливались яркие пятна светящихся окон, а впереди — там, где кончался город, — река уходила в бархатную тьму леса.

Я внезапно вспомнил, что мы так и не представились, но нарушать молчание не стал. Не хотелось давать Луисе подсказку, а называться чужим именем было бы совсем уж глупо. Мы просто стояли и смотрели, как поблескивают огни, слушали шум бурлящей на камнях воды, и молчали.

— Так что же вы рисуете? — спросила она.

— Воспоминания, — просто ответил я.

Почему-то с Луисой мне удалось объясниться куда проще, чем с Исабель. С той я будто не знал, откуда начать, а здесь и начинать было не нужно: я просто знал, что Луиса и так все поймет.

— Воспоминания в пейзажах? — тут же подтвердила мою догадку она.

Я кивнул.

— А эта муза... — вспомнила Луиса. — Кто она?

— Однажды я встретился с одной девушкой, — объяснил я. — Совершенно случайно. Мы даже толком не познакомились, но я хорошо ее запомнил.

— Почему же она стала музой? — спросила задумчиво Луиса.

— Не знаю, — просто ответил я. — Она не становилась. Она всегда *была*. А я просто ее встретил.

— У каждого художника своя муза, — покачала она головой.

— Наверное, — я улыбнулся. — Но бывают такие женщины, которые вдохновляют одним своим взглядом.

— Может, дело не во взгляде? — подумав, спросила она. — А в том, что чувствуешь от этого взгляда?

— Да, пожалуй, — согласился я. — Скорее всего, так.

Луиса повернулась ко мне и широко улыбнулась:

— Вы обещали показать миндальные деревья. Важная достопримечательность. Будет обидно, если мы не успеем ее сегодня охватить.

Мы перешли мост, и я повел ее чуть дальше, к старому белому дому, ярким пятном светившемуся во тьме.

За углом нам навстречу выглянул фонарь, а прямо под ним из полумрака вынырнула ветка, усыпанная белоснежными цветками.

— Вот они, — я вывел Луису вперед.

Сад словно засыпало снегом. Круглые, почти лишенные листьев деревья казались укрытыми белыми шапками, но стоило подойти чуть ближе, и иллюзия рассеивалась. В центре каждого цветка по прожилкам разливались капли розовой краски, и чудилось, будто это какой-то шутник поработал кисточкой. В воздухе витал изумительный, сводящий с ума аромат, который душистая ночь усиливала стократ.

— Как красиво, — восхищенно прошептала Луиса.

Деревья были и вправду великолепны. Владельцы старого дома высадили эту рощицу, не оставив места ни для яблонь, ни для вишен, ни для других садовых любимиц. Здесь росли только миндальные деревья, походившие сейчас на облака белого газа. В полумраке зрелище казалось почти загадочным: белоснежные цветы медленно растворялись во тьме, когда глаз пытался различить ветви все дальше и дальше в глубине сада.

Луиса зачарованно смотрела на деревья-призраки, а потом, взглянув на часы, спохватилась:

— Как поздно!

— Я провожу вас, — предложил я.

Мы вернулись по мосту в город. К этому часу улицы совсем опустели, а мы шли, беззаботно болтая о каких-то мелочах, и эхо наших голосов громко отдавалось в стенах узких улочек. Мы смеялись так беспечно и весело, будто не тридцатилетние взрослые люди, а еще совсем юные подростки, у которых нет никаких забот. Я украдкой любовался Луисой, ее улыбкой, с упоением слушал ее смех и разглядывал тонкие пальцы, когда она оживленно и быстро жестикулировала, иллюстрируя забавную историю. В этот раз она не забрала волосы в пучок на затылке, а оставила распущенными. Так ее лицо выглядело женственнее и вместе с тем моложе, хотя, даже вглядываясь в уголки ее глаз, я не различил ни одной морщинки, которой мог бы наградить возраст. Казалось, время ничуть ее не тронуло, только сделало чуточку другой: добавило темных, глубоких красок вместо светлых, полупрозрачных тонов юности. Одея она была тоже чуть по-другому: в темно-

изумрудную кофточку по фигуре. Джинсы она, правда, так ни на что не променяла, но вот кофточка добавляла ее облику изящества. Украшений она, как и тогда, не надевала. Ни бус, ни колец, ни сережек. Следов макияжа на ее лице тоже не было: ни капельки туши, ни помады. Ее дом оказался на другом конце городка, и у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть ее до последней детали.

Я ощущал нечто странное: не верил, что снова встретил Луису, но при этом был так спокоен и счастлив, словно все это время знал, что когда-нибудь обязательно ее увижу. Мне казалось, что стоит закрыть глаза — и она исчезнет, но вместе с тем внутри разливалось уверенное, довольное тепло, которое чувствуешь, когда получаешь давно ожидаемый приз.

Я и сам изумлялся, как легко с ней говорить. Припоминал события тех полутора суток, что провел с ней в Париже много лет назад, и все больше уверялся, что там с ней гулял вовсе не я. Я придумывал, о чем бы поговорить, и все время терзался мыслью, что она может рассказать мне куда больше, чем я сам. Мне все хотелось ее впечатлить, зацепить, поймать, и от этого лихорадочного желания она ускользала еще быстрее, еще проворнее. Теперь же она не

ускользала. Напротив, как будто сама хотела подобраться ко мне еще ближе. Она все спрашивала обо мне, о моих знакомых, о картинах, о Жюли, о которой я почти позабыл. Все это время верная собака трусила за нами без единого звука, а я даже не брал ее на поводок. Она не бросалась гоняться за тенями или пятнами света, которые ползли по мостовой, а просто тихо следовала за нами и слушала, о чем мы говорим. В какой-то момент я даже ощутил укор совести оттого, что из-за встречи с Луисой совсем потерял голову и не обращал внимания на любимую собаку. Ведь верно говорил Алонсо: все, что у меня теперь есть, — это картины и Жюли. Но смех Луисы сгладил все тревоги. Ведь я так долго ее ждал... Кажется, я и вправду готов был забыть ради нее обо всем на свете. Хотя картины...

Вдохновение горячей волной затопило меня, и я задохнулся от восторга. Я должен нарисовать ее снова! Сейчас, пока образ еще такой свежий, а впечатления — такие новые.

Мы распрощались у ее двери, по-дружески обнялись, и я поспешил домой. Луиса, кажется, проводила меня с легким удивлением. Когда я обернулся, чтобы взглянуть,

поднялась она к себе или нет, она все еще смотрела мне вслед с непонятной улыбкой.

Я принялся за работу сразу же. Полночи писал, словно боялся потерять мою новую, настоящую Луису, и только к утру отложил кисти, чтобы хоть немного поспать.

Над этой картиной я работал почти две недели. Луисе не звонил, хотя она оставила мне свой номер. Я боялся, что очередное свидание испортит новое впечатление, нарушит хрупкое равновесие внезапно возникшего замысла.

Я хотел написать второй портрет, сделал его как бы отражением того первого, что я рисовал с натуры восемь лет назад. Я специально не смотрел на него, отставив подальше, и вспоминал только новую Луису, пусть внешне она отличалась от старой лишь несколькими деталями. Но даже так я понимал, что портрет получится совсем другим, и в этом был весь смысл. Поставив рядом две картины, разделенные годами, я хотел поймать ту неуловимую разницу, которая поселилась в образе Луисы за эти годы.

Но закончив портрет и установив оба рисунка рядом, я понял, что изменилась вовсе не она.

Изменился я. А вместе с тем и все, что я умел и знал.

Я позвонил Луисе и долго слушал гудки. Она подняла трубку как будто бы с удивлением.

— Кажется, вы заработались, — с некой досадой отметила она, когда я поздоровался и извинился, что все это время не звонил.

— Мне нужно было воплотить кое-какой замысел, — объяснил я.

— Что же это? — поинтересовалась она.

— Вы же останетесь в городе до конца месяца? — спросил я, ощутив укол страха: что, если она опять убежит?

— Думаю, да, — помолчав, сказала Луиса. — Мне нравится работать у Алонсо. И выступать у него мне тоже нравится. Вы, кстати, так и не пришли в субботу.

Я со стыдом выдохнул. Ведь я обещал! И я так хотел ее слышать!

— Может, нам стоит увидеться раньше вашего следующего выступления? — предложил я тут же.

— Может быть, — неопределенно отозвалась Луиса.

— Сегодня обещают дождь, — почему-то заметил я.

— Да, обещают.

— Вы заканчиваете как обычно?

— Да.

Я чувствовал себя полным идиотом. В ее голосе ясно звучал холодок. Я вел себя как забывчивый юнец.

— Отлично. Я обязательно расскажу вам о том, над чем работал. И чуть позже покажу, — снова заговорил я.

— Покажете? — она заинтересовалась.

Наверняка догадалась, что речь идет о живописи.

— Да, но мне понадобится некоторое время, — объяснил я.

Я написал последнюю картину из того цикла, который хотел выставить, и теперь нужно было договориться со знакомым из местной галереи, чтобы арендовать один из залов. Конечно, следовало подготовить хотя бы небольшую рекламу — напечатать пару листовок и оставить их в баре у Алонсо. А еще рассказать всем, кого знаю, что готовлю выставку, пригласить на открытие и купить пару ящиков шампанского. Все куда проще, чем то великолепие, которое создавала для меня когда-то Эстель, но зато это — настоящее.

Стоило нам распрощаться с Луисой, как в дверь позвонили.

Я двинулся в коридор в недоумении, а отперев замок, ощутил куда большее удивление.

— Жан? — глупо спросил я.

— Конечно, Жан! — друг с порога крепко обнял меня и шагнул внутрь. — Я привез такие потрясающие новости, что говорить о них по телефону было бы просто неприлично.

Я тряхнул головой и расплылся в улыбке. Ну и сюрприз!

Жан плюхнулся на диван и стал с упоением рассказывать о своей последней коллекции.

— И теперь я собираюсь отправиться с ней по всему миру! — наконец выдал он.

— По всему миру? — переспросил я.

— В Непал и на Шри-Ланку я пока не поеду, — подшутил Жан. — Но в Нью-Йорк, Лондон и Токио — непременно. Мне очень повезло со знакомствами, и кое-кого мои работы привели в восторг.

Он и сам светился от предвкушения.

— Повезло, — усмехнулся я. — Вот так приходит слава.

— И мы просто обязаны это отметить! Только не коктейли у Алонсо, умоляю, — он протянул ладонь, скривившись. — Мы закатим шикарнейший ужин. В твоей деревушке есть достойные рестораны?

Жан говорил и говорил, описывая новые платья и своих моделей, потом, задыхаясь, рассказывал, как ему предложили этот новый контракт и в какие города он поедет. Он потирал руки, мечтая поскорее показать всему миру свои работы, и не давал мне вставить ни слова. Пожалуй, именно такой и была мечта всей жизни Жана — устроить грандиозное турне, доказав всем, что он не просто очередной модельер, а умеет нечто большее. Хотя в чем я не сомневался, так это в способностях Жана. И у него случались тяжелые дни, когда эскизы выходили из рук вон плохо, модели капризничали, а юбки внезапно расходились по швам. Но что в нем жило неизменно, так это та самая муза, которую я так долго искал. Уж не знаю, кем она была или чем, но огонь в Жане горел всегда.

За разговорами и ужином я совсем забыл о договоренности с Луисой. Отчасти я так и не понял, согласилась она встретиться или нет, но зайти за ней я собирался в любом случае. Только вот Жан нагрязнул слишком внезапно, и я с трудом понимал, что происходит. Он говорил столько, что я никак не мог поделиться с ним собственной прекрасной новостью. Потеряв счет времени, я понял, что безнадежно опоздал, уже только когда давным-давно стемнело.

Глава седьмая

Я снова почувствовал себя круглым дураком. Забыть о том, чего я так ждал! Пропустить то, о чем и мечтать не смел! Что, если она уже упаковывает свой рюкзак, чтобы отправиться на ближайшем поезде куда-нибудь в Испанию? Что, если моя муза возьмет и вот так ускользнет из-за глупого стечения обстоятельств?

Я бросил вилку и, скомкав салфетку, выскочил из-за стола.

— Прости, Жан, но у меня есть дело, — на ходу бросил я.

Тот удивленно на меня уставился:

— Но мы же празднуем...

— Я забыл тебе сказать, — объявил я, останавливая посреди прохода между столиками. — Я нашел Луису!

Я торжествующе смотрел на Жана, пока тот с изумлением осознал мною сказанное.

— Луису? Ту самую Луису? — наконец, спросил он.

— Да, и сегодня у нас должно быть свидание, — добавил я, уже разворачиваясь. — Свидание, на которое я опоздал. А с тобой мы закончим завтра, обещаю. Ключи от квартиры возьми у консьержки! — последнее я уже кричал из дверей.

Жан помахал мне с укоризной, но я заметил, что он улыбается. Уж он-то понял.

Я выскочил на улицу, и шум ливня меня оглушил. Все эти дни стояла такая безоблачная жара, что я и не подумал прихватить зонт, но заглянуть домой времени не было. Я посмотрел на часы: Луиса закончила смену ровно три часа назад. Она уже наверняка сложила свой форменный передник и значок с именем, взяла сумочку и ушла к себе домой прежде, чем упала первая капля. Сколько идет этот дождь? Час? Два? Кажется, он начался совсем

недавно. Так сильно может идти только короткий дождь, который спешит за раз вылить все, что накопилось в облаках за долгое время засухи. Вдалеке, над холмами, синевато полыхнула молния, и я невольно втянул голову в плечи. Настоящая весенняя гроза — сильная, мощная.

Я промок насквозь, пока добежал до угла, за которым стоял бар Алонсо, заглянул внутрь, но никого знакомого за стойкой не заметил. Я уже хотел было зайти внутрь и обсушиться, пережидая ливень, но увидел какой-то силуэт у лавки через дорогу и встал как вкопанный.

Это была Луиса. Ее фигура была подсвечена огнями в витрине, оставленными на ночь для редких любопытных прохожих. За стеклом на подушечках из лилового бархата были разложены самые разнообразные часы: маленькие наручные, коробочки-часы для каминной полки, настенные большие с блестящими стрелками. А в углу почти до самого потолка возвышались длинные, худые напольные часы с боем. Поднявшись на цыпочки, Луиса рассматривала циферблат. Потом она обернулась, приглушенный свет из лавки отблесками пробежался по ее лицу, и в плеске дождя я слышал отдаленные звуки ее голоса. Она пела.

Луиса не видела меня, и я, незамеченный, наблюдал, как она выглядывает из-под козырька, выставляя руку под струи ливня, жмурится и наслаждается каждым мгновением, промокая до нитки. Ее кроссовки потемнели от воды, джинсы были забрызганы, а волосы она убрала назад, мокрые насквозь. Для дежа-вю не хватало только огромного рюкзака за спиной да цветной шапочки на голове, и тогда я мог бы сказать, что история повторяется. Она снова чего-то ждала под дождем, а мимо проходил я. Но на этот раз она ждала именно меня. Если, конечно, все это не совпадение и она вовсе не стояла под козырьком соседней лавки, пережидая ливень после работы.

Я шагнул вперед. Луиса заметила меня и заулыбалась, оборвав песню, которую мурлыкала.

— Нет-нет, стойте! — выкрикнул я. — Продолжайте, пожалуйста.

— Что именно? — спросила она весело.

— Эта песня. Что-то знакомое, — сказал я, подходя к ней и тоже прячась под козырьком. — Я опоздал. Мы ведь договаривались о встрече.

— О встрече? Ах, да, — Луиса нахмурилась и тут же просияла, вспомнив. — Может, и договаривались. Мы точно не решили.

— Разве? — я удивился.

— Вы спросили, когда я заканчиваю, но ничего не добавили, — она сощурилась. Глаза ее смеялись.

— То есть я вовсе не опоздал и совсем перед вами не виноват? — я почти готов был рассмеяться.

— Нисколько. Я немного задержалась, но потом все же решила вас здесь подождать. Может быть, придете. Оказалась права, — Луиса смотрела на меня хитро, весело.

— Насколько же вы задержались? — все еще обеспокоенно спросил я.

— На десять минут, — ее губы дрожали, растягиваясь в улыбке.

Все это время она провела здесь, стоя под дождем, и при этом нисколько на меня не дулась. А может, она насмехается надо мной?

— Та песня, которую я напевала, — напомнила она. — Это французская колыбельная. У нее размер совсем как у этого дождя.

Я все еще чувствовал себя виноватым дураком, но Луиса снова принялась мурлыкать смутно знакомую мелодию, и я бросил попытки распознать, смеется она надо мной или вправду такая сумасшедшая.

— Помните? — она наклонила голову и, приоткрыв губы, запела по-настоящему.

Слова были старые, из самого детства, но я невольно испугался вовсе не воспоминания о том, как пела мне Соня. Голос у Луисы был такой чистый, такой прекрасный, что я мог только замереть и слушать. Она смотрела на струи дождя и пела словно бы под настоящий аккомпанемент. И шум воды вплетался в ее голос так, словно был для этого предназначен. Никакое пианино со своими вытянутыми, форменными звуками не смогло бы соткать лучший фон для ее пения. А я просто стоял, распрямившись и боясь пошевелиться, и слушал, как просто, без стеснения или жеманства она ведет мелодию, перебираясь от нижних октав к верхним, а потом снова падая вниз, чтобы затем подняться наверх — так, будто это качалась колыбель.

Луиса замолчала, а я еще долго не решался сказать ей хоть слово. Она развернулась и спросила:

— Узнали?

Я просто кивнул.

— Мне ее мама пела, — призналась Луиса. — Когда мы жили во Франции. Я знаю еще венгерскую колыбельную и польскую, но могу напеть только без слов. С этими языками у меня пока еще не сложилось, — она усмехнулась. — Ну, что, перекусим на ночь? — и указала в сторону кондитерской, все еще светившей огнями в полумраке ночной улицы.

Я смотрел, как она выжимает волосы и отряхивается.

— Заодно и немного обсушимся, — она пожала плечами. — Так идем?

Я кивнул. Мы перебежали под утихающим ливнем к уже пустой витрине, отворили дверь и шагнули в теплую, сухую, залитую желтым светом комнатку.

— Закрываемся через пятнадцать минут, — объявила женщина из-за прилавка.

— Нам хватит, — пожала плечами Луиса. — Что вы будете? — она обернулась ко мне.

Мы заказали по круассану с кофе и уселись у черного окна, за которым все еще лилась вода. Кондитерская была крошечной, круассан уже основательно зачерствел, а кофе я заваривал лучше даже в своей неприиспособленной для

готовки кухне. Но тут было так уютно и сухо, а напротив сидела такая счастливая Луиса, что и я чувствовал себя на седьмом небе.

— Ну и гадость, — фыркнула она в чашку, рассмеявшись, а потом с трудом вернула серьезное выражение: хозяйка заведения строго смотрела на нас из-за витрины.

— А мне нравится, — я пожал плечами.

В этом и вправду что-то было. Неважно, какими на вкус были выпечка и кофе. Здесь происходило что-то совсем другое, что-то очень важное.

— Я тебя узнала, — сделав еще один глоток, выдала Луиса.

Я вздрогнул и испуганно на нее уставился. Что она сделает, когда мы выйдем из-за стола? Развернется и опять исчезнет? Она не улыбалась.

— Узнала? — переспросил я, ощущая себя разоблаченным преступником.

— Не сразу, — призналась она. — Тебя ведь зовут Леон, да?

Я кивнул.

— Мы встретились в Париже, я помню. Ты вот так же подобрал меня под дождем. А на следующий день отвел меня в самую отвратительную кондитерскую из всех, в которых я когда-либо бывала, — она хмыкнула и тут же улыбнулась: — А теперь я тебе отомстила.

Она показала на поднос с нашими чашками.

— Я тогда подумала, что ты несносный хвостун, глупый наследничек, — она подняла руку, когда я попытался вставить хоть слово. — Но ты изменился. Потому-то я узнала тебя не сразу. Ты рассказывал о себе совсем другое.

— Ну, ведь прошло столько лет, — я хотел оправдаться.

— Не так, — Луиса помотала головой. — Не другое. Ты рассказывал о себе *по-другому*. А эти миндальные деревья? — она смотрела на меня, чуть наклонив голову.

— А что миндальные деревья? — спросил я.

— Ты потащил девушку смотреть на *деревья*, — наконец рассмеялась она. — Ты совсем с ума сошел в этой своей деревушке?

Я скорчил какое-то обиженное лицо, которое выглядело, подозреваю, как лицо влюбленного идиота.

— Но знаешь, ничего прекраснее я давно уже не видела.

— Ну, а я не слышал ничего прекраснее твоего голоса. Никакой он не обыкновенный.

Луиса махнула рукой:

— Это неважно.

Я хотел было возмутиться, но она перебила меня:

— Я все думала, что лицо у тебя какое-то знакомое, и пыталась понять, где могла тебя видеть. А потом ты заговорил о картинах, и у тебя глаза по-особенному загорелись. Как тогда, в Париже. Когда ты меня рисовал.

Я усмехнулся:

— Ты помнишь?

Она кивнула:

— Поэтому и вспомнила.

В глубине комнатки сухо кашлянули. Я обернулся. Наши пятнадцать минут вышли, пора было уходить.

Дождь прошел, но воздух висел влажной взвесью. Жара наконец спала, и я с наслаждением вдыхал прохладу полной грудью. Назавтра солнце снова возьмется за свое, но сейчас настало время короткого избавления, когда и дышалось, и думалось легче легкого. А может, в этом был

виноват не дождь, а одна только Луиса, которая беззаботно шагала рядом. Я все посматривал на нее украдкой и улыбался.

Одежда на нас промокла насквозь, и даже пятнадцать минут в кондитерской не особенно ее подсушили, но мне было все равно. Мне не хотелось возвращаться домой так быстро, не хотелось расставаться с Луисой. Ведь я опоздал, и наше свидание только начиналось. Но она поежилась, обняв себя руками, и по-собачьи тряхнула мокрыми волосами.

— Хорошо бы переодеться, — заметила она. — Наверное, я все же пойду.

Я ощутил себя маленьким ребенком, которого уведут с детской площадки.

— До твоего дома далековато. Хочешь заглянуть ко мне?

Луиса уже хотела наигранно возмутиться, но я добавил:

— Переоденешься в халат, пока твоя одежда сохнет. И выпьем чего-нибудь получше, чем этот кофе.

Она сощурилась, раздумывая. Время было поздним, и приглашение выходило двусмысленным, а я и сам не знал,

чего хочу. Просто не мог отпустить ее так быстро. Мы ведь только встретились!

— У нас есть еще по крайней мере два часа, ведь мы договаривались встретиться раньше.

Луиса вздохнула:

— Мы не уверены, была ли договоренность.

— Но надо же перебить вкус этого жуткого кофе! — возмутился я. — Я провожу тебя до дома. Подсушим одежду утюгом и выпьем по чашке чая.

Она кивнула:

— Ну, хорошо. По одной чашке!

В квартире меня встретила Жюли. Этим вечером я оставил ее дома, и теперь она радостно крутила хвостом и толкалась у нас под ногами. Я вспомнил про Жана, который мог уже вернуться, но дома, кроме собаки, никого не было. Наверное, допивает вино с каким-нибудь особым, тягуче-долгим десертом, решил я. Луиса быстро переоделась в халат и отправилась сушить одежду.

Когда я тоже переоделся и вышел из ванной, в квартире было тихо. Я испугался было, думая, что Луиса ушла, но заглянув в комнату, увидел ее. Она уже оставила утюг и безмолвно рассматривала мои картины, сложенные

вдоль стены одна за другой. Я не развешивал их по стенам, предполагая, что скоро отправлю на выставку, и чтобы разглядеть дальние полотна, Луисе не без усилия приходилось отодвигать те, что стояли впереди.

— Что это? — спросила она, оборачиваясь ко мне.

Она все еще обнимала себя руками, словно мерзла.

Я насупился. Мне не хотелось, чтобы она видела мои работы раньше времени. Ведь я собирался пригласить ее на выставку и там показать нечто особенно важное. К счастью, те самые две картины она еще не нашла — я отодвинул их в дальний угол, словно боялся, что кто-то может испортить их своим взглядом.

— Это последние, — объяснил я неохотно. — Не хочу, чтобы ты смотрела. Пока что, — добавил я тут же, увидев вопрос в глазах Луисы.

— Но почему?

— Я собираюсь их выставить, — пробормотал я, словно боялся, что она сейчас же меня отговорит.

— Это и есть те воспоминания? — спросила она.

Я все пытался понять, что же она обо всем этом думает, но не мог.

— Да, — я кивнул. — Те самые пейзажи.

Луиса отвернулась и еще долго рассматривала картины, задумчиво и мерзло обняв себя руками. Я колебался, думая предложить ей чашку горячего чая, но не хотел спугнуть момент на тот случай, если она собиралась что-то сказать. Наконец она снова повернулась ко мне и произнесла:

— Я бы купила одну, — и улыбнулась. — А может, и две.

Я с облегчением выдохнул. Значит, отговаривать меня она не будет.

— Ты совсем окоченела. Я заварю чай, — предложил я.

Она согласно кивнула. А у меня как гора с плеч свалилась. Наверное, это было совсем безумием, но именно ее суда я боялся больше всего. Стоило ей сказать «нет», и я в тот же момент все бы бросил. Именно она казалась мне самым суровым критиком. Не толпа, не журналисты и даже не Жан, который по-настоящему смыслил в искусстве, а именно Луиса — моя муза. Мне хотелось показать ей свои работы именно на выставке, где будет установлен правильный, подчеркивающий достоинства свет, где будет играть приятная музыка, где будут разносить шипучее

шампанское — словом, там, где все устроено для того, чтобы картины понравились. Здесь, в моей полутемной студии, где холсты были свалены как на каком-нибудь грязном складе, искусством и не пахло. Но Луисе, похоже, важно было совсем не то, висит ли полотно аккуратно или стоит, небрежно прислоненное к стене. Она смерила еще одним задумчивым взглядом войско картин и спросила:

— А там? — и указала как раз на два портрета, которые я так хотел от нее спрятать.

— В другой раз, — я уже шагнул через порог. — Сейчас не самое лучшее время.

— Но почему? — она меня не понимала. — Я хочу увидеть.

Она уже двинулась к тем картинам, но я подхватил ее за локоть:

— Чай остынет, — и увлек ее за собой прочь из комнаты.

В кухне Луиса сощурилась:

— Ты даже не поставил чайник!

— Уже ставлю, — я поспешно швырнул его на подставку, выплеснув из носика изрядное количество воды.

Она заметила мое напускное оживление и поджала губы, но я решительно не хотел показывать ей портреты. Не сейчас. Не в этих теплых домашних халатах. И не этой темной ночью. Все секреты за раз не открываются, а на сегодня достаточно и ее тайны. Я припомнил ее голос и зажмурился.

— Эта квартира мне нравится больше, чем твоя парижская, — заметила Луиса, когда я стал разливать чай.

— И мне здесь больше нравится, — ответил я. — А ты? Где больше нравится жить тебе?

— Я не знаю, — она пожала плечами, принимая у меня чашку. — Пока что меня вполне устраивает жить здесь, в твоём городке.

Она весело мне подмигнула. Похоже, о картинах она вспоминать больше не собиралась, а мне не хотелось снова упрашивать ее подождать. Но и узнавать о планах Луисы меня не тянуло. Не хотелось портить момент размышлениями. Какая разница, что будет завтра, если сегодня у нас настоящее свидание?

Я рассматривал Луису в своём бежевом банном халате, чуть беззащитную в этом нелепом одеянии, немного растрепанную, с ещё мокрыми волосами, и в груди

разливалось тепло, какое бывает, когда наконец ловишь свою заветную мечту.

Луиса заметила мой довольный взгляд и подзадорила:

— Как хорошо тебе удастся меня к себе заманивать! И еще этот дождь. Вы как будто в сговоре.

— Может, и так, — я качнул головой. — В любом случае получается у меня неплохо. Или дело в том, что это ты мне подыгрываешь?

— Потрясающе, — Луиса с шутливым гневом отставила чашку. От горячего чая она покраснелась. — Значит, дело во мне!

— Определенно, в тебе, — согласился я.

В дверь нетерпеливо зазвонили, и Луиса вздрогнула:

— Кто это так поздно?

Жан! Ну, конечно.

— Консьержка уже спит, — недовольно заметил он едва я распахнул дверь. — Что, если бы тебя не было дома?

Он шагнул внутрь.

— Кстати, а почему ты дома?

Из-за моей спины выглянула Луиса.

— Ах, вот оно что, — Жан усмехнулся. — Тогда я еще погуляю. Так и думал, что рано не стоит возвращаться.

— Это мой друг Жан, — объяснил я ей. — Он приехал меня навестить. Из-за него я опоздал на встречу. А это Луиса, — добавил я для Жана.

— Нечего меня винить, — возмутился тот. — Я-то откуда знал!

— Очень приятно, — Луиса мягко улыбнулась. — Но не стоит из-за меня беспокоиться, это я лучше пойду. Одежду я немного подсушила, чая выпила и согрелась. Спасибо за гостеприимство. К тому же картины Леон мне все равно показывать не хочет, и делать мне здесь больше нечего.

Последнее она словно бы подчеркнула, и я гневно глянул на друга. Тот ответил, пожав плечами, словно спрашивая, при чем здесь он. Луиса тем временем, весело насупившись, исчезла в комнате, чтобы переодеться.

Как и обещал, я проводил ее до дома.

— Ты уж прости, что Жан нас прервал, — извинился я. — Мы посидели совсем недолго.

— Можем исправить это в следующий раз, — она улыbnулась. — И мне было интересно посмотреть на твои картины. На все, кроме тех, что ты от меня скрыл.

— Ты их увидишь, — пообещал я. — Нет ничего лучше предвкушения.

— Это правда, — она кивнула. — Ты меня заинтриговал. На этот раз позвоню тебе я, — Луиса посмотрела на меня строго. — Твоя очередь ждать две недели.

Я подмигнул ей:

— Отмечу в календаре. Отсчет пошел.

— А может, три или четыре. В баре Алонсо столько работы!

Она махнула мне на прощание и исчезла за дверью. Обратнo я возвращался в задумчивости, но стоило перешагнуть порог, как Жан набросился на меня с нетерпеливыми вопросами:

— Так это и есть она? Та самая Луиса?

Я кивнул.

— А что за картины ты от нее скрывал?

— Ее портреты, — объяснять мне не хотелось.

Я немного злился на друга: Жан оборвал наше свидание, так и не дав нам всласть друг на друга насмотреться.

— Покажешь? — допытывался он.

— Потом, — буркнул я.

— Когда я уеду? — напомнил Жан.

— Да, — невпопад ответил я.

— Леон!

Я вздрогнул. Когда друг называл меня по имени, дело было серьезным.

— Ну, хорошо, — сдался я. — Смотри.

Я вытащил из дальнего угла два портрета и поставил их рядом. Они встали рука об руку как зеркальное отражение, только все-таки совсем разные. Жан присвистнул.

— А прогресс у тебя налицо. Или твоя мания — как вино, настоялась? — он усмехнулся. — Нет, серьезно, мне нравится.

Я раздраженно повел плечом.

— Собираюсь устроить выставку.

Раньше одобрение Жана значило для меня все, а теперь я пропустил его слова мимо ушей. Куда больше я

боялся мнения Луисы, а показать картины ей еще предстояло. Что она подумает о себе самой, написанной маслом? Что скажет о том, что я называю ее своей музой? Что, если и она заговорит о мании, как Жан, но только без улыбки? Ну, а Жан...

Я негодовал оттого, что он нарушил нашу встречу с Луисой, но понимал, что получилось это неумышленно. О своем приезде Жан не предупреждал, а выставить его ночевать в гостиницу я никак не мог. В конце концов я успокоился и, засыпая, стал думать о Луисе и о том, когда же она позвонит. Хотя это было совершенно неважно: я собирался заглянуть к Алонсо уже назавтра.

Готовить выставку я начал сразу. Жан оставил меня через пару дней, умчавшись к своим моделям, но перед отъездом долго советовал, в каком порядке поместить картины и как поставить свет. Потом подмигнул и добавил, что с Луисой мне стоит видеться пореже.

— Ты не встречался с ней восемь лет, и посмотри, как теперь пишешь. Что, если, завтракая у Алонсо каждое утро, ты растеряешь весь свой талант?

Я отмахивался.

— Второй портрет я написал уже после новой встречи. Я должен видеть свою музу.

Жан покачал головой, но я знал: он за меня радуется. И все же мне было обидно, что я не смогу пригласить его на выставку: в эти дни он как раз отправлялся в Лондон.

— Сними мне видео на открытии, — попросил Жан.

Я посмеялся:

— Лучше ты. Я-то в Лондоне не бывал.

На этом мы закончили, и Жан уехал. А я погрузился в приготовления. Договариваясь с Полем, хозяином местной галереи, я то и дело заглядывал к Луисе, прикрываясь усталостью. За эти дни я выпил, наверное, тонну кофе, но у Алонсо он выходил вкуснее некуда, особенно из ее ловких рук. Она посмеивалась, в очередной раз замечая меня у стойки, и мы долго болтали то об одном, то о другом. На вопросы о выставке я отвечать отказывался: хотелось оставить ее каким-никаким сюрпризом, хотя дата открытия или напитки, которые я заказал, были куда менее страшной тайной, чем два портрета, вокруг которых я и собирался все построить.

Как-то мы засиделись в баре допоздна, и Алонсо уже хотел запирать дверь, но я уговорил его оставить ключи

Луисе. Мне все казалось, что вечер только начался, и уходить куда-то совсем не тянуло. Очень хотелось пригласить Луису к себе и восполнить пробел, который оставил своим появлением Жан, но я вспоминал ряды картин, прислоненные к стене в ожидании своего часа, а в глубине комнаты — два заветных портрета, и желание растворялось. Она обязательно их посмотрит, а следить за ней, словно за ребенком, просто глупо.

— А что ты собираешься делать потом, после выставки? — спросила Луиса.

В пустом зале гуляло едва заметное эхо, и странно было видеть перевернутые стулья на столах. Свет приглушили, и теперь работали только две лампы над стойкой. Мне казалось, что мы на сцене, а зал полон невидимых зрителей, которые из темноты следят за нашими разговорами. Иногда я даже оборачивался, словно боялся увидеть в глубине комнаты неодобрительный взгляд; но, кроме нас, в баре никого не было. Только мы с Луисой и очередная чашка кофе.

— После? — переспросил я. — Еще одну выставку.

— Ты уже думал, что будешь рисовать?

Я покачал головой.

— Я могу подсказать тебе, — в глаза Луисы заиграли озорные огоньки. — Хочешь?

Она покосилась на микрофон и увитую проводами аппаратуру у окна, где обычно пела.

— Конечно!

Я невольно расплылся в улыбке.

Она запустила медленную, задумчивую мелодию и запела. Это была какая-то знакомая, когда-то очень знаменитая песня. От нее веяло стариной, сладким забвением и еще отчего-то тревогой. Но не отчаянным, испуганным и злым волнением перед лицом неотвратимой беды, а тихой, печальной тревогой любви, на которую отведено слишком мало времени. Я вспомнил, что моя русская гувернантка Соня в свое время заслушивалась старыми французскими песнями военных лет. Она пускала пластинки из коллекции отца, совсем свежие на вид, с яркими, нетронутыми обложками. Отец их хранил для коллекции, а сам предпочитал тишину. Моей же гувернантке эти шуршащие пластиночные записи очень нравились. Теперь одну из таких мелодий пела Луиса, но я не прислушивался к словам, потому что война из прошлого была от меня слишком далека. Я думал о том, что и я сам —

как такой обреченный на расставание влюбленный. Настанет момент, и Луиса снова сядет в поезд, и мне останется лишь махнуть ей рукой на прощание, точно как в этой песне.

— Ты приуныл, — заметила Луиса, когда музыка затихла.

Я через силу улыбнулся.

— Ерунда. Просто печальная песня.

— Зато красивая, — она пожала плечами. — Разве нет?

— Еще как, — я горячо закивал. — Но иногда мне кажется, что все самое красивое — именно печальное.

— Есть много других песен, куда более живых, — рассмеялась Луиса. — И они прекрасны. Хочешь, найду что-нибудь такое?

— Нет, — я покачал головой. Не хотелось прогонять хрупкий призрак старой мелодии. Я уже представлял себе, как беру в руки кисть и начинаю новую картину...

— Ну, что? — снова хитро улыбнулась Луиса. — Пришло вдохновение?

Я тут же усмехнулся:

— Откуда ты знаешь?

— Музыка хорошо помогает, — просто ответила она.

— Особенно когда ее исполняет такой прекрасный голос, — заметил я.

Мы помолчали, прислушиваясь к тишине в темном зале, а потом Луиса задумчиво протянула:

— Я бы ничего в своей жизни не поменяла. Наверное, многие посчитают меня неудачницей, но мне нравится вот так путешествовать и петь. Не могу себе представить, как люди вечно живут на одном месте и каждое утро собираются в офис, из которого вернутся домой уже затемно, чтобы тут же снова лечь спать...

Я кивнул, но слово «путешествовать» заставило меня вздрогнуть. Неужели пришла пора прощаться? Но ведь я сам ничем не привязан к своей крошечной квартирке с окнами на парк, где каждое утро продает свое мороженое Пьетро... Я могу собрать вещи за полчаса, надеть на Жюли поводок и отправиться куда глаза глядят...

— А ты? — спросила Луиса. — Тебе нравится твоя жизнь?

Я улыбнулся одним уголком губ, как будто насмеялся над самим собой.

— Да, — я решительно кивнул. — Писать картины — это мое.

— Но? — она внимательно смотрела на меня, будто хотела прочесть мысли.

Я только теперь заметил, как пристально она меня разглядывает. Как будто и сама отчего-то беспокоится.

— Нет никакого «но», — ответил я. — Хотя... — я помедлил, не зная, стоит ли выдавать себя с головой. — Искусства без музыки не бывает.

— Это правда, — Луиса неопределенно повела плечом.

— Твой голос вдохновляет, — продолжил я. — Ты могла бы для меня петь, а я бы писал для тебя картины.

— Неплохой план, — ее глаза снова хитро заблестели. — Но предупреждаю сразу: петь по заказу я не могу.

— Что ты, — я улыбнулся. — Ты будешь вдохновляться моими картинами.

Луиса хмыкнула.

— Но жить в одном городе всю жизнь я не намерена! — строго добавила она.

— Да и меня здесь ничего не держит, — подхватил я.

— Отлично, — подытожила Луиса. — Прекрасный дуэт.

Она рассмеялась. Мы пошутили еще немного, рисуя картины радужного совместного будущего, когда, словно бедные цирковые артисты, будем путешествовать по миру с дрессированным псом по имени Жюли, писать безумные картины, петь в грязных придорожных кафе и ночевать в заброшенных театрах. А потом смех куда-то ушел, и мы оба замолчали, погрузившись каждый в свои мысли. Я думал о том, что так и не понял: шутила Луиса или и вправду не отказалась бы от моего общества. О чем думала она, я не знал, но когда она попросила проводить ее до дома, понял, что эти разговоры вряд ли были ей противны. Иначе она не поцеловала бы меня так нежно у двери, не сжала бы мягко руку и не увлекла бы за собой.

После этого вечера я понял, что у меня есть надежда.

Глава восьмая

А потом я понял, что не хочу открывать свою новую выставку.

Я зашел в галерею накануне, чтобы проверить, все ли готово, и, рассматривая кривые, искаженные дрогнувшей рукой мазки на одной из картин осознал, что не могу завтра распахнуть двери и впустить в этот зал людей.

Я включал и выключал свет, приглушал его и заставлял лампочки светиться ярче, но картина оттого не становилась лучше. Я пытался подойти к ней с другой стороны, наклонял голову, шагал в глубину зала и смотрел на полотно издалека. Потом я взглянул на соседний пейзаж, и меня обуял настоящий ужас. Я, словно помешанный метался вокруг, пытаясь понять, свет ли это виноват или все дело в красках. Затем я глянул на вереницу заботливо вывешенных картин, одетых в одинаковые строгие рамки, которые не должны были отвлекать внимание от самой сути, — и все поплыло у меня перед глазами. Черно-белые углы плясали, дрожали и раздавались вширь, заслоняя свет, акварельные пятна расплывались гигантскими кляксами, захлестывая меня с головой, и сам воздух наполнялся удушающим керосиновым запахом. Я не мог показать это чужим, незнакомым мне людям. Все это было неприятно, некрасиво, уродливо, просто безобразно!

Эти серо-черные, как уголь, тона на картинах, которые я писал, вспоминая потерю родителей, теперь казались мне насмешкой, банальной издевкой над самим человеческим существом. Какая оригинальность! Темные краски вместо печали. Грозовые тучи нависли над городком, и вот уже вдалеке сверкают молнии. Какая непрозрачная, сложная метафора!

А эта безумная смесь всевозможных ярких цветов, словно я радуго разорвал на части и раскидал ее, истекающую красками, по холсту? Помешательство, полоумная круговерть очевидного: я и мои друзья во времена беззаботной юности, когда никто мне еще не успел сказать, что белокурая красавица Лилиан оберет меня до нитки.

Или эти пастельные, до отвратительного нежные, полные света картинки апельсиновых рощ. Здесь я даже придумывать ничего не стал, апельсины напоминали мне только о Тане. Но какой же сахар! До чего шаблонные рисунки, словно из альбома ученицы художественной школы!

А вот чудовищная мешанина из бурого и зеленого — мои метания в погоне за ускользающими друзьями.

Виноградники, смазанные то ли ветром, то ли скоростью с автострады, и прижатые к земле крыши миниатюрных домов — словно надежда, что я доберусь еще до человеческого жилья. Или я только сейчас это придумал? Не было у меня таких мыслей, когда я, забравшись на гору, старательно выписывал запятые черепиц. Или были?

Я смотрел дальше. Роща, затянутая паутиной тумана, а позади — неторопливое восходящее солнце, и лучи разбегаются веером по усыпанной росой траве. А ведь я просыпался каждое утро в Парижской квартирке с таким же солнцем-обманкой, оно мешало мне разогнать туман и путало мысли, успокаивало, нашептывало свои сладкие песни. Но я выбрался...

А вот яркие, уверенные огненные тона с черной, бархатной оторочкой, словно у каких-то гордых цветов. Таинственные, переливающиеся градиентом переходы, ослепительно-оранжевый, шелково-алый, обнимающий все рамкой темно-коричневый и светлые цвета весеннего солнца, краски непосредственности — Луиса. Два ее портрета, которыми завершается выставка. Последние полотна, ни капли не похожие на другие. Внезапное

нарушение лирично-нерасторопного шествия разномастных акварельных пейзажей.

Все как на ладони. Вся моя сознательная жизнь. От и до. Все, что меня когда-либо волновало, — здесь. В этом самом полутемном зале, закрытом пока на замок. И посреди него стою я, понимая, что никак не могу показать эту тошнотворную смесь никому, кроме себя самого. Не могу показать ничего, кроме Луисы в ее двух воплощениях. Но только не ей самой. Лучше бы она и не приходила на выставку!

Я вылетел из зала, рывком опустил рубильник, и огни потухли, погрузив картины в теплую черную ночь. Я слишком долго гремел ключами, запирая за собой двери, и боялся смотреть назад, в темноту комнаты, в которой закрывал свое прошлое.

В квартире меня весело встретила Жюли. Она соскучилась по мне так, словно не видела неделю, да и я, кажется, чувствовал то же. Опустился на колени, обхватил крепкую шею руками, зарылся пальцами в мех и думал: хорошо бы навсегда остаться вот так, с единственным существом на земле, в преданности которого можно не сомневаться. Жана теперь рядом нет, а Луиса — что она? О

ней я не знал ничего. Что, если я все испорчу своей нахальной демонстрацией, назначенной на семь вечера завтрашнего дня?

Впервые в жизни я колебался по-настоящему. Трижды я твердо решал, что не открою выставку, и трижды, крепко сжав зубы, отмахивался от сомнений. И отчего я так запаниковал? Ведь я показываю свои картины не впервые, и в каждой из них я оставлял частичку себя. Я должен привыкнуть выворачивать свою душу наизнанку. Да и кто догадается о том, что действительно прячется под приятными сочетаниями цветов? Может, и название забудется, а без него нет и намека на настоящее содержание. Просто долина и обычный дом. Красивые башенки, яркая крыша. Аккуратно подстриженный газон и ровные ряды живой изгороди. Ведь не говорит же полотно за меня, в самом деле! Но описание выставки, вся ее жалкая, но гордая реклама... Я все-таки собирался объяснить толпе, что эти пейзажи значат чуть больше. В этом был весь смысл... А что, если выкинуть все описания, плюнуть на красивые замыслы? Показать пару десятков простых рисунков, а потом со вздохом облегчения закрыть за этими чужаками двери?

Но я не мог. Я должен был показать картины так, как задумал. Я словно хотел выплеснуть все те печали и радости, которые меня раньше волновали, и больше о них не вспоминать. Рассказать кому-то еще, кроме Жана, о том, что я видел и ощущал. Мне хотелось воплотить всю свою старую боль и счастье во что-то куда более осязаемое, чем мысли...

И я решился. В конце концов, я обещал показать Луисе выставку. Хорошо бы я выглядел, объявив утром, что передумал. Ведь она мне спела. А я свой секрет так и не раскрыл.

Утром завтракать к Алонсо я не пошел. Представил, как буду все эти полчаса смотреть загнанным зверем на стопку своих буклетов, оставленных у кассы, и решил пожарить яичницу дома. Я не хотел здороваться с Алонсо и отвечать на вопросы. А еще хуже не отвечать на них вовсе. Может быть, он забыл? Или не вспоминал вовсе? Или ему просто все равно? Алонсо я никогда своим другом не считал, но знакомым он мог называться вполне. А знакомые особенно любят заводить глупые расспросы о важных событиях, с невежественностью детей залезая неосторожным словом в самые болезненные глубины.

Может быть, я встретил бы на лестнице мадам Бюшри. Я говорил ей о выставке, а она любит шумные, многолюдные развлечения, где можно подслушать много нового, а увидеть и того больше. Уж она о ней помнит наверняка. Стала бы узнавать, кто придет. А откуда мне знать? Ей-то картины не особенно интересны, разве что тот пейзаж, который я нарисовал по ее совету. А вот люди...

Видеть этим утром Пьетро мне тоже не хотелось. А чтобы добраться до бара Алонсо, нужно непременно пройти через парк, и Пьетро со своей тележкой мороженого стоит прямо у входа: ни свернуть, ни спрятаться. Можно, конечно, подгадать и проскользнуть мимо, когда какая-нибудь девочка в сахарно-ватном платье с напряжением будет выбирать между клубничным и карамельным шариком, но это просто некрасиво. И ведь Пьетро, как и мадам Бюшри, видит все. Не заметить давнего знакомого он не сможет и обязательно мне помашет, а там начнет вслух мечтать, что на открытиях выставок, кроме шампанского, обязательно должны подавать мороженое.

Нет, выходить из дома этим утром мне не хотелось. Я с воровской стремительностью выскочил с Жюли во двор, чтобы та могла прогуляться, а потом так же быстро

шмыгнул обратно. Собака только уныло помахивала хвостом, глядя на дверь, а я готовил завтрак и вспоминал, как каждое утро, ожидая заказа, я болтал с Луисой, устроившись поудобнее в самом конце стойки. В это время посетителей бывало мало: заведение Алонсо совсем не специализировалось на завтраках, а гораздо более вкусные булочки подавали прямо за углом. Но меня привлекали совсем не гастрономические изыски, а Луиса, а по утрам у нее свободного времени было полно. Мы говорили и говорили, а я смеялся, когда подходил Алонсо и шутливо журил меня за то, что отвлекаю его персонал. Но сегодня мне было куда спокойнее здесь, в своей кухне, где даже я сам едва мог разобраться, где лежит сковорода, а где — соль. За все эти годы готовить я так и не научился, предпочитая перебиваться то в кафе, то в недорогом ресторанчике, и только завтраки иногда делал сам, впрочем, без особого умения и фантазии. Мне тут же подумалось, что уж кто-кто, а Луиса приготовила бы мне просто восхитительный завтрак, обязательно с каким-нибудь особым кофе и рассказом о том, где она научилась такой варить. Но идти к ней мне все же отчаянно не хотелось. Я пригласил ее еще на прошлой неделе, назвал дату и время и

получил обещание прийти. Значит, мое присутствие в баре сейчас совершенно не обязательно. В конце концов, у кассы, прямо у нее под носом, лежат мои рекламки — еще одно напоминание. И ей было вправду любопытно посмотреть на картины, которые я тщательно скрывал.

Но в них-то и было все дело! Я трусил потому, что боялся: она подумает, что я сумасшедший. Что я ее преследую или что я на ней помешался. Ведь сейчас люди совсем не склонны верить историям, которые длятся годами, особенно когда герои находятся на неизвестном друг от друга расстоянии, и все, что доступно одному, — это воспоминания, а что доступно другому — и вовсе загадка. Никто не верит в любовь с первого взгляда. Это детская наивность, и горькая правда жизни обязательно преподаст ей свой урок. А если даже и не называть все это любовью, то история в любом случае странноватая. Провести с человеком сутки, а потом восемь лет выписывать одну картину за другой, с увлеченным вдохновением повторяя про себя: вот она, муза — тот самый недостающий элемент. А может, она подумает, что я использовал ее образ или даже ее саму? Что, если ей именно это не понравится? В описании выставки я делал акцент на том, что героиня

последних двух картин сыграла в моей жизни особенную роль. Что, если она подожмет губы и скажет, что стоило бы сначала спросить «героиню»? Узнать ее мнение. Поинтересоваться, по вкусу ли ей быть сказочной феей. Луиса далека от самолюбования, да и чужое восхищение своей персоной ей совсем не интересно, иначе ей было бы маловато скромных выступлений в местных барах. А ведь у нее прекрасный голос. Она могла бы найти агента, продюсера, покорить их одним взглядом, а потом записывать альбом за альбомом. Она пела бы на разных языках, и образ можно было бы придумать любопытнее некуда: свобода без границ, весь мир на ладони... Но она предпочитает работу официанткой, скромную зарплату и простенькие выступления, во время которых посетители не перестают пить, есть и разговаривать. Наверное, ей вообще все равно, слушают ее или нет. Просто за такой вечер ей тоже немного платят, а что куда более важно — она может спеть по-настоящему, а не мурлыкать под нос под дождем. Хотя кто знает, что ей действительно нравится...

Вечером я отправился в галерею с неохотой. Я вышел пораньше, чтобы еще раз проверить освещение, а потом долго бродил между картинами, стараясь их не оценивать.

Мне мучительно хотелось вжать голову в плечи и спрятаться от них, но было уже поздно. В конце концов я махнул рукой, и меня обуяло странное спокойствие: будь что будет. Это не первая моя выставка, а я разволновался, словно мне предстоял выпускной экзамен. Или все-таки есть в этом что-то от правды?

Когда стали прибывать люди и по залу засновали официанты с подносами, я встал у входа и заложил руки за спину, как будто стараясь превратиться в невидимку. Незаметным было куда удобнее наблюдать за посетителями. Кто-то подолгу стоял у белого щита с описанием выставки, другие просматривали лишь первые строки и нетерпеливо отходили к картинам, третьи и вовсе не удостоивали его взглядом. Некоторые разглядывали картины издалека, долго и упорно, а некоторые чуть не задевали холсты носами. Кому-то интереснее было шампанское, а кто-то качал головой, задержавшись у какой-нибудь особо мрачной моей картины.

С большинством я не был знаком, кого-то когда-то встречал на улице, а некоторые лица казались смутно знакомыми — возможно, это были друзья моих друзей.

Мадам Бюшри привела с собой целую стайку подруг (если, конечно, группу женщин такого возраста можно еще так назвать). Но они так весело перешептывались и с такой непостижимой легкостью перемещались по залу, что сравнение с птичками выходило самое подходящее. Они были в своей стихии: большую часть посетителей так или иначе знали, а сплетни за спиной казались им особенно пикантными.

Пьетро заглянул внутрь, только чтобы поздороваться и сделать вежливый круг по залу. Он привез за собой тележку с мороженым и теперь бодро торговал у входа. Я посмеивался. Все-таки непостижимый был Пьетро человек: открывать свое кафе ему казалось неправильным, а вот немного нажиться на радостях друзей — почему бы и нет. Но я не возражал.

Алонсо зашел поздно: он вырвался «на пару секунд», как тут же мне сообщил, но мне показалось, что он обежал зал куда быстрее. Но винить его я не мог: Алонсо мало что понимал в искусстве, да если бы и захотел, не смог бы заинтересоваться. Он похлопал меня по плечу и высказался:

— Отличная работа!

Я успел лишь спросить, видел ли он Луису, но Алонсо покачал головой.

— Смена у нее уже закончилась. Ну, удачи! Если останется шампанское — не пей в одиночку!

Когда Алонсо ушел, меня по-настоящему взял страх, что шампанское все-таки придется допивать одному. Где Луиса? Почему не пришла сразу после работы? Может, передумала? Или забыла? Обиделась? Уехала?..

Теперь мне страстно хотелось, чтобы она появилась. Все опасения, что она подумает, испарились. Чтобы подумать, ей нужно прийти. Но ее нет...

Между тем кто-то хмыкнул позади меня. Я обернулся и расплылся в глупой непонимающей улыбке.

— Жан? — только и смог я вымолвить.

Друг разматывал дорожный шарф.

— Прямо с поезда, — объявил он. — В Париже такие дожди!

Он показал мне почти просохшие носки ботинок.

— Но ты же должен быть в Нью-Йорке, — сощурился я.

— А я решил отложить турне на неделю, — объяснил друг.

— Но как... — я все еще не понимал.

— Я же не мог пропустить твою главную выставку,
— улыбнулся Жан.

Я все еще не мог поверить.

— Как же тебе удалось? Разве так можно? —
допытывался я.

Жан махнул рукой.

— Гениям все можно, — и подмигнул мне.

— А, конечно, — я с усмешкой кивнул. — Тогда все
ясно.

— Я же сказал тебе: нельзя подсвечивать с угла.
Видишь тени? — Жан устремился в зал, деловито бормоча.

Я лишь смотрел ему вслед со счастливой улыбкой. Я
и не надеялся увидеть Жана и приготовился принимать
толпу таких, как Пьетро и Алонсо. Но теперь, когда здесь
мой настоящий друг, уже неважно, что делают остальные!
Но потом улыбка сползла с моего лица: теперь
единственной, кого так не хватало, была Луиса. Все зрители
на местах, кроме нее. И из-за этого может провалиться весь
спектакль...

Тревога и страх куда-то испарились. Вместо них
внутри ширились пустота и странное спокойствие: значит,

не придет. Что ж, нужно было ожидать и такого исхода. В конце концов, почему я был в ней так уверен? Или она просто опаздывает и нет никаких подтекстов или страшных тайн? Она придет чуть позже. Появится, когда толпа поредеет, и будет рассматривать картины в полупустом зале. Так ведь куда приятнее.

Я стал представлять, как Луиса себя поведет. Наверное, пройдет по залу один раз, другой, третий. Будет упорно молчать, и нельзя будет догадаться, о чем она думает. А может, разругается от замешательства, увидев себя в центре выставки. Или возмутится, тряхнет головой и вылетит прочь. А скорее всего, она просто кивнет мне, похвалив технику, но заметит, что было совсем не обязательно показывать ее всему миру. Сухо порадуется моему успеху, но мягко отстранится. Или нет... Совсем не так. Ведь это не Луиса. Я помню, первый портрет ей понравился. Второй вышел не хуже. Вот что она сделает: посмотрит на портреты, и в глазах ее загорится лукавый огонек. Она закусит губу, как делает, когда ей очень хочется сказать что-то важное, а потом просто улыбнется. Не скажет ни слова. Одна улыбка — и можно будет с облегчением

выдохнуть за все эти восемь лет, за выставку, за пейзажи, за портреты и еще — за нас с Луисой.

Но ее все не было. Может, она решила не приходить потому, что я не позавтракал у нее утром? Да нет, ерунда. Я приходил к ней не каждый день. То есть за редкими исключениями. Очень редкими. Почти несуществующими исключениями. В общем-то, да, я действительно завтракал в баре Алонсо все эти две недели. Но может, она подумает, что я был очень занят выставкой... поймет и не будет судить...

Я тряхнул головой. Будь что будет!

Это новое «спокойствие» заставило меня оглядеть зал совсем другими глазами. Занятый людьми, я совсем позабыл о картинах, а ведь многие я написал очень и очень давно и теперь впервые за долгое время взглянул на них, но лишь мельком, когда регулировал освещение. Сейчас же я замер, рассматривая одну за другой: и те, что я почти забыл, и те, что вчера привели меня в такое отчаяние.

Внутри меня волной поднималось странное чувство, и губы сами невольно растягивались в улыбку.

Я смотрел на всю свою старую жизнь, написанную мной новым, и ликование заполняло меня до краев. Я

вспомнил свою первую выставку, и мне захотелось смеяться. Смеяться безумно и глупо, чтобы испугались посетители. Каким же я был тогда наивным дураком! Как же свято я верил красавице Эстель и самовлюбленному Лансу! Но хуже всего — как искренне я верил в себя. Мне казалось, что вот теперь-то я заработаю целую гору денег, получу назад свой банковский счет и заживу по-старому, *как нужно*. Но деньги не посыпались на меня сверкающим дождем, ничего из старого не вернулось. Да и что такое было это *как нужно*? Нужно кому? Зачем? Я ничего не понимал. Я только и беспокоился, что о деньгах, и даже не задумывался, что с ними буду делать. Без задней мысли потрачу их на поездку в такси? Закажу роскошный ужин? Приглашу всех друзей на празднование своего триумфа? Ведь тогда мне казалось, что вот он — этот триумф. Что вот теперь-то дела пойдут в гору... А вместо того меня спустили вниз по лестнице, и не кто-нибудь, а я сам. Ведь не заставляла же меня Эстель следовать ее советам! Не вымогала деньги на все приготовления. А Ланс? Ведь я пошел к нему сам. Сам взялся за уроки с усердием первоклассника и твердо верил, что научусь быть великим. Но кем же я был? Уж точно не великим...

Я с жалостью вспоминал, как с детской радостью собирал вырезки из газет и журналов, в которых писали обо мне. Где эти вырезки теперь? Выбросил при переезде. Не хватало еще краснеть, вспоминая те дни... А что же теперь? Я с удовольствием оглядывался по сторонам и понимал, что изменилось все. Выставка была другой. Город был другим. Другими были даже люди. Простой зал, крошечный городок, дешевое шампанское... И все — настоящее. Это не декорации, не картонные изображения, не подделки. Все это — живое, подлинное. И сам я — подлинный.

Эта мысль вскружила мне голову. А ведь и правда: изменились не только пейзажи за окном моей квартирки, климат или распорядок дня. Все куда глубже... Куда кардинальнее. Есть ли мне дело, продам ли я хоть одну картину? Нет. Прокормиться я смогу всегда. Во-первых, у меня есть настоящие друзья. Жан, пусть живет далеко, всегда готов прийти на помощь. Алонсо, пусть и всего лишь знакомый, озабоченный собственной вырубкой, но тоже не оставит. Даже Пьетро, с которым мы никогда не говорили ни о чем серьезном, угостит мороженым и бесплатно. А даже если и не рассчитывать на друзей... Я всегда смогу отыскать работу. Устроюсь, как в Париже, в какой-нибудь

крошечный ресторанчик, и буду носить тарелки. И больше не буду сравнивать себя и посетителей, себя и других официантов. Мне больше не будет дела до того, кто сколько зарабатывает и у какое кого образование, ведь каждый вечер я буду приносить в свою студию новое вдохновение. А это значит, что в жизни будет смысл. И какой...

Что было смыслом моей жизни раньше? Беззаботность? Она была глупой, поверхностной, пустой. Встать, когда хочу, чтобы лениво принять ванну, долго завтракать в пустой и гулкой столовой, где мне прислуживает молчаливый Филипп, потом болтаться по дому, придумывая, чем бы заняться сегодня, заснуть в садовом гамаке от скуки, проснуться к вечеру и, как по расписанию, отправиться гулять с друзьями... Но ради чего? Чтобы ощутить что?.. Ведь я даже не взял на себя труд закончить учебу на юридическом факультете: слишком уж это было напряженно для моей изнеженной натуры. Я все прикрывался поиском самого себя, желанием осмотреться, а между тем просто хотел ничего не делать. А что же теперь? Беззаботность, которую я ощущаю сейчас, — осмысленная. Я помню о счетах и веду свой бюджет, прекрасно зная, сколько еще могу потратить в этом месяце. Но закрывая

дверь квартиры и отправляясь с Жюли в холмы, я снова беззаботен. Так, как должен быть беззаботен художник.

Я рассматривал картины, переходя от одной к другой, и образы прошлого пробегали у меня перед глазами. Вот веселье с друзьями — вернее, с теми, кого я так раньше называл. Как же это было бессмысленно... Вот темные тона и печаль потери. Но чувствовал ли я ее тогда? А вот сладко-коричневые краски, как будто я писал картину, вспоминая тирамису Бьянки. Интересно, что я в ней нашел, кроме потрясающей фигуры, блестящих волос и больших темных глаз? Апельсиновые рожи с Таней... Тогда я думал, что она особенная. А ведь она была беспечной бабочкой, почти как я. Без обещаний и лишних сложностей... Болотная круговерть первых дней, когда я лишился состояния. Тогда мне казалось, что если я не верну деньги, то непременно пойду на дно. Но сейчас у меня даже сотни евро не отложено для сбережений. По меркам старого Леона теперешний — настоящий бедняк. Но хочу ли я что-то менять? Нет.

Я смотрел на картины и видел словно бы чужую жизнь. Это был не я. Я давно уже не знал парижанина Леона Вердье, студента Сорбонны, весельчака, беззаботного

наследника, уверенного в себе красавчика, любителя привлекательных женщин.

Я знал Леона в рубашке, вечно запятнанной красками. Молчаливого, погруженного в себя Леона, который обдумывает очередной сюжет. Леона, который целыми днями бродит по долине, выискивая красивый пейзаж. Леона, уплетающего мороженое вместе с собакой. Леона, для которого каждый день наполнен истинным счастьем. Леона, который нашел свою музу. Леона, который любит ее одну до умопомрачения.

Появление Луисы прервало мои глупые, спутанные мысли. Она замерла при входе, с интересом рассматривая зал и ища меня глазами. Вот почему она опоздала: переделась в легкую темную блузку, которая выглядела чуть праздничнее, чем ее будничные свободные футболки. Украшений она не надела, но собрала волосы в причудливую полурастрепанную косу набок. Она выглядела великолепно, и это была обычная, настоящая Луиса: ни вычурного платья, ни блестящего ожерелья, ни замысловатого нагромождения сложной прически. Она все-таки потратила время, чтобы немного принарядиться, но своему привычному образу не изменила. Кажется, я

выдохнул с облегчением: она все-таки была совсем не такой, как другие.

Между тем Луиса шагнула в зал и нахмурилась. Я с напряжением наблюдал, как она останавливает взгляд на самых дальних картинах — двух ее портретах. На мгновение я подумал, что сейчас сбудутся мои опасения: она развернется и решительно метнется прочь из галереи. Слишком суровым было выражение ее лица. Она словно мысленно выставляла оценки сначала левому полотну, а потом правому. Сколько же? Пара баллов из десяти или хватит и одного? На обе картины?

Она долго смотрела на них, не шевелясь. Я застыл сбоку, незамеченный, и ждал, что будет дальше. А потом Луиса вдруг закусила губу, как обычно делала, когда хотела сказать что-то важное. В глазах ее загорелся лукавый огонек.

Еще мгновение — и она широко улыбнулась.

Кажется, она была согласна взять меня в свое путешествие.